

Proceedings of the Conference

St. Petersburg
«Istoricheskaia illustratziia»
2006

МЕНШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы чтений

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2006

Меншиковские чтения – 2006: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. –
СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. – 128 с.: ил.

ISBN 5-89566-063-0

Ответственный редактор П.А. Кротов

*Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, издательство
и коллектив авторов выражают глубокую признательность
Балтийскому банку и лично советнику Экспертного совета,
члену Совета директоров Балтийского банка
Юрию Михайловичу Панфилову
за материальную поддержку выпуска сборника.*

Редколлегия не всегда разделяет мнения,
высказанные авторами публикаций в сборнике.

На обложке:

Памятник А.Д. Меншикову в пос. Березово. *Скульптор А.Г. Антонов;*
Березово. Острог. *Рисунок Т. Кенигсфельда (1740). Фрагмент*

© Коллектив авторов, 2006

© А. Спиридонов: макет и оформление, 2006

© Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, 2006

© «Историческая иллюстрация», 2006

Имя Александра Даниловича Меншикова (1673–1729), самого известного сподвижника императора Петра Великого, значение которого в истории переходной эпохи от старомосковской Руси к России Нового времени столь удачно обозначил великий поэт А.С. Пушкин, – «полудержавный властелин», – это очевидный центр проблематики очередного, четвертого по счету ежегодного научного сборника «Меншиковские чтения». О государственной деятельности А.Д. Меншикова в той или иной степени говорится во всех публикуемых в ежегоднике материалах.

«Меншиковские чтения–2006» отличаются от предыдущих выпусков наличием раздела критики – развернутого ответа профессора, доктора исторических наук Ю.Н. Беспятых «Как ваше слово отзовется?» на рецензию профессора, доктора исторических наук Н.И. Павленко на монографию «Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность» (СПб.: Историческая иллюстрация, 2005). Ответ на рецензию Н.И. Павленко, опубликованную в журнале «Наука и жизнь» (2006. № 3), введет читателей в самую гущу острых научных прений по меншиковской тематике. Публикуемый полемический материал дает возможность следить за научной логикой прений, оценить «вес» приводимых в споре доказательств.

Злободневен и полемически заострен сюжет о «человеческой цене» сооружения Петром I новой столицы России на берегах Невы. Спор по этому вопросу, по существу, начался еще при жизни Петра I и продолжается, то затухая, то вновь разгораясь, до нашего времени. Посвященная этому сюжету статья Е.А. Андреевой основана главным образом на новом обильном статистическом материале, извлеченном из архивов. В основу статьи положена защищенная автором в 2006 г. диссертация. Статья Е.А. Андреевой должна, в силу сказанного, вызвать интерес читателей. Можно ли считать Санкт-Петербург городом, построенным «на костях»? Является ли это широко распространенное представление мифом общественного сознания или оно действительно отражает исторические реалии Петровской эпохи?

Исследование пищевого рациона адмиралов флота Петра Великого, проделанное на большом впервые вводимом в научный оборот архивном материале И.Г. Дуровым, освещает не только «кулинарную» сторону жизни

верхов государственной элиты Петровской России, но и степень разрыва в социальном положении «верхов» и «низов» общества.

Какой виделась государственная деятельность А.Д. Меншикова пребывавшему в Санкт-Петербурге голландскому дипломату – резиденту Я. де Би, показано на основе списков его донесений из России, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, в статье Н.П. Копаневой.

П.А. Кротов вскрыл литературно-художественную природу ряда прочно внедрившихся в научные труды исторических мифов о Полтавской битве 1709 г., в которой столь ярко проявил себя Александр Данилович. Кажется невероятным, что донныне в отечественной научной литературе некоторые вымышленные в середине XVIII века псевдособытия выдаются за произошедшие в действительности. Автор статьи показывает, что их придумал П.Н. Крекшин, явно не лишенный литературного дарования писатель, житель Санкт-Петербурга.

Какие сведения получали о светлейшем князе читатели первой русской печатной газеты «Ведомости» освещено в статье Е.А. Савельевой.

Сложная история взаимоотношений А.Д. Меншикова и украинского гетмана И.С. Мазепы освещается в статье Т.Г. Яковлевой. Читатели почувствуют всю остроту полемики вокруг личности И.С. Мазепы, ознакомятся со взглядами на его политическую программу и мотивы действий в украинской историографии (включая опубликованные за пределами Украины труды современных исследователей). Автор стремится раскрыть и запутанный вопрос, куда и кому попали накопленные гетманом богатства.

Редколлегия и авторы сборника надеются, что «Меншиковские чтения – 2006» найдут свою дорогу к читателям.

*Член редакционной коллегии
издательской программы «Библиотека Фонда памяти
светлейшего князя А.Д. Меншикова»,
доктор исторических наук, профессор,
академик Академии военно-исторических наук*

П.А. Кротов

Е.А. Андреева

Одно из наиболее устойчивых представлений, сложившихся о раннем Петербурге, состоит в том, что город был воздвигнут на многочисленных костях его строителей. Источниками для этих суждений послужили иностранные свидетельства того времени. Так, датский посланник при русском дворе Юст Юль в своих «Записках» под 29 марта 1710 г. сообщает, что при сооружении Петербургской крепости в 1703 г. погибло 60 тыс., а при строительстве зимой 1703–1704 гг. Кроншлота – 40 тыс., то есть всего 100 тыс. человек¹. Автор (или авторы) описаний Петербурга 1710–1711 и 1716–1717 гг.² и, вероятно вслед за ним, шотландец П.Г. Брюс (1714–1716 гг.) и датчанин П. фон Хавен (1736–1737 гг.) говорят о более 100 тыс. погибших в дельте Невы за лето 1703 г.³ Ганноверский резидент Ф.Х. Вебер в своих «Записках» под декабрем 1714 г. пишет, что при возведении крепости в Таганроге погибло более 300 тыс. человек, а в Петербурге и Кроншлоте «еще более». Главными причинами такой массовой гибели людей он называет голод и болезни, «развившиеся от болотистой почвы»⁴. По свидетельству секретаря прусского посольства при русском дворе И.Г. Фоккеродта, находившегося в этой должности с 1718 по 1737 г., при возведении деревоземляной Петербургской крепости, «по собственным показаниям русских, от голода и болезней» погибло до 200 тыс. человек⁵. Согласно французскому дипломату в Петербурге Ж.-Ж. де Кампредону, составившему в 1723 г. «Записку о доходах царской казны на всем пространстве владений царя», на строительстве крепостей, а также Ладожского и Кронштадтского каналов погибло более 150 тыс. крестьян⁶. О. де ла Мотрэ в своем «Путешествии...» 1726 г. сообщал, что с начала мая 1703 г. по конец

1705 г. в дельте Невы погибло свыше 30 тыс. человек «от недостатка провизии и пагубного климата», всего же строительство города на Неве стоило жизни более чем 80 тыс. работников⁷. Английский путешественник Фр. Дэшвуд в своем «Дневнике» в 1733 г. говорит о 300 тыс. человек, погибших при основании Петербурга и Кроншлота⁸. Итак, согласно иностранным источникам 1710–1730-х гг., на строительстве северной столицы погибло от 80 до 300 тыс. человек. Главными причинами смертности называются голод и болезни.

Некоторые исследователи считают справедливыми приводимые в иностранных нарративных источниках огромные цифры людских потерь на строительстве Петербурга. Так, И.Н. Божерянов красочно описывает судьбы первых строителей Петербурга: «Переселенцы, пригнанные со всех концов государства, положительно не щадили своего здоровья: заболевая, они ложились прямо на землю, отказывались упорно от врачебной помощи и умирали»⁹. Автор, скрывшийся под инициалами «Е. П.», придерживается мнения, что тяжелые условия труда, сырой климат привели к тысячам погибших, особенно при возведении крепости на Заячьем острове¹⁰. П.Н. Столпянский также подчеркивает большую смертность первых строителей Петербурга: «Шестьдесят тысяч крестьян, рабочих и солдат легло костями в первой половине XVIII в. и при постройке крепости, она покоится на костях 60 тысяч русских людей»¹¹.

По подсчетам Ю.М. Овсянникова, в первой четверти XVIII в. умирал каждый третий строитель будущей столицы. Поэтому исследователь полагает справедливой легенду о том, что Петербург стоит на костях¹². Такие большие людские потери выведены следующим образом. Согласно письму петербургского губернатора А.Д. Меншикова к кабинет-секретарю А.В. Макарову, в 1716 г. в Петергофе и Стрельне скончалось более тысячи работников. Данные же, сколько всего человек там в то время трудилось, отсутствуют. Исходя из выявленных С.П. Лупповым сведений о том, что годом ранее в Петербург было прислано 4380 человек, из которых три тысячи отправлены на строительство дворцов, Ю.М. Овсянников заключает: и в 1716 г. там трудилось столько же¹³.

Таким образом, ответственное утверждение, будто в Петербурге погибал каждый третий работник, основывается на одном документе, в котором упоминается лишь число погибших, но нет сведений об общей численности работников. П.Н. Петров первым усомнился в приводимых иноземцами, а именно Ф.Х. Вебером, цифрах потерь

среди строителей раннего Петербурга, сочтя их сильно преувеличенными. Изучив именные погодные списки Канцелярии городских дел, П.Н. Петров определил, что в них из года в год повторялись фамилии одних и тех же рабочих людей: «Мы увидели по спискам Канцелярии строений из года в год именные перечни одних и тех же работников, из одних и тех же мест, что доказало жизнь и деятельность их, а не умиранье»¹⁴. А.В. Предтеченский вслед за П.Н. Петровым утверждает: «сплошной» смертности среди строителей будущей столицы не было¹⁵. С.П. Луппов отмечает, что, с одной стороны, болезни и смертность среди рабочих на строительстве Петербурга – обычное явление, когда погибали тысячи людей; с другой – царь «пытался» бороться с большими людскими потерями, в частности обеспечивая медицинским персоналом и доступными лекарственными средствами¹⁶. С точки зрения Г.А. Некрасова, строительство Петербурга велось в очень тяжелых условиях и в неблагоприятном, сыром климате, поэтому в городе были высокая заболеваемость и смертность, но правительство предпринимало на сей счет «некоторые мероприятия»¹⁷. О.Г. Агеева – единственная, кто полагает, что большой смертности в Петербурге не было. Исследовательница находит сообщаемые иностранцами цифры завышенными в 50–100 раз. По ее подсчетам, за 1703–1715 гг. в устье Невы скончалось менее двух тысяч работников¹⁸. Е.В. Анисимов, с одной стороны, считает преувеличенными сведения Ю. Юля о гибели 100 тыс. человек в первый год строительства Петербурга и Кроншлота, поскольку такого количества людей там просто не могло быть. С другой, он полагает, что «отмахнуться от данных, приводимых в мемуарах, нельзя», как и «считать, что большая смертность на стройке – миф и пустые слухи»¹⁹. По мнению исследователя, «проверить и систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях рабочих, практически невозможно», поскольку о смертности в Петербурге сохранились только «отрывочные, краткие данные»²⁰. Вместе с тем Е.В. Анисимов заключает: «...при такой массе строителей за 15 лет смерть 100 тысяч человек не кажется невероятной»²¹. Автор указывает несколько причин большой смертности среди рабочих: тяжелые условия жизни, плохое питание, отсутствие медицинского обслуживания и болезни²². Но главное, как подчеркивает историк, «насилие было нормой жизни, пренебрежение к человеку – обычным явлением», люди для Петра I были лишь «материалом, кирпичиками», с которыми он никогда не считался,

«гробя на непосильных работах и на поле боя десятки тысяч человек»²³.

Таким образом, на сегодняшний день наука не располагает документально подтвержденными цифрами людских потерь на строительстве петровского «парадиза». Кроме того, не сравнивалась смертность в невской дельте со смертностью на других строительных и промышленных объектах Петровского времени.

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего надо знать, сколько человек трудилось в Петербурге в первые годы его существования.

Будущая столица возводилась как квалифицированными, так и неквалифицированными работниками. Подавляющее большинство строителей составляли присылаемые ежегодно по разрядке работные люди или, как их еще называли, посошане (посоха – это неквалифицированные работники, набравшиеся из государственных, дворцовых, помещичьих, вотчинных и церковных крестьян, а также из посадских жителей).

В историографии применительно к первому десятилетию строительства города основное внимание уделено именно этой категории работников. Так, П.Н. Петров выявил указы о присылке работных людей в Петербург в 1704, 1705, 1708 и 1709 гг. и установил число ежегодно присылаемых работников (40 тыс.)²⁴. С.П. Луппов, изучая историю строительства Петербурга в первой четверти XVIII в., обнаружил царские указы о присылке по разрядке работников в Петербург в 1706, 1710–1712 гг. и последующие годы и установил, что в 1706 г. определялось прислать 23 тыс., в 1710 г. – 43 928, в 1711 г. – 30 448, в 1712 г. – 28 800 человек²⁵. Несмотря на эти изыскания, на сегодняшний день в историографии преобладает суждение о том, что в Петербург предписывалось ежегодно направлять 40 тыс. работных людей²⁶.

Что же касается реальной присылки, то, в соответствии с обнаруженными С.П. Лупповым источниками, в 1709 г. в невской дельте трудились 10 734, а в 1712 г. – 18 532 человека. В 1710 г. только Московская губерния, обеспечивавшая петербургское строительство основным количеством работников, недопоставила их четвертую часть. С.П. Луппов заключает, что численность работных людей, строивших Петербург, ежегодно была менее 20 тыс. человек²⁷.

Однако не все исследователи придерживаются такого же мнения. Так, В.В. Мавродин указывает 12–18 тыс. «и лишь изредка» – 35 тыс.; Г.Е. Кочин – около 24 тыс., Е.В. Анисимов называет самые большие

цифры – 30–35 тыс.²⁸ Следовательно, согласно этим суждениям, в первое десятилетие своего существования будущая российская столица возводилась силами от 120–180 тыс. до 350 тыс. человек (если сложить количество работавших ежегодно).

Итак, на сегодняшний день в исторической литературе нет документально подтвержденных сведений о количестве работных людей, строивших Петербург в первое десятилетие его существования.

Следует сразу оговориться, что ранний Петербург строился не только посошанами. В качестве неквалифицированной рабочей силы, помимо них, трудились солдаты, а с 1710 г. – шведские пленные; условия труда и быта тех и других были приблизительно такими же, как у работных людей. Кроме того, источники всегда отделяют посошан от присылаемых в невскую дельту турок, татар, чувашей и мордву, условия жизни которых были хуже, а денежное и хлебное жалованье меньше. В качестве неквалифицированной рабочей силы использовались также каторжники, их положение было самым тяжелым среди первых строителей будущей столицы. Начиная с 1711 г. в документах появляются упоминания о привлечении наемной неквалифицированной силы. Наемные люди приходили в невскую дельту добровольно, за ними не требовалось присматривать, опасаясь побега в пути или уже в самом городе, и их жалованье было выше, чем у прочих работных людей. Однако перечисленные категории неквалифицированных работников составляли незначительный процент от численности из года в год трудившихся в невской дельте посошан, поэтому соответствующие сведения не способны сколько-нибудь существенно повлиять на статистические выкладки²⁹.

В диссертационном исследовании «Начало строительства Петербурга: Обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.», защищенном в качестве кандидатской диссертации в июне 2006 г., автором статьи на основании изучения массовой делопроизводственной документации, отложившейся в различных архивохранилищах страны и в большинстве своем впервые вводимой в научный оборот³⁰, предложен ответ на вопрос о численности возводивших Петербург в качестве неквалифицированной рабочей силы посошан.

Первая разрядка о присылке работных людей в Петербург была уже в 1703 г., причем они были присланы в две смены³¹. Однако основную массу строителей крепости в тот год составили солдаты – около 14 или 15 тыс. Всего же в первый год существования Петербурга здесь трудились около 20 тыс. человек.

В последующие годы город строился в основном силами пососан. В обеспечении будущей столицы работными людьми мной выделено два этапа. Первый – 1704–1706 гг., когда наряд назначался в несколько городов Ингерманландской губернии (в 1704 г. – в Петербург и Шлиссельбург, в 1705–1706 гг. – в Петербург и Нарву)³², делился на три смены (по два месяца каждая) и работникам первой смены выдавалось только хлебное жалованье. В эти годы в Петербург направляли половину общего наряда.

Второй с 1707 г., когда существовала только разрядка в Петербург; было две перемены (по три месяца каждая) и распределялась она (разрядка) на два ведомства: в Канцелярию городских дел обер-комиссару У.А. Сенявину и к ингерманландскому (петербургскому) обер-коменданту Р.В. Брюсу³³; работникам обеих перемен назначалось и хлебное, и денежное жалованье.

Число работных людей, которые, согласно царским указам, направлялись на работы в невскую дельту в 1704–1712 гг., представлено в таблице 1.

Таблица 1

Год	Наряд	Число перемен	Численность работных людей в одну перемену
1704	20 000	3	6666
1705	20 000	3	6666
1706	23 000	3	7666
1707	30 000	2	15 000
1708	40 000	2	20 000
1709	40 000	2	20 000
1710	48 928 ³⁴	2	24 464
1711	30 448	2	15 224
1712	в Петербург – 28 800, на о. Котлин – 3000. Всего 31 800	2	в Петербург – 14 400; на о. Котлин – летом 3000, зимой 1500

Таким образом, в 1704–1712 гг. на строительстве Петербурга предполагали использовать 284 176 приводимых на определенные сроки работных людей.

Царские указы в полной мере не выполнялись. Общие сведения о реально присланных в Петербург работниках выявлены за 1709, 1711 и 1712 гг. и сведены в таблице 2.

Таблица 2

Год	Наряд	Присылка	%	
1709	40 000	21450 ³⁵	54% (из них в первую перемену к У.А. Сенявину – 62%; за весь год к Р.В. Брюсу – 67 %) ³⁶	
1711	30 448	25 272	83 %	
1712	в Петербург	28 800	18 532	64,35 %
	на о. Котлин	3000	1840	61,3 %
	Всего	31 800	20 372	64,06 %

В результате сопоставления этих цифр, а также сведений по отдельным губерниям (Архангелогородской за 1707–1709 гг., Московской и Казанской за 1710 г.) мною сделан вывод, что в 1704–1712 гг. наряды выполнялись в среднем на 65%. С учетом трудившихся в невиской дельте в 1703 г. около 5 или 6 тыс. пососан, получается, что в 1703–1712 гг. Петербург строился силами 190 тыс. работных людей³⁷.

Северная столица, помимо неквалифицированных, возводилась и квалифицированными работниками. Однако в исторической литературе применительно к первому десятилетию существования города о них обычно говорится только в связи с указом 1710 г. о переселении 4720 мастеровых разных специальностей в Петербург на постоянное проживание³⁸. Складывается представление, что до 1710 г. квалифицированных работников здесь не было.

Вместе с тем мастеровые трудились в невиской дельте уже с 1703 г. Их основную часть составляли присылаемые, так же как и пососане, по разнарядке мастеровые люди, разделявшиеся, помимо специальностей, по квалификации на мастеров, подмастерьев, десятников и рядовых. Последние состояли из незаписных и записных, то есть записанных в Приказ каменных дел, а позднее в Семеновскую приказную палату. Записные мастеровые освобождались от тягла (денежных сборов, подводной, солдатской и матросской службы), но были обязаны трудиться на казенных строительных объектах³⁹.

В обеспечении раннего Петербурга мастеровыми выявлено два этапа: 1) в 1704–1706 гг. составлялся общий наряд на несколько городов Ингерманландской губернии (в 1704 г. – Шлиссельбург и Петербург, в 1705–1706 гг. прибавилась Нарва), причем в 1704–1705 гг. в дельту Невы поступала лишь небольшая часть специалистов; 2) в 1707–1711 гг. основная часть наряда направлялась в Петербург

и его окрестности и сравнительно малая доля – на кирпичные заводы в окрестностях Шлиссельбурга, но продукция последних также шла в невскую дельту. Подсчитано, что с 1704 по 1711 г. общая разрядка в три города составила 17 286 или 18 286 человек (1000 или 2000 – в 1704 г.), по 2000 – с 1705 по 1709 г., 2600 – в 1710 г. и 3686 – в 1711 г. В 1712 г. наряда на мастеровых не было.

Полученные в диссертационном исследовании цифры реальной присылки квалифицированных работников в 1704–1706, 1709 и 1711 гг. и их доля от наряда сведены в таблице 3.

Таблица 3

Год	Наряд	Присылка	%
1704	1000 или 2000	1331	при наряде в 1000 чел. – 133,1%, при 2000 – 66,55%
1705	2000	1322	66,1%
1706	2000	1373	68,5%
1709	2000	1637	81,85%
1711	3686	2969	80,55%
Всего (без 1704 г.)	9686	7301	75,38%

Таким образом, указы о присылке мастеровых на сроки в 1704–1711 гг. в среднем были выполнены на 75% (на 10% больше, чем по посошанам), причем год от года прослеживается тенденция к увеличению процента присланных. Исходя из общей численности назначаемых в три города специалистов (17 286 или 18 286 человек), подсчитано, что фактически в 1704–1711 г. их трудилось около 13 – 13,7 тыс. человек. Из них в Петербурге работали: в 1704 г. – 100, в 1705 г. – 50 каменщиков, а начиная с 1706 г. – основная часть мастеровых. Следовательно, в 1704–1711 гг. будущая столица возводилась силами приблизительно 10,5–11 тыс. специалистов.

В 1710 г. царским указом предписывалось переселить в Петербург на постоянное проживание 4720 мастеровых 26 специальностей. Из них 2500 человек поступали в ведомство Канцелярии городских дел, остальные – в Адмиралтейство. На 1712 г. в первом ведомстве находилось годных к работе 1095 (43,8% от указных), во втором – 1226 (60,9%), всего 2321 человек (49,17%).

Итак, в 1704–1712 гг. Петербург строился силами приблизительно 12,8–13,3 тыс. присылаемых по разрядке и переведенных на постоянное жительство квалифицированных работников.

Помимо этих двух категорий, в дельте Невы уже в 1703 г. трудились мастеровые, привлеченные из находившихся там войск, а начиная с 1704 г. – отдельные специалисты, прибывшие вне разрядки, но их было немного. Кроме того, мастеровых, преимущественно плотников, ежегодно, начиная с 1705 г., присылали также в Петербургское адмиралтейство. Так, осенью 1705 г. было назначено отправить туда 500 плотников. В следующем году там трудились 1047 человек 17 специальностей, из которых больше половины составляли плотники. В 1709 г. – 900 человек (381 плотник). В 1710 г. – 456 плотников, в следующем – 1005, но не известно, сколько было мастеровых других специальностей. В 1712 г. назначалось прислать туда 4000 (или 4040) человек. Однако следует отметить, что основная часть этих работников была занята главным образом на сооружении судов и к строительству городских объектов не привлекалась⁴⁰.

После выявления численности трудившихся в Петербурге присылаемых по разрядке работных и мастеровых людей, становится возможным проследить, какова была среди них заболеваемость и смертность, их возможные причины, а также действия властей по решению этих вопросов.

Сведения о заболевших и умерших строителях деревоземляной крепости на Заячьем острове за 1703 г. немногочисленны. О больных солдатах речь идет в письмах А.Д. Меншикова к Петру I от 27 июля и 8 августа; часть этих солдат губернатор по царскому указу отправил под присмотром боярина князя М.Н. Львова в Великий Новгород⁴¹. Причина большой заболеваемости связана, по всей видимости, с тем, что весь июль, согласно сообщению Г.И. Головкина царю, стояла холодная и ветреная погода⁴². В середине августа 1703 г. взамен заболевших работных людей и солдат прислали новых⁴³. Однако эта августовская присылка себя не оправдала, поскольку в Петербург отправляли либо уже хворых людей, либо они заболевали по дороге, что видно из письма Г.И. Головкина царю от 17 августа, где сообщается, что у новоприсланных «болезнь одна: понос и цинга»⁴⁴. Через пять дней, 22 августа, Г.И. Головкин извещает Петра I об «умножении» болезни как у солдат, так и работных людей; отмечает, что хворым, так же как и здоровым, выдается хлебное и денежное жалованье, а также всем соль и уксус. Поэтому он предлагает отпустить заболевших работников, так как пользы от них никакой нет, а «только хлеб едят, а, когда наступят дожди и стужи, выходить им будет трудно»⁴⁵.

Из донесения военного коменданта Петербургской крепости К.Э. Ренне А.Д. Меншикову от 18 января 1704 г. видно, что отправленные летом 1703 г. в Великий Новгород урядники и солдаты, выздоровев, вернулись в дельту Невы. Из этого донесения также следует, что уже в 1703 г. они записывались в Петербург «на вечное житье», то есть первыми жителями нового города стали уже летом 1703 г. урядники и солдаты находившихся здесь полков⁴⁶.

Таким образом, летом 1703 г. строители крепости на Заячьем острове были обеспечены провиантом, но, вероятно, из-за сложных условий жизни и труда, усугубленных непривычно холодной погодой в июле, они заболели. По приказу губернатора заболевшие солдаты были отправлены в Великий Новгород. В конце июля – начале августа прислали вторую смену работников, а также, видимо, взамен заболевших и отправленных в Великий Новгород – новых солдат. Но новоприсланные люди прибывали в дельту Невы, как выше сказано, уже заболевшими дизентерией и цингой, а для начала XVIII в., тем более в условиях болотистой местности и непривычного климата, эти болезни часто были смертельны. Вместе с тем отправленные летом 1703 г. в Великий Новгород заболевшие солдаты, выздоровев, в начале 1704 г. вернулись в дельту Невы.

Выявлено, что олонекский комендант И.Я. Яковлев 3 мая 1704 г. отправил в Петербург 1061 человека из Белоозера, Каргополя и Турчасова, из которых по дороге заболело 26 человек, то есть 2, 45%⁴⁷. Сведения по Шлиссельбургу за тот год более многочисленны. Глава Канцелярии городских дел обер-комиссар У.А. Сенявин сообщал губернатору, что к 9 мая из 1000 человек, присланных в первую смену из Ржевы Володимировой и Романова, хворых было 187 (18,7%), а 23 скончались (2,3%). Из 200 белоозерцев заболели 60 (30%), умерли 15 (7,5%). Из 67 олончан потерь не было, а хворали 25 человек (37,31%)⁴⁸. Значит, всего из 1267 работников заболели 272 (21,47%), скончались 38 (3%). 19 июля 1704 г. обер-комиссар писал А.Д. Меншикову, что из 1525 человек каргопольцев, белоозерцев и ржевцев на работах 610 заболели (40%) и 202 умерли (13,25%)⁴⁹. 29 июля того же года обер-комиссар извещал губернатора: «Сена, государь, косят по приказу твоему, толко теми работными людьми нельзя всего подкосить, для того что много болных»⁵⁰. 8 августа шлиссельбургский комендант В.И. Порошин в письме к А.Д. Меншикову констатировал, что все пошехонские работники «заскорбели»⁵¹.

Согласно росписи людей первой перемены в 1706 г., в Петербург должны были собрать 8330 человек, из которых 664 человека (7,97%) «сверх указного числа... для пустоты», а в Нарву 8322 человека, из которых «для пустоты» 656 человек (7,88%)⁵². Следовательно, считавшийся вероятным процент «пустых» дворов, а также, вероятно, заболевших, умерших и сбежавших по дороге приближался в 1706 г. к 8%.

Сведений о числе больных и скончавшихся работников в 1706 г. нет, но представление о заболеваемости в тот год может дать «Именная роспись полкам Ингерманландской провинции», находившимся под командой А.Д. Меншикова (таблица 4).

Таблица 4

Полк	Количество	Заболевшие	%
Урядники и солдаты Петербургского гарнизона			
губернатора А.Д. Меншикова	1092	127	11,63%
обер-коменданта Р.В. Брюса	1246	82	6,58%
И.Д. Гамильтона (Гамолтона)	1084	146	13,47%
«бывшего Юрьева полка»	939	150	15,97%
В пехотных полках			
подполковника П.И. Островского	700	49	7%
полковника коменданта петербургской крепости А. Шарфа ⁵³	532	27	5,08%
полковника Ф.С. Толбухина	606	30	4,95%
Вахмистры и драгуны драгунских полков			
Ингерманландский А.Д. Меншикова	936	54	5,77%
полковника И. Пауэра	1273	300	23,57%
полковника В. Милстрева	1046	296	28,3%
подполковника князя Т. Путятина	560	42	7,5%

Кроме того, из 948 низовых конных и «бесконных» стрельцов и казаков Д. Бахметева и полковника М. Захарского заболевших и раненых было 40 человек (4,22%)⁵⁴. Итак, в один год в Петербургском гарнизоне среди находившихся примерно в одинаковых условиях военнослужащих процент заболевших в разных полках составил от 4,22 до 28,3. Согласно ведомости управлявшего Петербургским адмиралтейством А.В. Кикина от 29 октября 1708 г., из 1400 астраханских работных людей, трудившихся в Петербургском адмиралтействе, больных было 400 человек (28,57%)⁵⁵. На 9 августа 1709 г. из 3286 посажан, работавших на объектах, подведомственных Канцелярии городских дел, значились заболевшими 1428 человек (43,5%),

то есть почти половина⁵⁶. Из донесения У.А. Сенявина А.Д. Меншикову от 10 июля 1709 г. следует, что из 2229 татар, чувашей и мордвы, присланных ранее от Р.В. Брюса в ведение Канцелярии городских дел, при передаче было 224 больных (10%). Спустя некоторое время после их приема, к 10 июля 1709 г., из них числилось 1009 (45,27%) заболевших, а умерших 417 (18,71%). У.А. Сенявин в донесении А.Д. Меншикову отмечал «самоскудость» этих татар, чувашей и мордвы и сообщал, что выдал им из денег работных людей по 2 денги в день человеку за время с 1 января по 1 июля⁵⁷. Видимо, позднее часть этих работников, а именно мордва, поступила в другое ведомство, так как по донесению У.А. Сенявина Петру I от 4 декабря того же года у него было уже только 1373 чел. татар и чувашей, из которых хворых было 417 (30,37%). Обер-комиссар отмечал, что заболевшие «не работают месяца по два и болши, бьют челом о денежном жалованье, а давано им по 2 денги по октябрь месяц на день человеку»⁵⁸. В том же донесении царю от 4 декабря 1709 г. У.А. Сенявин сообщал, что на сезонных работах среди посошан «бывают болные и берут жалованье напрасно», и спрашивал, отпускать ли их домой. На это царь повелел «дать лекаря»⁵⁹.

Итак, во-первых, заболевшие посошане, а также татары, чувашаи и мордва получали денежное жалованье, даже если не ходили на работы по несколько месяцев; во-вторых, заболевших в Петербурге не отпускали по домам, стало быть, с одной стороны, взамен них не присылались другие люди; с другой – руководители надеялись, что они, выздоровев, вернуться к работам.

Представление о заболеваемости в этот год может дать также ведомость Р.В. Брюса от 25 июня 1709 г., по которой из 6928 бывших на Котлине урядников и рядовых разных полков больных числилось 128 человек, то есть всего 1,85%⁶⁰. По ведомостям петербургского коменданта полковника Д.В. Бильса на 3 августа 1710 г. из 1335 работных людей заболело 79 (5,92 %), а на 9 августа из 164 работников больных было 27 человек (16,46%)⁶¹.

Как известно, в 1709 г. в Лифляндии появилась «морская язва» (чума), продолжавшаяся и в 1710–1711 гг. До Петербурга морское поветрие не дошло благодаря срочно принятым мерам предосторожности, таким как выставление застав, проведение карантинных мероприятий, запрет на передвижение и т. д. Так, подполковник Долгорукий 5 декабря 1711 г. сообщал из Великого Новгорода А.Д. Меншикову об отправке солдат для исполнения высочайшего распоряжения

от 1 ноября 1710 г.: кто будет без царского указа и без подорожных за подписью Петра I, А.Д. Меншикова или ландрихтера «насиленно» брать подводы, тех присылать в Петербург и «тамо, не смотря персоны, кто бы он ни был, безо всякого милосердия вешать», а также о поставленных по дорогам караулах⁶².

Однако, по сведениям автора немецкого описания Петербурга 1710–1711 гг., во время морового поветрия из-за прекращения подвоза продовольствия в Петербург от голода умерло «много простых людей»⁶³.

Губернатор в это время пристально следил за состоянием здоровья жителей «парадиза», о чем говорят донесения к нему подчиненных. Так, согласно составленной доктором Ф.Г. Шнедлером именной росписи петербургских больных «мужеска и женска полу», на 5 октября 1710 г. заболевших было 85 человек, среди болезней чаще других назывались «огневая» и лихорадка⁶⁴. К примеру, обер-комиссар Д. Бестужев был «болен огневою», стольник С.А. Чебышев и дочь князя Михаила Шаховского – лихорадкой. Но встречались и другие заболевания, например, стольник И. Тараканов был «болен сердешною болезнею»⁶⁵. Поскольку в 1710 г. в городе насчитывалось свыше 8000 жителей⁶⁶, то процент больных по этой росписи составил примерно 1,06 от его общего числа населения. Ведомости о заболевших и умерших среди разных категорий петербургского населения должны были направлять к петербургскому обер-коменданту Р.В. Брюсу. Так, царским указом от 5 декабря 1710 г. назначалось переписать всех «торговых людей» северной столицы по десяткам, выбрать десятников, которые должны были подавать обер-коменданту ведомости о заболевших и скончавшихся⁶⁷. Согласно ведомости Р.В. Брюса, за ноябрь 1710 г. в Петербурге умерло 15, а в Шлиссельбурге 11 солдат (всего 26 чел.); согласно же его донесению от 15 декабря, в ведомстве У.А. Сенявина от «огневой болезни» умерло двое работных людей и болело ею 7 татар и посошан⁶⁸. Все же эти цифры не могут дать общей картины смертности солдат и работников, поскольку в документах не указана общая численность находившихся в обоих городах полков и присланных к У.А. Сенявину людей. Вероятно, петербургский обер-комендант регулярно посылал губернатору отчеты о заболевших и скончавшихся в городе. Однако если учесть, что в Канцелярию городовых дел распределялось в одну перемену 16 тыс. человек, даже если реально было прислано на 24% меньше (на столько меньше работников было прислано из Московской губернии), то данные

о двух умерших и семи заболевших составляют ничтожно малый процент. Естественно также предположить, что если бы работники и солдаты гибли сотнями или тысячами, то Р.В. Брюс вряд ли стал бы сообщать второму человеку в государстве светлейшему князю Римского и Российского государств, действительному тайному советнику и генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову⁶⁹ о скончавшихся 26 солдатах и 2 работниках.

В ведомостях обер-комиссара У.А. Сенявина от 17 и 24 июня, 27 августа, 1 и 24 сентября 1711 г. содержатся сведения о смертности среди присылаемых в невскую дельту посошан (таблица 5)⁷⁰.

Таблица 5

Губернии	1 перемена		2 перемена (по ведомости от 24 сентября 1711 г.)		Весь наряд (по ведомости от 24 сентября 1711 г.)	
	прислано	скончалось (чел. / %)	прислано	скончалось (чел. / %)	прислано	скончалось (чел. / %)
Московская	5708	13 / 0,23%	4368	17 / 0,39%	10076	30 / 0,3%
Смоленская	1421	13 / 0,92%	678	1 / 0,15%	2099	14 / 0,67%
Казанская	4443	11 / 0,25%	1485	2 / 0,14%	5928	13 / 0,22%
Архангело-городская	2240	6 / 0,27%	1462	1 / 0,07%	3702	7 / 0,19%
Сибирская	1810	3 / 0,17%	834	–	2644	3 / 0,11%
Всего	15 622	43 / 0,28%	8827	21 / 0,24%	24449	67 / 0,27%

Как видно из таблицы 5, в среднем потери по пути до будущей столицы составили менее 0,03 %. Кроме того, смертность среди работников практически всегда (за исключением показателей по Смоленской губернии в первую перемену) прямо пропорциональна их численности.

За тот год также выявлены сведения о работниках Петербургского адмиралтейства: согласно росписи А.В. Кикина от 6 сентября 1711 г., из 2448 трудившихся там посошан и татар больных было 335 человек, что составляет 13,68%⁷¹.

За 1712 г. сведения о потерях среди шедших в Петербург в первую перемену посошан содержатся в донесении У.А. Сенявина в Правительствующий Сенат от 13 мая. По численности заболевших в пути «лидирует» Казанская губерния: 209 человек (7,5%). Из московских работников заболели 90 (4,62%), архангелогородцев 76 (6,64%), смоленских работников 12. Всего 387 человек⁷². Из числа работников

Московской и Казанской губерний скончалось по 6 человек, Смоленской – 2, Архангелогородской ни одного⁷³. Следовательно, общее число скончавшихся по дороге в Петербург 14 человек, что составляет 0,24%, то есть примерно столько же, сколько и в предыдущем году (таблица 6).

Таблица 6

Губернии	Выслано	Потери по дороге			
		Всего	Из них		
			сбежавших	заболевших	умерших
Московская	1946	298	202	90	6
Смоленская	720	32	18	12	2
Казанская	2786	375	160	209	6
Архангелогородская	1145	137	61	76	–
Всего	6597	842	441	387	14

Как установлено в диссертационном исследовании автора статьи, губернии не должны были поставлять работников взамен умерших в пути в Петербург. Можно предположить, что не восполнялись и потери погибших уже в самом городе. Именно поэтому не было необходимости их учитывать и вносить в ведомости. В результате наука не располагает цифрами о потерях среди первых строителей Петербурга.

Таким образом, сведения о смертности есть только за отдельные годы и по небольшой части присылаемых работников, поэтому невозможно точно подсчитать, сколько людей погибло на строительстве Петербурга в 1703–1712 гг. Выявленные нами фрагментарные сведения дают различный процент скончавшихся даже в один год. Так, в 1704 г. смертность среди посошан разных городов на шлиссельбургских работах составляла от 2,3 до 13,25%. То же мы видим и на примере статистики умерших солдат разных полков, служивших в Петербургском гарнизоне в 1706 г.

Проследим теперь заболеваемость и смертность среди мастеровых. В соответствии с письмами главы Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина А.Д. Меншикову от 14 и 24 марта 1704 г., предполагаемый процент потерь по дороге от Москвы до Петербурга («если кто занеможет или умрет») – 5,8⁷⁴.

Как отмечалось выше, в 1704 г. по наряду основная масса мастеровых направлялась в Шлиссельбург. Из письма У.А. Сенявина

А.Д. Меншикову от 19 июля следует, что из находившихся там 808 каменщиков 237 были больны (29,33 %) и 46 умерли (5,69 %); а из 375 кирпичников заболел 101 человек (26,93 %), скончались 36 (9,60 %) ⁷⁵.

Сведения о заболеваемости и смертности среди квалифицированных работников Адмиралтейского ведомства содержатся в письмах И.Я. Яковлева к губернатору за 1705 г.: «Присланные, государь, с Москвы и из городов прошлых годов разных дел мастеровые люди многие померли, а иные хворают... а наипаче всего имеем оскудение кузнецами», вследствие чего на многих объектах «чинитца мотчание и остановка» ⁷⁶, и «плотниками в работе зело имеем оскудение, понеже, многия своя сроки отжив, померли» ⁷⁷. Однако эти документы не дают ни точное число хворых и погибших, ни причины заболеваемости и смертности.

Ведомость 1706 г. о количестве «плотников у разных дел» при Адмиралтейском дворе дает представление о потерях в Петербургском адмиралтействе: из 529 плотников скончался один человек (0,19%), болели – 33 (6,24%) и еще пятеро находились в бегах (0,95%) ⁷⁸.

Сравним эти сведения с положением дел в те же годы на других государственных стройках. Так, в 1705 г. начальник Олонецких Петровских заводов А.С. Чоглоков сообщал олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву о том, что на подведомственных ему заводах кузнецы «многие уж без рубашек, а иные померли и разбежались» ⁷⁹.

Есть также сведения о заболеваемости и смертности на воронежских верфях. Согласно письму азовского губернатора адмиралтейца Ф.М. Апраксина царю, в сентябре 1703 г. там из 350 плотников хворых было 270 человек (77%). Ф.М. Апраксин здесь же отмечал: «Воистину, государь, и нам не без страху между таких многочисленных болезней, а и мертвых с довольством» ⁸⁰. О себе адмиралтеец сообщал: «А и сам лежу, тому уже 4 недели не вставал с постели» ⁸¹. Он предлагал решить вопрос недостатка рабочих рук присылкой 400 украинских плотников, поскольку «замосковные... коль скоро придут, дни 3 или 4 помешкают и станут немочь» ⁸². Но, по всей видимости, его просьба не была удовлетворена, так как в 1705 г. только за один месяц – с 1 июля по 3 августа – там из 1098 плотников скончались 549, то есть 50% ⁸³. Таким образом, смертность среди адмиралтейских плотников в Петербурге была гораздо ниже, чем на воронежских верфях.

По документам о работавших в Петербурге в 1708–1710 гг. ярославских каменщиках и кирпичниках из 677 человек умерло 40, то

есть 5,91%⁸⁴. Из отправленных в Петербург в 1711 г. 270 человек по дороге скончались 30, то есть 11,11%⁸⁵. В соответствии с ведомостью ведомостью У.А. Сенявина за 1711–1712 гг., из 2210 присланных в Петербург на постоянное место жительства мастеровых умер 61 человек, то есть менее 3%⁸⁶. По ведомости А.В. Кикина от 6 сентября 1711 г. из 1005 находившихся при Петербургском адмиралтействе плотников больных было 45 человек, то есть 4,47%⁸⁷. Согласно донесению служителя Адмиралтейской канцелярии комиссара А.Д. Кушелева, с 29 августа по 25 сентября 1711 г. на работах при Петербургском адмиралтействе скончались 22 человека⁸⁸. Основная причина смертности среди мастеровых названа в донесении У.А. Сенявина от 27 августа 1712 г.: из-за отсутствия провианта они умирали от голода⁸⁹.

Представляется важным также отметить, что в отдельных случаях назначалось присылать мастеровых людей взамен скончавшихся, тогда как такие потери посошан, как сказано выше, никогда не восполнялись.

Итак, из цитируемых выше документов видно, что сведения о заболеваемости и смертности среди трудившихся в дельте Невы мастеровых, так же как и посошан, отрывочны и варьируются в разном процентном соотношении к числу прибывших работников. По умершим это соотношение составляет от 0,19 до 11,11%, а по хворым – от 4,47 до 29,33%. При сравнении положения квалифицированных работников в невской дельте с другими стройками того времени (например, с положением дел на воронежских верфях), сделан вывод, что потери в Петербурге не самые большие, если так можно выразиться, «обычные» для того времени и находящиеся в прямой зависимости от обеспечения людей хлебным и денежным жалованьем (хотя и не только).

Зная количество реально трудившихся на строительстве будущей столицы в 1703–1712 гг. и процент скончавшихся, выявленные по отдельным группам работников за разные годы, можно приблизительно вычислить число людских потерь. При наибольшем встречаемом в документах проценте погибших среди посошан – 13,25 – потери за 10 лет составили бы около 25 тыс. (от 190 тыс. трудившихся в Петербурге работников). Среди мастеровых при самом большом проценте потерь – 11,11 – около полутора тысяч человек (от 12,8–13,3 тыс. возводивших город специалистов). Следовательно, всего примерно 26,5 тыс. человек. Сравнив сведения о числе умерших среди

посошан и среди мастеровых, можно сделать вывод, что средний процент смертности по обеим группам был примерно одинаковый: 6–8. Выходит, приблизительное количество умерших за первые десять лет строительства Петербурга по среднему проценту среди присылаемых по разрядке работных людей составило 11 400–15 200, мастеровых – от 770 до 1060 человек. Значит, всего среднее приблизительное количество погибших – 12–16 тыс. человек. При сопоставлении количества погибших по среднему и максимальному проценту получается, что смертность среди первых строителей будущей столицы в 1703–1712 гг. находилась в пределах 12–26 тыс. человек, что более чем в 6 раз меньше приводимых иностранцами минимальных цифр потерь.

Таким образом, полученные данные подтверждают существующее в историографии, но не имевшее ранее документального обоснования мнение о том, что приводимые в иностранных описаниях цифры скончавшихся при строительстве Петербурга работников чрезвычайно завышены. Причем они завышены даже по сравнению с численностью назначенных нарядов, поскольку сами наряды за 10 лет (которые не выполнялись в полной мере) меньше приводимых иноземцами цифр потерь. Так, здесь не могло погибнуть в 1703 г. 60 тыс. или 100 тыс. работников, поскольку всех – и солдат, и посошан – тогда было только около 20 тыс. человек. В первые годы не могли погибнуть 200 тыс. или 300 тыс. работных людей, так как назначаемый петербургский наряд за 1704–1712 гг. был менее 300 тыс. человек, а в реальности было прислано менее 200 тыс.

В связи с вопросом о смертности возникает проблема захоронения первых строителей Петербурга. Первоначально использовались кладбища допетровского времени: в деревнях Калинкина и Вихтула (где в 1710 г. был основан Александро-Невский монастырь), при впадении Охты в Неву (на месте бывшего шведского города Ньюена), а также в западной части Васильевского острова (возле чухонских деревень). В результате археологических раскопок второй половины XIX в. были обнаружены погребения на Васильевском острове по берегам Малой Невы и Смоленки. Причем выявлено, что на берегу Малой Невы в районе Биржевого моста с XV в. находилось крупное поселение, его кладбище использовалось для захоронений и в первые годы существования Петербурга. Археологические раскопки первого десятилетия, конца XX и начала XXI в. показали ряд захоронений Петровского времени в южной части Петербургского острова:

напротив дома № 8 по Каменноостровскому проспекту, в районе Сытного рынка и несколько захоронений в районе Кронверкского проспекта и самого Кронверка⁹⁰.

Как выглядели захоронения раннего Петербурга? В Кронверке в результате раскопок 1998 г. на дне старой землянки было обнаружено погребение четырех мужчин 18–20 лет, которые, по всей видимости, были здесь захоронены до начала или в самом начале строительства Кронверка. В погребении были обнаружены железный нож с деревянной рукояткой, рогожа, а также куски кожи и сукна. На углу Кронверкского пр. и Введенской ул. зимой 2003 г. было выявлено захоронение пяти человек: двух мужчин в возрасте 18–35 и 35–55 лет, двух подростков и женщины 18–35 лет, покрытых сверху несколькими слоями рогожи и деревянным настилом⁹¹.

П.Е. Сорокин установил несколько признаков, характеризующих погребения раннего Петербурга: 1) они коллективные; 2) без гробов; 3) тела зарыты на небольшой глубине; 4) расположены вдали от храмов (не на освященной земле). Захоронения первых жителей петровского «парадиза» напоминают скудельницы – массовые захоронения, к которым прибегали во время большой смертности населения: моров (эпидемий) или военных действий, то есть эти погребения в невиской дельте делались по законам военного лагеря, а не русского поселения того времени⁹².

Обнаруженные погребения подтверждают свидетельство автора немецкого описания Петербурга 1710–1711 гг. о том, как хоронили в то время: «Со смертью бедных простолюдинов не соблюдают особых церемоний. Завернув тело в рогожу, привязывают двумя веревками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят в санях, как я видел собственными глазами, совершенно нагим, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих»⁹³.

Однако подобный способ захоронения простолюдинов характерен и для Петербурга последующих лет, например времен Анны Иоанновны. Так, находившийся в Петербурге в 1736 г. датский путешественник П. фон Хавен отмечает: «Похороны и проводы умершего простого человека... обычно не производят большого впечатления... я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на плечах на доске почти совершенно нагое, примерно так же, как носят муку к пекарю... Однажды два парня в обычной рабочей одежде так притащили тело... положили... в пустынном месте на берегу реки, забросали его землей, а поскольку голова высывалась из-под земли, они

сломали шею и наконец с большим трудом зарыли ее в землю. На следующий день они снова пришли туда и понесли тело дальше на кладбище...»⁹⁴ В это время уже не было угрозы шведского нападения, кроме того, местность была достаточно обжитой, да и смертность работников стала намного ниже, чем в первые годы существования города. Значит, подобный способ захоронения объясняется прежде всего небольшой ценностью жизни простолюдинов в то время.

Для настоящего исследования представляет интерес также свидетельство О. де ла Мотрэ, согласно которому при строительстве дома английского купца Г. Эванса на углу Невского пр. и Фонтанки «было найдено множество черепов тех несчастных людей, что погибли при рытье этого протока»⁹⁵. В результате проводившихся под руководством П.Е. Сорокина археологических раскопок возле дворца Шереметевых (наб. р. Фонтанки, д. 34) было обнаружено кладбище XV–XVI вв.⁹⁶ Вероятно, в описанном О. де ла Мотрэ случае тоже были обнаружены захоронения допетровского времени, принятые современниками за могилы первых строителей Петербурга и отчасти породившие миф о костях, на которых был возведен город.

Однако нельзя обойти стороной тот факт, что источники (как было показано выше) постоянно отмечают высокую заболеваемость среди пососан: в 1704 г. в Шлиссельбурге – около 40%; в 1708 г. среди трудившихся в Адмиралтействе – почти 30%; в 1709 г. у У.А. Сенявина заболевших среди пососан было более 40%, а среди татар, чувашей и мордвы – свыше 45%. Следовательно, на работах постоянно отсутствовало 30–40% строителей (и это помимо скончавшихся и сбежавших). Среди мастеровых хворых было меньше – до 30%, что объясняется лучшими бытовыми условиями, бóльшим размером хлебного и денежного жалованья⁹⁷.

Основной причиной заболеваемости и смертности среди отправленных как в Петербург, так и в другие города Ингерманландской губернии работников, как уже сказано выше, было отсутствие провианта. Вот что записал в своем дневнике в ноябре 1709 г. по этому поводу Ю. Юль: возле Нарвы «одна треть лошадей у крестьянских подвод пала, значительная часть крестьян умерла от голода, а 400 человек разбежались», поскольку провианта у них было на два месяца, а находились они там четыре месяца и «от правительства ни сена лошадям, ни хлеба крестьянам не выдавалось»⁹⁸.

Какие же меры власти принимали для снижения заболеваемости и каковы были в то время возможности и средства для их лечения?

Ранее отмечалось, что в августе 1703 г. в Петербург прибыли больные цингой и дизентерией работники. Цинга в то время была народным бедствием, сопровождала войны, считалась заразной болезнью и уносила тысячи жизней во всех странах. Основные причины возникновения цинги – голод и однообразная пища. На Руси в XVI в. против цинги применялся настой хвои. В XVII в. Аптекарский приказ для борьбы с этой болезнью заготавливал шиповник. Для лечения цинги также использовали кислую капусту, клюквенный сок, чеснок, пиво с хреном и т. д. В Англии в конце XVIII в. для этих целей успешно применяли лимоны и выжатый из них сок. В Европе и России цинга перестала быть бедствием только к концу XVIII – началу XIX в.⁹⁹

Как же противостояли цинге на невольских берегах? Согласно письму А.Д. Меншикова к У.А. Сенявину, летом – осенью 1703 г. в Петербург были присланы первые лекарства и 500 ведер (6149,5 л) уксуса (его применяли для борьбы и с цингой, и с дизентерией)¹⁰⁰.

Петр I, стараясь предупредить большую заболеваемость среди посолан, велел Г.И. Головкину купить в низовых городах для 40 тыс. работных людей на 1704 г. рыбьего жира «на семь недель», который последний и закупал уже в августе 1703 г.¹⁰¹ (Содержащий витамины А и D рыбий жир применяется внутрь для профилактики и лечения цинги и авитаминоза; наружно как антисептик при различных нагноениях, ранах и ожогах.) 16 апреля 1704 г. царь распорядился провиантмейстеру И.П. Бестужеву-Рюмину отпустить «для спиртного сиденья» и «на дело лекарств» в гарнизонную аптеку управляющему И. Левкенсу¹⁰² 40 ведер (492 л) вина¹⁰³. В целях борьбы с дизентерией И. Левкенс применял водку, настоянную на сосновых шишках, которая продавалась по 4 руб. 32 коп. за ведро (12,299 л). В 1705 г. в Петербурге было продано 231,5 ведра (2847,22 л) этой водки¹⁰⁴.

Упоминания о лекарях и аптеках встречаются в письмах к А.Д. Меншикову 1704 г. Например, И.И. Бутурлин сообщал из Москвы о невозможности немедленной высылки по приказу губернатора «шести человек мастеров, которые делают на преображенских салдат перевязи», поскольку у него их только двое¹⁰⁵. В тот же год доктор Г.М. Карбонари писал из Шлиссельбурга, что он с молодым лекарем «трудится день и ночь и ходит за больными сколько возможно; теперь уже большая часть встали» (то есть поправились), и просил прислать туда для больных аптекаря с лекарствами, а также рейнского вина и «иных вещей»¹⁰⁶. В.И. Порошин докладывал из Шлиссельбурга о сделанных из сосновых верхушек бочках, которые он передал «дохтуру

к лекарствам», а также о том, что по просьбе доктора «к лекарствам больных салдат дано вина... девяносто пять ведр» и «болным салдатом, за Божию помощь, от болезни легче является»¹⁰⁷. И.Я. Яковлев сообщал с приладожской Сясьской верфи о заболевших «многих» иностранных кораблестроителях, из которых двое уже умерли, и, так как находившийся там лекарь был болен, просил прислать нового¹⁰⁸.

В царской резолюции от 20 мая 1704 г. стольнику Ф.П. Вердеревскому, находившемуся при строительстве Петербургской крепости, было указано заболевших работных людей отсылать из города «в особые учрежденные места», сообщать о них коменданту и отмечать их имена в росписях¹⁰⁹. Однако из документа не ясно, идет ли речь о лазаретах, где за больными был какой-то уход, или их просто высылали из общих шалашей, чтобы не распространять инфекцию среди здоровых работников (как уже отмечалось, цинга считалась заразной болезнью).

В 1710 г., согласно ведомости коменданта Петербургской крепости Д.В. Бильса, из находившихся при Кронверке 1335 работных людей 741 (55,5%) сооружал больницы¹¹⁰. К декабрю же 1713 г. на Петербургском острове на берегу Малой Невы находились 18 изб солдатских лазаретов, а позади Кронверка располагались 11 «казарм с печми», где держали заболевших каменщиков и работных людей¹¹¹. В 1711 г. в Адмиралтейском ведомстве тоже строились больницы – на Адмиралтейском острове и на реке Тосне¹¹².

Итак, можно заключить, что в первые годы существования города власти принимали меры по уменьшению заболеваемости и смертности среди работных людей: присылали лекарства, уксус, рыбий жир, а также лекарей. Солдат лечили в основном рейнским вином, а работных людей – уксусом, рыбьим жиром и настойкой на сосновых шишках. Особые места для заболевших были определены уже в 1704 г., а с 1710 г. сооружались первые больницы.

Таким образом, быстрота создания Петербурга напрямую зависела от наличия значительного количества здоровой и трудоспособной рабочей силы, и царь заботился об обеспечении рабочих денежным и хлебным жалованьем, о профилактике заболеваний доступными лекарственными средствами и медицинским обслуживанием; кроме того, мастеровые обеспечивались более или менее удобным жильем. В результате, как установлено в исследовании, смертность среди работных и мастеровых людей была обычной для того времени¹¹³ и гораздо меньше цифр, приводимых иностранными наблюдателями.

Зарисовкой к вопросу о смертности в Петербурге в первой четверти XVIII в. служит паспорт плотника Канцелярии от строений Д. Жильцова, работавшего «у городского строения» с 1711 по 1728 г. Поскольку в 1728 г. «по осмотру Канцелярии... явился он стар и затем у работ Его Императорского Величества быть не может, того ради... отпущен он из Санкт-Петербурга» домой в село Выпреглово Спасоприлуцкого монастыря Вологодского уезда. Он был отпущен «в свое прежнее жилище» с женой и с детьми, из которых сыновьям четыре года и год, а дочерям восемь лет и четыре года¹⁴. Стало быть, Д. Жильцов, будучи плотником, отработал на крепостном строительстве в невиской дельте 17 лет, видимо, там же женился и с четырьмя родившимися в Петербурге детьми вернулся обратно в свое село.

¹ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711 // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон Антон Плейер. М., 2001. С. 153.

² Ю.Н. Беспятых предположил, что у обоих описаний один автор по фамилии Геркенс (*Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 7–10).

³ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 49; «Описание... столичного города С.-Петербурга...» / Пер. Е.Э. Либталь // *Белые ночи.* Л., 1975. С. 203; *Брюс П.Г.* Из «Мемуаров...» // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 175; *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 351; *Беспятых Ю.Н.* Иностраные источники по истории России первой четверти XVIII в.: Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм. СПб., 1998. Примеч. 5 к гл. 2. С. 397–398.

⁴ *Вебер Ф.Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // *Русский архив.* 1872. Вып. 6. Стб. 1119.

⁵ *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна Готтгельфа Фоккеродта / Пер. А.Н. Шемякина // *Неистовый реформатор: Иоганн Фоккеродт.* Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 79.

⁶ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 455; *Беспятых Ю.Н.* Иностраные источники... Примеч. 5 к гл. 2. С. 397–398.

⁷ *Мотрэ О. де ла.* Из «Путешествия...» // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 218; *Беспятых Ю.Н.* Иностраные источники... Примеч. 5 к гл. 2. С. 397–398.

⁸ *Дэивуд Фр.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 56, Примеч. 27. С. 73; *Беспятых Ю.Н.* Иностраные источники... Примеч. 5 к гл. 2. С. 397–398.

⁹ *Божерянов И.Н.* С.-Петербург в Петрово время. 1703–1903. К 200-летию столицы: Иллюстрированный исторический очерк. СПб., 1901–1903. С. 68–69.

¹⁰ *Е.П.* Основание Петербурга и Петербург в XVIII веке // *Петербург и его жизнь.* СПб., 1914. С. 18–19.

¹¹ *Столянский П.Н.* Старый Петербург. Петропавловская крепость: Историко-художественный очерк. М.; Пг., 1923. С. 13–14.

¹² *Овсянников Ю.М.* 1. Доминико Трезини. Л., 1987. С. 27, 34; 2. Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини. Растрелли. Росси. СПб., 2001. С. 34–35, 40–41.

¹³ *Овсянников Ю.М.* 1. Доминико Трезини. С. 34; 2. Великие зодчие Санкт-Петербурга... С. 40–41.

¹⁴ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. Переизд.: М., 2004. С. 21–22.

¹⁵ *Предтеченский А.В.* Население и быт Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 130.

¹⁶ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 94–96.

¹⁷ *Некрасов Г.А.* Основные этапы гражданского, промышленного и культурного строительства в Петербурге (первая четверть XVIII в.) // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 110.

¹⁸ *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 79–81.

¹⁹ *Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 105–106.

²⁰ Там же. С. 107.

²¹ Там же. С. 109.

²² Там же. С. 106, 109–110.

²³ Там же. С. 112.

²⁴ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга... С. 53–57.

²⁵ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 78–80.

²⁶ Напр.: *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете»... С. 98; *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 108.

²⁷ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 80–81.

²⁸ Там же. С. 79–81; *Кочин Г.Е.* Население Петербурга до 60-х годов XVIII в. // Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. I. С. 94–95; *Мавродин В.В.* Основание Петербурга. Л., 1983. С. 84; *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 108–109.

²⁹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга: Обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006 (Архив СПбИИ РАН. Фонд диссертаций). С. 111–256.

³⁰ Об источниковой базе исследования см. подробнее: *Андреева Е.А.* 1. Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 16–23; 2. Начало строительства Петербурга: Обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 8–11.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Ст. 1, 3.

³² Об Ингерманландской губернии см.: *Андреева Е.А.* 1. Образование Ингерманландской губернии // Основателю Петербурга: Материалы конференции к 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 34–41; 2. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: Территория и административное устройство // Петровское время в лицах–2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 15–31.

³³ 20 мая 1704 г. была введена должность ингерманландского (санкт-петербургского) обер-коменданта, подчинявшегося ингерманландскому губернатору

А.Д. Меншикову. На эту должность был назначен полковник Р.В. Брюс. Он отвечал не только за Петербург, но и за все крепости Ингерманландской губернии. Р.В. Брюсу подчинялись гарнизоны подведомственных крепостей, а также все войска, расположенные в Петербурге, окрестностях и на о. Котлин (Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ДК 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 135. Bil. 1705 17/1 [Благодарю Шведский институт, при поддержке которого я имела возможность работать в Государственном архиве Швеции (Стокгольм)]; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. II. С. 92; *Тимченко-Рубан Г.И.* Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 120; *Шелов А.В.* Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 25; *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 36–37).

³⁴ Как отмечалось выше, С.П. Луппов называет 43 928 человек. Действительно, первоначально наряд составлял 40 тыс. человек и 3 928 чел. губернии должны были прислать для восполнения не собранных с «пустых» дворов работников. Однако позднее наряд на тот год был дополнен 5 тыс. татар и чувашей Казанской губернии (ПСЗ. Т. IV. № 2448. С. 752; ДППС. СПб., 1880. Т. I. № 419. С. 296; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 70–70 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4128. Л. 1 об.–2; ПБИПВ. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3555. С. 503. См. также: *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 129–132).

³⁵ В 1709 г., как и в предыдущие, посажане распределялись в ведомство У.А. Сенявина и Р.В. Брюса. На 9 августа у У.А. Сенявина трудились 10 734 человека. С.П. Луппов ошибочно полагает, что это общая численность присланных в 1709 г. в Петербург работников, но еще 10 716 человек поступили в тот год в ведение петербургского обер-коменданта (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 750; ПБИПВ. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. Примеч. к № 3538. С. 1369; *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 80, 112–113).

³⁶ Ведомость Р.В. Брюса датируется 3 декабря и содержит окончательные цифры трудившихся у него посажан – 10 716 чел. Ведомость У.А. Сенявина – от 9 августа. Поскольку работники трудились до 1 октября, то, возможно, их численность позднее была дополнена. Следовательно, этот документ содержит окончательные цифры только по первой перемене (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 10. Л. 750; ПБИПВ. Т. VIII. Вып. 2. Примеч. к № 3538. С. 1369).

³⁷ См. подробнее о рабочих людях: *Андреева Е.А.* 1. Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 111–256; 2. Начало строительства Петербурга... Автореф. ... С. 16–20.

³⁸ См., например: *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 85; *Семёнова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 37–38.

³⁹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 258–259.

⁴⁰ См. подробнее о мастеровых: *Андреева Е.А.* 1. Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 257–319; 2. Начало строительства Петербурга... Автореф. ... С. 21–24.

⁴¹ ПБИПВ. СПб., 1889. Т. II. Примеч. к № 564. С. 607; Примеч. к № 567. С. 612; Примеч. к № 568. С. 612–614; РБС. СПб., 1914 (Репринт: М., 1996). Т.: Лабзина–Ляшенко. С. 776.

⁴² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 927.

⁴³ *Андреева Е.А.* Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения–2004. СПб., 2004. С. 13–14.

- ⁴⁴ ПБПИВ. Т. II. Примеч. к № 571. С. 625.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 911–912.
- ⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об. См. об этом также: *Андреева Е.А.* Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 12.
- ⁴⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 239. Л. 1 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 234. Л. 1–1 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 330. Л. 2–2 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 356. Л. 1 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 384. Л. 2.
- ⁵² ПБПИВ. СПб., 1900. Т. IV. Примеч. к № 1181. С. 756.
- ⁵³ Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ДК 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 135. Bil. 1705 17/11.
- ⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–8 об.
- ⁵⁵ ПБПИВ. Т. VIII. Вып. 2. Примеч. к № 2549. С. 579.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 750.
- ⁵⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3223. Л. 4.
- ⁵⁸ ПБПИВ. Т. IX. Вып. 1. № 3538. С. 485.
- ⁵⁹ Там же. № 3538. С. 485.
- ⁶⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3174. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Д. 3732. Л. 1–2; Д. 3746. Л. 1.
- ⁶² Там же. Д. 4011. Л. 1 об.–5 об.
- ⁶³ Точное известие... С. 62.
- ⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3890. Л. 1–5.
- ⁶⁵ Там же. Л. 1.
- ⁶⁶ *Луттов С.П.* История строительства Петербурга... С. 23.
- ⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4010. Л. 1.
- ⁶⁸ Там же. Д. 3978. Л. 1–1 об.; Д. 4037. Л. 1.
- ⁶⁹ *Андреева Е.А.* Первый губернатор и строитель Петербурга // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 12.
- ⁷⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4437. Л. 1; Д. 4438. Л. 2; Д. 4460. Л. 2; Д. 4578. Л. 1; Д. 4592. Л. 1; Д. 4645. Л. 1.
- ⁷¹ Там же. Д. 4602. Л. 1.
- ⁷² ДППС. СПб., 1883. Т. II. Кн. II. № 410. С. 299.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 138. Л. 1; Д. 149. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же. Д. 330. Л. 2–2 об. См. об этом также: *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 108.
- ⁷⁶ РГАВМФ. Ф. 177 (Приказ Воинского морского флота). Оп. 1. Д. 59. Л. 10 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 36 об.
- ⁷⁸ *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга... С. 60.
- ⁷⁹ МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отд. IV. № 12. С. 501.
- ⁸⁰ История русского флота. Период Азовский. Приложения / Сост. С.И. Елагин. СПб., 1864. Ч. II. Прилож. IV. № 117. С. 18. В историографии сведения Ф.М. Апраксина о высокой смертности среди работных людей на воронежских верфях, содержащиеся в его письмах 1703–1705 гг., иногда неверно приписывают к положению работников в Петербурге (См., напр.: *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 107).

Между тем Ф.М. Апраксин в 1700–1706 гг. занимался строительством Азовского флота и находился на юге страны, откуда вернулся в Петербург только весной 1706 г. (Петербург в эпоху Петра I: Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории: Каталог / Авт.-сост.: Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2003. Вып. 1. № 4. С. 9; № 228. С. 51; Андреева Е.А. Указатель имен // Там же. С. 677).

⁸¹ МИРФ. Ч. III. Отд. IV. № 12. С. 501.

⁸² Там же.

⁸³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 4. Л. 26–26 об. Цит. также в кн.: Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород, 2002. С. 200.

⁸⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3876. Л. 2, 8; Д. 4469. Л. 6–7.

⁸⁵ Там же. Д. 3876. Л. 8–8 об.

⁸⁶ ДППС. Т. II. Кн. II. № 759. С. 216.

⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4602. Л. 2.

⁸⁸ Там же. Д. 4650. Л. 7.

⁸⁹ ДППС. Т. II. Кн. II. № 760. С. 218.

⁹⁰ Сорокин П.Е. О захоронениях начала XVIII века в центре Петербурга // Петровское время в лицах–2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 202–207.

⁹¹ Там же. С. 204–205.

⁹² Там же. С. 207.

⁹³ Точное известие... С. 62. См. об этом также: Сорокин П.Е. О захоронениях начала XVIII века... С. 205.

⁹⁴ Хавен П. фон. Путешествие в Россию. С. 324; Беспярых Ю.Н. Введение // Петербург Анны Иоанновны... С. 22–23.

⁹⁵ Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия...» С. 227.

⁹⁶ Сорокин П.Е. Освоение Нижнего Приневья в допетровское время // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 26–27.

⁹⁷ Об условиях быта и труда и размере денежного жалования посощан и мастеровых см. подробнее: Андреева Е.А. 1. Начало строительства Петербурга... Дис. ... С. 191–212; 291–305; 2. Начало строительства Петербурга... Автореф... С. 19, 22–23.

⁹⁸ Юль Ю. Записки Юста Юля... С. 72.

⁹⁹ Петров Б.Д. Очерки истории отечественной медицины. М., 1962. С. 210; Курьянов В.В. Из истории медицинской службы на русском флоте: По материалам архивов и по страницам трудов доктора флота А.Г. Бахерахта. М., 1963. С. 62–68; Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2002. С. 131–132.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 477. Л. 14.

¹⁰¹ ПБИПВ. Т. II. Примеч. к № 514. С. 529.

¹⁰² Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 570.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 26 (Разряд XXVI – Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I). Оп. 1. Кн. 11. № 64. Л. 740.

¹⁰⁴ Божерянов И.Н. Первые годы существования С.-Петербурга // Божерянов И.Н., Никольский В.А. Петербургская старина: Очерки и рассказы. СПб., 1909. С. 8.

¹⁰⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 122. Л. 1

¹⁰⁶ Там же. Д. 692. Л. 63.

¹⁰⁷ Там же. Д. 184. Л. 1 об.–2.

¹⁰⁸ Там же. Д. 209. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 2. Кн. 1. Л. 292–292 об. Цит. также в кн.: *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 111.

¹¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3732. Л. 1–2.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1, ч. 2. Д. 4817. Л. 6 об., 48.

¹¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4602. Л. 1–2.

¹¹³ Например, даже в 90-х гг. XIX в. средняя смертность в России составляла 3,73% (*Котельников А.* Экономическая сторона в вопросе о смертности населения // *Наблюдатель.* 1893. № 3. С. 59).

¹¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 238 (Н.Н. Лихачев). Оп. 2. Картон 382. Д. 8. Л. 1.

Становление России в качестве мощной европейской военно-морской державы в эпоху Петра I, в связи с почти полным отсутствием в стране военных моряков из «природных» россиян, не могло состояться без привлечения в отечественный флот моряков-иностранцев и освоения зарубежного опыта. В 1697–1698 гг. результате целенаправленной деятельности Великого посольства и лично царя в Голландии и Англии на русскую службу было нанято около 1000 морских чинов и мастеровых людей от вице-адмирала до кока включительно¹. Существенным вопросом для русских властей стала организация питания новоприбывших флагманов. Целостного освещения в литературе этот сюжет донныне не получил.

Должность старшего флагмана русского военно-морского флота с присвоением воинского звания вице-адмирала занял помощник экипажмейстера Амстердамского адмиралтейства норвежец по национальности² капитан К.И. Крюйс. К.И. Крюйса, по рекомендации голландского вице-адмирала Гилля Шхея (Схея), нанял лично царь, убедившись в его высоких профессиональных качествах, порядочности и честности. С ним 9 мая 1698 г. в Амстердаме был подписан контракт, в котором оговаривались условия службы, взаимные обязательства сторон, льготы и величина жалованья³. Вице-адмирал был принят в Азовский флот на четырехлетний срок с жалованьем 3600 ефимков (1800 рублей) или 9000 голландских гульденов в год, что в 3,75 раза было больше годового должностного оклада вице-адмирала военно-морского флота Нидерландов⁴. Ему же за время пребывания на берегу выплачивались кормовые деньги из расчета по 16 алтын 4 деньги в день⁵. В последующие годы К.И. Крюйс за

добросовестную службу и выдающийся вклад в укрепление боеготовности русского военно-морского флота денежное жалование неоднократно повышалось. По данным В.Н. Берха, в 1706 г. должностной оклад К.И. Крюйса составлял 4000 рублей в год. Кроме того, ему выплачивалось 72 рубля на содержание денщиков и отпускалось хлебное жалование – 36 четвертей ржаной муки⁶. К 1712 г. денежное содержание вице-адмирала вновь возросло и составило 4500 рублей в год, из которых 4000 ефимков (1 ефимок обменивался на 23 алтына 2 деньги⁷) выплачивалось в Амстердаме⁸. К.И. Крюйс также получал 3% от стоимости всех захваченных шведских судов и призов – торговых судов других стран, перевозивших в шведские порты контрабандные товары, взятых в море русскими военными кораблями, и 3% от общего количества солода, ячменя и овса, ежегодно заготавливаемых в адмиралтейских публичных мызах⁹.

Вместе с ним также был нанят на русскую службу на должность младшего флагмана корабельного флота капитан-лейтенант Амстердамского адмиралтейства Я. ван Реес (фан Рез) с присвоением ему воинского звания шаутбенахта (контр-адмирала) и с жалованием 3600 голландских гульденов, что в 3 раза было больше годового должностного оклада контр-адмирала военно-морского флота Нидерландов¹⁰.

В 1703 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой принял на службу грека И.Ф. Боциса в качестве галерного шаутбенахта, продолжительное время командовавшего венецианскими гребно-парусными судами. И.Ф. Боцис, назначенный командующим российским галерным флотом на Балтике, в обширном докладе подробно описал царю боевой состав, организационно-штатную структуру, систему комплектования и тылового обеспечения военно-морского флота Венецианской республики¹¹.

Русское правительство для питания флагманов в море ежегодно, с учетом их пожеланий, устанавливало продовольственный паек, широкий по ассортименту продуктов и обильный по калорийности. Решающая роль в нормировании питания адмиралов принадлежала К.И. Крюйсу. По мнению вице-адмирала, количество продуктов, отпускаемое каждому флагману, должно было зависеть от его воинского звания (должности) и существенно отличаться от пищевого довольствия обер- и штаб-офицеров. Кроме того, при определении продуктового набора им учитывался род сил флота, жилищно-бытовые условия, а также количество офицеров, содержавших общий стол на

флагманском корабле (большой морской галере). Ведь К.И. Крюйс из богатого личного опыта, эмпирически хорошо знал, что функциональное состояние и работоспособность корабельных специалистов определяются условиями их профессиональной деятельности¹². Он, совершивший длительные плавания в Италию, Индонезию, Индию и другие страны¹³, на себе познал потребность организма моряка в полноценном питании и зависимость этой потребности от трудностей морской службы (высокое нервно-психическое и физическое напряжение при несении вахт, при которых возникают слабость, вялость, бессонница в ночные и сонливость в дневные часы, изнуряющее действие качки, ограниченное жизненное пространство при наличии тяжелых грузов, длительное сосредоточение внимания на малых объектах и быстрота реакции на малейшие изменения обстановки, сложные бытовые условия, воздействие климатогеографических факторов). Военная служба моряков корабельного и гребно-парусного флотов в конце XVII – начале XVIII вв. проходила в сверхэкстремальных условиях. Техника кораблестроения не могла обеспечить надлежащих удобств для размещения личного состава, условий хранения, приготовления, приема воды и пищи, отвечающих даже элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. Неотапливаемые помещения корабля, поверхности санитарно-бытовых устройств, продукты, одежда из-за высокой влажности, перепада температур покрывались плесенью, микроорганизмами и грибами, часто переходившими и на кожу человека, что способствовало появлению различных аллергических заболеваний и снижению иммунологической сопротивляемости организма. Безусловно, уровень обитаемости на кораблях, по сути, был уровнем выживания, заранее допускающим снижение работоспособности, ухудшение здоровья, высокую вероятность выхода из строя людей.

Поэтому с целью уменьшения влияния всех этих неблагоприятных факторов на организм моряка К.И. Крюйс отводил так много внимания обеспечению его полноценным питанием, позволяющим гарантировать сохранение здоровья.

Источниковедческие наблюдения показали, что месячные продуктовые нормы для флагманов русского флота имели ярко выраженную тенденцию к улучшению ассортимента и увеличению количества продуктов. Так, на октябрь 1704 г. при прежнем количестве довольствующихся «на тот фрегат («Триумф». – *И.Д.*) отпущено шаятбенахту Яну ван Резу» больше, чем в сентябре, на 2 ведра рейнского, ведро

церковного, 2 ведра вина двойного, 5 ведер вина простого, 10 ведер пива, 10 пудов ветчины, 2 барана, 2 пуда вяленой рыбы, 10 хлебов печеных, 1 пуд масла коровьего¹⁴.

Однако даже столь высококалорийный и разнообразный продуктовый набор, предназначенный для котлового довольствия контр-адмиралов, часто не устраивал шаутбенахта галерного флота графа И.Ф. Боциса, враждовавшего с вице-адмиралом К.И. Крюйсом¹⁵. Он писал жалобы Петру I и адмиралу Ф.А. Головину на свое якобы недостаточное питание и, что было вполне справедливо, команд галер¹⁶.

Следует отметить, что высшее военно-политическое руководство страны положительно реагировало на требования И.Ф. Боциса и удовлетворяло даже его повышенные запросы. Так, 28 июня 1705 г. экипажмейстер Олонецкой верфи Л.М. Мокушев отпустил для шаутбенахта И.Ф. Боциса, переходившего на большой морской галере в Санкт-Петербург, «к прежней даче в добавку три барана, 5 ведер ставленного меду, 10 фунтов масла деревянного (оливкового. – *И. Д.*) с роспискою»¹⁷.

Изучение общих списков личного состава Балтийского флота по состоянию на 1 января 1708 г., 31 декабря 1715 г. и 20 мая 1723 г. позволило известному историку флота Петра Великого П.А. Кротову сделать весьма примечательный вывод, что «взращенное в годы Северной войны многочисленное офицерство из «природных» россиян по краткости истекшего времени в большей своей части еще не накопило надлежащего опыта для того, чтобы претендовать на получение флагманских чинов, но первые и достойные флагманы из россиян уже появились»¹⁸.

По состоянию на 25 мая 1723 г. в «морском корабельном флоте обретаецца флагманов»: генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, адмирал П.А. Михайлов (царь), 4 вице-адмирала (А.Д. Меншиков, голландец П. Сиверс, шотландец Т. Гордон, швед Д. Вильстер); 3 шаутбенахта (англианин Т. Сандерс, голландец Я. ван Гофт, Н.А. Сенявин); 3 капитан-командора (немец М. Гослер, норвежец П. Х. Бредаль, И.А. Сенявин), а в галерном флоте – хорват вице-адмирал М.Х. Змаевич¹⁹.

25 ноября 1706 г. Петр I издал указ «О производстве жалования чинам флота». В указе говорилось, что морякам-иностранцам во исполнение контрактов выдавались деньги на наем квартир, их отопление и освещение, а также на съестные припасы в тот период, когда они «бывают в кампании во флоте, но они этой выдачей довольны не были и о том Е. Ц. В. челом били». Вследствие этого, Петр I повелел

вместо этих денег выдавать каждому моряку-иноземцу, согласно воинскому званию, сверх «окладных годовых дач впредь во вся годы» прибавку в размере месячного должностного оклада²⁰.

Однако повседневный ассортимент закусок²¹ и обеденных блюд, потребляемых флагманами, после указа монарха практически не изменился и обычно не отличался от пищи, приготавливаемой для петербургской знати в дни празднеств и юбилейных торжеств, проводимых в честь выдающихся военных и военно-морских побед русского оружия.

С 1716 г. капитан-командору выплачивалась денежная компенсация за три²², с 1720 г. – за шесть матросских порций²³, а шаятбенахту с 1719 г.²⁴

Существенное разнообразие в питании флагмана вносили продукты («столовые запасы»), доставляемые крепостными крестьянами в виде натурального оброка к месту его службы. Ведь для флагманов, русских по национальности, владевших большим количеством крепостных крестьян, их высокие годовые должностные оклады (в 1725 г. генерал-адмирал получал 7000, адмирал – 3600, вице-адмирал – 2160, контр-адмирал – 1800, капитан-командор – 600 рублей²⁵) и порционные деньги (стоимость одной месячной матросской порции в 1725 г. – 2 рубля 35 копеек²⁶) все-таки составляли в семейном бюджете незначительную часть по сравнению с доходами, поступавшими от крупных вотчин и поместий.

Вознаграждения моряков земельными наделами, пожалование Петром I им деревень с крепостными крестьянами начались в 1696 г. и особенно возросли в период 1711–1716 гг. Основным регионом, где находились имения моряков, являлась Санкт-Петербургская губерния, куда на освобожденную от шведов территорию из других уездов страны принудительно направляли крестьян-переселенцев. Наибольшее число крепостных душ, мыз и деревень среди моряков получили должностные лица, особо приближенные к государю, и в первую очередь руководство Адмиралтейского приказа и командование Балтийского флота, в том числе и некоторые флагманы-иноземцы.

27 декабря 1696 г. Петр I пожаловал адмиралу Ф.Я. Лефорту и генерал-комиссару Ф.А. Головину «за их службу в поход под Азовом» соответственно в Епифановском уезде село Богоявленское (140 дворов) и в Кромском уезде село Молодовское (57 дворов) «со всеми угодьями»²⁷. В 1700 г. Ф.А. Головин, с этого года адмирал, получил еще 110 дворов.

Свои первые имения от царя адмиралтеец Ф.М. Апраксин получил в 1701 г.²⁸. Затем Петр I пожаловал ему деревню Мокрый Буерак в Лебедянском уезде Азовской губернии, лично записав в указе «за ваши труды в адмиралтействе...»²⁹. В 1711 г. в Копорском уезде генерал-адмирал Ф.М. Апраксин увеличил свою земельную собственность на 4 мызы с деревнями (70 дворов), в Выборгском уезде – на 8 мыз с деревнями и пустошами³⁰.

Вице-адмиралу К.И. Крюйсу Петр I в 1711 г. пожаловал в Выборгском уезде мызу Лахту с 6 деревнями (12 дворов) и 4 пустоши, в 1716 г. – 95 дворов в Новой Кирке, в 1715 г. в Кексгольмском уезде – Кургиодский погост с 17 деревнями (131 крестьянский и бобыльский двор), одну мызу и 2 пустоши³¹.

Значительную долю несметных богатств светлейшего князя вице-адмирала А.Д. Меншикова составляла земельная собственность, расположенная в Санкт-Петербургском, Шлиссельбургском, Кексгольмском, Выборгском, Ямбургском и других уездах Санкт-Петербургской губернии. Только в Копорье, Ранненбурге, Ижоре в 1711 г. из 1000 имевшихся в наличии дворов 855 (23 мызы с деревнями) принадлежали А.Д. Меншикову. В Ямбургском уезде А.Д. Меншикову было пожаловано еще 5 мыз с деревнями (230 дворов)³². Если до 1710 г. А.Д. Меншиков получил от государя 2157 дворов (около 8600 душ), то к концу правления Петра I самому любимому фавориту русского монарха принадлежало около 100 000 душ мужского пола³³.

В большинстве случаев для получения имений в собственность флагманы-иноземцы обращались с просьбами («слезно» и «рабски») к царю, как например капитан-командор М. Гослер, обосновывая необходимость получения земельной собственности своей бедностью и обязательством за себя и детей «до гроба верно служить» Его Величеству³⁴. 6 сентября 1716 г. царь удовлетворил просьбу М. Гослера, являвшегося долгое время командиром его флагманских кораблей, и тот стал владельцем 2 мыз в Дерптском уезде, с прилегающими к ним гаками³⁵. Мызы приносили капитан-командору М. Гослеру хороший доход. Только с мызы Фонель ее хозяин продал в марте 1719 г. 144 бочки (102 четверти) ржи и ячменя³⁶.

Другому иноземцу, командующему Котлинской эскадрой, вице-адмиралу П. Сиверсу в 1720 г. были пожалованы кирки Новая и Какис, а также Березовые острова взамен данного прежде Курьегоцкого погоста в Выборгском уезде. В 1726 г. он стал еще собственником Гидельского погоста в Кексгольмском уезде³⁷.

После выигранного 24 мая 1719 г. у шведов Эзельского сражения на командовавшего отрядом русских кораблей капитана 2 ранга Н.А. Сенявина обрушился шквал монарших милостей³⁸. Он был, через чин капитана 1 ранга, произведен в чин капитан-командора. Ему были переданы в собственность деревни, расположенные в Нижегородском, Юрьево-Польском, Гороховецком, Рязанском, Дмитриевском, Орловском уездах (199 дворов), принадлежавшие ранее проходившим по делу царевича Алексея, А.Ф. Лопухину, Ф.П. Дубровскому, сибирскому царевичу Василию³⁹. Кроме того, он получил в Копорском уезде мызу с деревнями (40 дворов) и в 1720 г. деревни в Рязанском уезде, отобранные у Ф.А. Соловьева⁴⁰. В 1729 г., когда Петр II пожаловал ему деревни, приписанные к Тырпицкому металлургическому заводу (1167 душ крестьян), он стал одним из самых богатых помещиков Российской империи⁴¹.

Представление о доходах, которые приносили земельные владения, может дать имение царя – адмирала П.А. Михайлова (800 душ дворцовых крестьян), находившееся около города Острова Псковского уезда. Излишки столовых запасов, собранные в царской вотчине, реализовывались в Адмиралтействе. К примеру, 11 мая 1724 г. в Санкт-Петербургский адмиралтейский провиантский магазин из этой вотчины Петра I отправили 155 пудов 30 фунтов соленого говяжьего и бараньего мяса⁴².

Для индивидуального питания высшего командования военноморского флота в новой столице России заготавливалось значительное количество продуктов. Продовольствие для флагманов привозилось практически из всех российских губерний, а также из-за границы.

Вполне естественно, что наибольшее количество продуктов и спиртных напитков поставлялось адмиралу П.А. Михайлову. Венчелю морскому везли из Архангельска, Астрахани, Азова, Воронежа, Риги и других городов, с Яика свежих белуг и осетров, косяки⁴³ свежесолёные белужьи, балыки, копченые сельди, семгу, палтуса, навагу, мерзлую треску, другие виды речной и морской рыбы, кадочки с икрой, арбузы, виноград, ягоды, фрукты, местное вино⁴⁴; из Эстляндии – овощи и фрукты⁴⁵; из Финляндии – мясо- и молокопродукты, живой скот⁴⁶.

Значительное количество высококачественных продуктов поступало на обеденный стол и остальных флагманов. Только из Або (фин. Турку) в августе 1718 г. от губернатора Финляндии графа Г.О. Дугласа

в дар для генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, вице-адмирала К.И. Крюйса, шаутбенахтов Дж. Паддона и А.Д. Меншикова доставили по 35 быков, 5 коров, 78 овец, 3 ягненка, 2 свиньи, 25 кур, 5 цыплят, 95 яиц куриных⁴⁷. Осенью 1718 г. Г.О. Дуглас вновь прислал высшему командованию Балтийского флота подарки в виде крупного рогатого скота. Количество голов подаренного каждому скота на этот раз некоторым образом зависело от должности и воинского звания. Царь получил 18, Ф.М. Апраксин – 17, А.Д. Меншиков и К.И. Крюйс – по 16, обер-сарваер Адмиралтейства генерал-майор И.М. Головин – 12 быков⁴⁸.

Кроме того, флагманы при необходимости нередко прибегали к пополнению запасов из флотских магазинов за деньги, при этом общая сумма исчислась не по розничным, а по более дешевым подрядным (оптовым) ценам. Например, 10 октября 1706 г. А.Д. Меншикову из провиантских амбаров Адмиралтейского двора отпустили 10 пудов поваренной соли, фунт оливкового масла⁴⁹. Также из Санкт-Петербургского адмиралтейского провиантского магазина в период с 1 января по 1 мая 1712 г. Петр I получил $\frac{1}{2}$ осмины солода ячневового, 1 четверть солода ржаного, 7 фунтов хмеля, 11 четвертей овса, 5 четвертей муки ржаной, 1 пуд масла коровьего, 4 ведра масла конопляного, 3 ведра вина хлебного простого⁵⁰. Для генерал-адмирала Ф.М. Апраксина с 1 января 1716 г. по 20 января 1717 г. из Ревельского адмиралтейского провиантского магазина отпущено 7 ластов ржи⁵¹, 7 четвертей муки, по 3 четверти гороха и круп, 10 пудов ветчины, 20 ведер вина, $2\frac{1}{2}$ пуда соли на общую сумму 173 рубля 6 алтын⁵². В марте 1719 г. генерал-адмиралу прислали из Санкт-Петербургского адмиралтейского провиантского магазина одну бочку солонины казанского соления весом 20 пудов и другую бочку 18 пудов местного приготовления, полученную во флотской мясосольной избе⁵³. 2 января 1720 г. в дом вице-адмирала К.И. Крюйса из Санкт-Петербургского адмиралтейского провиантского магазина за плату отпустили 8 ведер простого хлебного вина⁵⁴.

Спиртные напитки и продукты, захваченные на призовых судах в 1712–1721 гг., в первую очередь реализовывались среди высшего командного состава Балтийского флота, еще более разнообразия весьма добротную и обильную пищу флагманов⁵⁵. Так, по свидетельству офицера Д. Дена, 8 мая 1713 г. у Гельсингфорса было захвачено с боем торговое любекское судно, нагруженное главным образом винами, что «явилось приятным призом для высших офицеров»⁵⁶.

Адмиралтейские публичные мызы, расположенные в Эстляндии, ежегодно обеспечивали адмиральские домашние пивоварни отборным ячневым солодом и высококачественным хмелем и другими продуктами⁵⁷.

В качестве примера продовольственного обеспечения адмиралов в море приведем ассортимент и количество провизии, заготовленной в 1723 г. для вице-адмирала Д. Вильстера, назначенного Петром I командующим экспедицией в составе фрегатов «Амстердам-Галлей» и «Декронделивде» с задачей следовать к острову Мадагаскар. По спискам, заблаговременно поданным в Ревельскую провиантскую контору, комиссары заготовили бочку муки крупитчатой⁵⁸, три бочки сухарей пшеничных, четыре бочки сухарей ржаных ситных⁵⁹, четыре бочки сухарей ржаных, две бочки крупы гречневой, одну бочку крупы овсяной, две бочки гороха, 50 фунтов (20,45 кг) пшена сорочинского (риса), шесть бочек солонины, шесть бочек баранины копченой, 20 окороков ветчины, бочку семги соленой, две бочки лабардану (соленой трески), пять пудов (81,9 кг) трески сушеной, $\frac{1}{2}$ анкерка (19,2 л) анчоусов (рыба семейства сельдевых), $\frac{1}{2}$ анкерка оливкового масла, четыре бочки масла коровьего, две головки сыра английского, 400 яиц куриных. Внушительны были и запасы спиртных напитков: 12 бутылок приказной водки, 12 бутылок вина столового, один оксофт (225 л) вина «пикардон», два оксофта вина французского сладкого, два анкерка вина испанского «романея», два анкерка вина «канарское». Широким ассортиментом противоцинготных средств были представлены свежие и переработанные фрукты, овощи. В провиантские кладовые загрузили по $\frac{1}{2}$ анкерка оливок и каперсов, по одной бочке репы белой и моркови, по $\frac{1}{4}$ бочки сельдерея и других разных столовых кореньев, 100 кочнов капусты белокочанной, пять пудов изюма, по 100 фунтов коринки (мелкий изюм) и чернослива, один анкерок лимонов соленых, 100 фунтов сахара канарского, 200 фунтов сахара-рафинада. Для похода также не были забыты и вкусовые продукты, представленные пряностями и специями. Стремление вице-адмирала к употреблению в длительном плавании острой и пряной пищи находит свое объяснение в особых свойствах пряных овощей, специй и приправ увеличивать выделение желудочного сока, возбуждать аппетит и уменьшать воздействие морской болезни⁶⁰. Для этих целей заготовили два анкерка уксуса винного, $\frac{1}{2}$ бочки уксуса столового, четыре фунта перца черного, шесть фунтов имбиря, два фунта мускатного ореха, один фунт кардамона, 12 золот-

ников (51,24 г) шафрана, четыре фунта померанцевых (апельсиновых) сушеных корок, $\frac{1}{4}$ бочки соли белой мелкой, $\frac{1}{2}$ бочки соли поваренной. Кроме того, было закуплено 60 кур, 40 уток, 20 гусей. Для их кормления в плавании из адмиралтейского провиантского магазина поставили по 12 бочек ячменя и овса.

По расчетам Д. Вильстера, «вышеописанного числа живой птицы до первой остановки будет довольно». И это не все свежее мясо, предназначавшееся для адмиральского стола. В дополнении к ведомости, поданной в Ревельскую провиантскую контору, Д. Вильстер написал: «Когда (фрегаты. – *И.Д.*) отправятся из гавани, надлежит убить быков или баранов». Вместе с тем вице-адмирал Д. Вильстер предусматривал еще закупки продуктов в иностранных портах захода: «Буде чего не достанет, надеюсь, деньги даны будут, тогда мною все заготовится»⁶¹.

В начале XVIII в. во всей Европе, включая Россию, а во Франции еще в середине XVII в. резко обозначаются различия между кухней господствующего класса и народной кухней. Отныне они различались не только количеством пищи, разнообразием ее подачи и качеством пищевого сырья, а, главное, ассортиментом блюд, варьированием их компонентов, иной технологией приготовления. Все это относилось и к питанию высшего командного состава флота как при нахождении на берегу⁶², так и в море.

Современники отмечали, что из всех русских вельмож Петровской эпохи наиболее славился гостеприимством и содержал хлебосольный стол генерал-адмирал Ф.М. Апраксин⁶³. Анонимный участник событий, бывший в свите польского посла, при посещении 14 июня 1720 г. Санкт-Петербургского адмиралтейства свидетельствует: «Затем мы пошли в галерею, находящуюся на среднем этаже, где адмирал Апраксин, а было это в пятницу (пища адмиралов в постные дни? – *И.Д.*), потчевал нас одними корабельными блюдами: копченым мясом, зельцами, ветчинами, языками, морской рыбой, а также маслом, сыром, сельдями, повидлом, солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами. Было несколько блюд раков, но мелких. Подавали пиво и холодное полпиво, так как здесь повсюду много льда»⁶⁴.

Высший командный флотский состав и на берегу, и в море в обилии употреблял спиртные напитки. В дневнике датского посланника в России шютбенахта Юста Юля находим следующие записи: «21 мая 1710 г. На (шняве. – *И.Д.*) «Лизете» у царя Апраксин, Брюс и я. Такой попойки

и пьянства, как здесь, еще не бывало»; «14 сентября 1710 г. Весь день (на линейном корабле «Рига». – *И.Д.*) обильно ели и пили»; «7 октября шли в Кроншлот, во время плавания находился на судне у шаутбенахта-царя, где, как и на других судах, шла здоровая попойка»; «9 октября. Попойка на пиру чудовищная»⁶⁵. Другой иностранец, брауншвейгский резидент в России Х.Ф. Вебер, принимавший в июне 1715 г. участие в поездках с Петром I в Кроншлот и Петергоф, писал, что попойки на кораблях и на берегу «принимали ужасающие размеры»⁶⁶.

Однако наибольшее потребление спиртных напитков наблюдалось при праздновании спусков новопостроенных кораблей и торжеств в честь побед русского оружия в Северной войне⁶⁷. Так, Ф.В. Берхгольц, камер-юнкер голштинского герцога Карла-Фридриха, прибывшего по приглашению Петра I в Россию в 1721 г., записал в своем дневнике: «...я страшно боялся попоек, особенно зная, что здесь никогда так сильно не пьют, как при спусках кораблей»⁶⁸. Офицер флота Д. Ден, сообщая о праздновании 27 июля 1720 г. годовщины Гангутской виктории, написал, что на этом празднестве, и также постоянно на подобных торжествах, вино подавалось в изобилии⁶⁹.

От систематических перебоев на пирах лечились специально приготовленным блюдом – «похмельем». «Похмелье» состояло из мелко накрошенных соленых огурцов, ломтиков холодной баранины, огуречного рассола, уксуса и перца⁷⁰.

Значительные партии импортных дорогостоящих виноградных вин и деликатесных продуктов для довольствия флагманов, как упомянуто ранее, заказывались за границей. Иногда высший командный состав Балтийского флота покупал их «в складчину», но большее количество приобреталось в индивидуальном порядке. Так, в июне 1718 г. из Голландии на торговом судне доставили для Петра I, А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина, обер-штер-кригс-комиссара Адмиралтейства генерал-майора Г.П. Чернышева виноградные вина, рейнский уксус, сиропы, мяскопчености, сыры и другие продукты⁷¹.

Лидером по закупке спиртных напитков и изысканных съестных припасов, фруктов являлся адмирал П.А. Михайлов. В фонде «Кабинет Петра Великого» Российского государственного архива древних актов содержатся многочисленные документы по присылке (закупке) русскими послами князьями Б.И. Куракиным и В.Л. Долгоруковым, другими русскими людьми, находившимися за границей, иностранными купцами разнообразных съестных припасов и спиртных напитков: венгерского, голландского вина, «мушкетеля» французского, и

«всяких вин», лабардану «нового лова», оливок, сельдей, анчоусов, «устерсов» (устриц. – *И.Д.*) свежих, соленого индийского бамеу и соленого манго, персиков, свежих и соленых лимонов, апельсинов, масла оливкового, копченой говядины и рыбы и др.⁷²

В процессе закупок продуктов для вице-адмирала П.А. Михайлова принимали участие также высокопоставленные чиновники российского государства. Так, 25 октября 1715 г. кабинет-секретарь А.В. Макаров писал из Санкт-Петербурга рижскому губернатору князю П.А. Голицыну: «Ежели будет в Ригу привоз устерсам, то прикажите их також с нарочным сюда по почте прислать, хотя небольшое число, чтобы зело было Его Величеству угодно...»⁷³

Закупки деликатесов производились на очень большие суммы. Например, только в июне 1704 г. для монарха в Архангельске воевода В.А. Ржевский закупил виноградных вин и продуктов на 5174 ефимка⁷⁴; в 1712 г. для этих же целей англичанин Я. Спельман получил 10 000 рублей⁷⁵; крупные закупки «вин и других припасов для двора Его Царского Величества» были сделаны в 1715 г.⁷⁶

Не отставали от царя в приобретении заморских питий и еды генерал-адмирал Ф.М. Апраксин и другие флагманы⁷⁷.

В кампанию 1713 г. в результате совместных действий русской армии и галерного флота шведский флот был вытеснен из Финского залива. Десантными войсками была занята одна из его укрепленных военно-морских баз – Гельсингфорс. Как следствие осуществлявшаяся шведами в течение десятилетия с 1703 г. морская блокада Петербурга была навсегда прорвана⁷⁸.

Если в год прорыва шведской блокады в морской порт Петербурга прибыло не менее семи иностранных купеческих судов, то в 1714 г. – 16, в 1715 г. – 53, в 1716 г. – 33, в 1717 г. – 51, в 1718 г. – 54, в 1719 г. – 52, в 1720 г. – 75, в 1721 г. – 60. В навигацию 1722 г., первого мирного года на Балтике в XVIII в., по данным брандвахты, к Кроншлоту – морскому стражу аванпорта Петербурга у Котлина – пришло из зарубежной Европы 120 судов. В 1723 г. в Петербургский морской порт прибыло 383 иностранных торговых судна, а в следующем году – 196 иностранных и еще 44 российских купеческих корабля⁷⁹. Поэтому с открытием навигации в 1713 г. Санкт-Петербургская знать получила возможность приобретать заграничные напитки и еду непосредственно в столице⁸⁰.

В светском обществе считалось признаком хорошего тона, проявлением заботы о подчиненном (начальнике), когда ему в дар посыла-

лись продукты питания. К примеру, генерал-адмирал Ф.М. Апраксин в июле 1717 г. направил из личных запасов командующему Финляндским корпусом генералу М.М. Голицыну («из дома Апраксина в дом Голицыну») полуамную бочку (77,7 л) вина «пантаку», 2 анкерка вина «секту», бочку английской пшеничной муки, 3 четверти (344 кг) муки пшеничной крупитчатой, 11 частей говядины, 20 гусей копченых и некоторые другие продукты⁸¹.

Также обеды подчиненных в доме начальника или наоборот – явление весьма типичное для Петровской эпохи. Согласно «Поденным запискам 1719–1720 гг.» вице-адмирал А.Д. Меншиков в январе–феврале 1719 г. 6 раз приглашался на обед к видным санкт-петербургским сановникам (дважды к Ф.М. Апраксину, к шаутбенахту П. Сиверсу, генерал-полицмейстеру А.М. Девиеру, князю Я.Ф. Долгорукому, генералу А.А. Вейде) и 6 раз посещал ассамблеи. Кроме того, у него дома в разное время «купно кушали» от двух до десяти высокопоставленных вельмож, царь и царица. Чаше всех из моряков разделял трапезу у вице-адмирала А.Д. Меншикова обер-штер-кригс-комиссар Адмиралтейства генерал-майор Г.П. Чернышев⁸².

Использование в пищу высококачественных отечественных продуктов в сочетании с привозными иностранными – вот личный вкус Петра I. Но он формировался не в поле, как утверждали Ю.М. Лотман и Е.А. Погосян⁸³, а в море. На верфях с топором в руках, на кораблях за штурвалом много времени в своей короткой жизни провел неутомимый труженик на троне. Среди любимых его сердцу корабельных мастеров и моряков определился «личный вкус» адмирала Михайлова, довольно часто с ними трапезничавшего⁸⁴. Из всех видов пива монарх особенно любил терпкие матросские сорта. Корабельное пиво на царской пивоварне приготавливали специально нанятые голландский⁸⁵ и английский⁸⁶ пивовары. Сваренное и выдержанное пиво в бочках, а также разлитое в бутылки всегда имелось в наличии на флагманских линейных кораблях, где держал свой флаг венценосный моряк⁸⁷. Известно, что любимыми кушаньями государя являлись кислые щи, студень, каша, жаркое с огурцами или солеными лимонами, ветчина, солонина⁸⁸. Первые и вторые блюда он, как правило, употреблял очень горячими⁸⁹. Особое пристрастие царь испытывал к лимбургскому сыру⁹⁰. Из названных блюд три – сыр, ветчина, солонина – в России в первой четверти XVIII в. в наибольшей степени использовались в корабельном питании командования. В производстве солонины для русского военно-морского флота использовалась голландская технология⁹¹.

Именно пища Петра I наглядно показывает складывание в кулинарном искусстве в России двух основных направлений: национального и иностранного. Проявляя постоянный интерес к иноземной еде, он ничуть не ограничивал себя в потреблении традиционных блюд русской кухни. В начале 60-х гг. XX в. работники Главного управления общественного питания Ленинграда, в результате продолжительных поисков в государственных архивах, установили 108 блюд, входивших в пищевую рацион Петра I и его ближайшего окружения; значительная часть из них сразу стали фирменными и надолго вошли в меню специализированного кафе «Фрегат», расположенного на Васильевском острове, и некоторых ресторанов северной столицы⁹².

Среди делопроизводственных материалов фонда «Кабинет Петра Великого» автором статьи выявлен документ, содержащий подробную роспись продуктов и напитков отечественного производства, отправленных на пяти транспортных и иностранных торговых судах сентябре 1716 г. из Санкт-Петербурга для монарха, находившегося с военно-морским флотом в Копенгагене⁹³. В качестве примера приведем только один из пяти перечней съестных припасов и напитков, отправленных с подлючником М. Ивиным в Копенгаген 14 сентября 1716 г. на транспортном судне «Золотой кат» «про обиход Его Величества»: 32 куля ржаной муки, 10 четвертей муки пшеничной недомерочной (10 бочек), 5 четвертей муки пшеничной куличной (6 бочек), 5 четвертей крупы гречневой (3 бочки), 5 четвертей овсяной (3 бочки), 3 четверти крупы ячневой (2 бочки), 80 полтей ветчины (2 ящика), 70 окороков, 200 языков копченых (1 ящик), 20 свиных туш в 5 ящиках, «да и в бочке», 25 белуг, 50 осетров, 100 тешек межкостных, 6 тешек «матерых», 3 спины белужьих и 6 осетринных (6 ящиков), 3 четверти 3 четверика снетков псковских⁹⁴ (3 бочки), 5 пудов 10 фунтов икры армянской⁹⁵ (2 бочки), 5 ведер масла орехового (1 бочка), 10 ведер огурцов соленых (5 бочек), 1 пуд хрену «коренчатого» (бочонок), 20 ведер уксуса (бочка), 15 ведер приказной водки (3 бочонка), 6 ведер коричной⁹⁶ водки (бочонок), 100 ведер вина хлебного (5 бочек)⁹⁷.

Таким образом, принадлежность к верхушке служебной иерархии Российского флота предопределяла резкое различие в пищевом довольствии флагманов с большей частью штаб- и обер-офицеров. А питание высшего командного состава флота по отношению к нижним чинам (с 1720 г. месячная (28 дней) матросская порция составляла

45 фунтов (18,4 кг) сухарей, 10 фунтов (4,09 кг) гороха, 15 фунтов (6,14 кг) крупы, в том числе 5 фунтов гречневой и 10 фунтов овсяной, по 5 фунтов свинины и говядины (всего 4,09 кг солонины), 4 фунта (1,64 кг) сушеной рыбы, 6 фунтов (2,45 кг) коровьего масла, 7 ведер (86,1 л) пива, 16 чарок (1,97 л) хлебного вина, $\frac{1}{2}$ кружки (0,61 л) уксуса, $1\frac{1}{2}$ фунта (0, 61 кг) соли) вообще не подлежало никакому сравнению.

Провиантское обеспечение флагманов флота Петра Великого определялось для русских по национальности их высоким положением в обществе, а для высшего командного состава, состоявшего из иностранцев, – их личностной значимостью для поддержания обороноспособности Российского государства. Большие должностные оклады флагманов, натуральный и денежный оброк с крепостных крестьян вкупе с доходами, получаемыми с личной земельной феодальной собственности, порционные деньги, трофейное продовольствие, другие поступления – все это вместе создавало условия для обеспечения полноценным, разнообразным и высококалорийным питанием командного состава Балтийского флота в море и на берегу.

¹ РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1, 1698 г. Д. 54. Л. 1; *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство. М., 1897. С. 118; *Бестужев Н.А.* Опыт истории российского флота. Л., 1961. С. 77.

² *Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. СПб., 2003. С. 9, 12–13, 17, 27.

³ РГАВМФ. Ф. 234 (Канцелярия адмирала К. Крюйса). Оп. 1. Д. 72. Л. 5–6. Контракт предусматривал авансовую выплату в размере полугодового жалования, возможность получения дополнительных доходов, предоставление переводчика, двух служителей, личного секретаря, пяти человек прислуги, среди которых был лютеранский пастор (*Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. С. 27).

⁴ *Алфен М.А. ван.* Корнелиус Крюйс в Нидерландах // Корнелиус Крюйс: Адмирал Петра Великого. Ставангер; М.; СПб., 1998. С. 166; *Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. С. 27.

⁵ *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 99–100. 1 алтын = 3 копейкам; 1 копейка = 2 деньгам.

⁶ *Берх В.Н.* Жизнеописание российского адмирала К.И. Крюйса. СПб., 1825. С. 2. Четверть – мера сыпучих тел. 1 четверть=2 осминам=8 четверикам. В XVII в. при сборе с податного населения провиантских налогов употреблялась приемная четверть (московская таможенная мера) с «верхи» и под «гребло». При выплате хлебного жалования служилым людям применялась значительно меньшая по объему «отдаточная» четверть (*Благовещенский Н.А.* Четвертное право. М., 1899. С. 110). Соотношение приемной четверти с «верхи», приемной четверти под «гребло» и

«отдаточной» четверти – 7:6:4, объем соответственно 245, 210, 140 л; ржаной муки вышеуказанные четверти вмещали 8,57; 7,35; 4,9 пуда. 1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг. 1 фунт = 409,5 г. 23 августа 1713 г. Правительствующий Сенат, основываясь на результатах опытов, проведенных в Московской губернии, приговорил принимать и отпускать вес муки (нетто) в четверти 7 пудов 10 фунтов, крупы – 8 пудов. 1 куль (нетто) = 1 четверти ржаной муки = 8 четверикам = 7 пудам 10 фунтам; вес нового рогожного куля = 10 фунтам; 1 четверть крупы = 8 пудам (РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 2. Кн. 26. Л. 423).

⁷ Серебряный ефимок (Joachimsthaler) в XVII и XVIII вв. являлся общеевропейской валютой. В 1716 г. вексельный курс 1 ефимка равнялся 30 алтынам (90 копеек). – РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 123а.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 196. Л. 733–734.

⁹ РГАВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 171. Л. 38, 39.

¹⁰ *Алфен М.А. ван*. Корнелиус Крюйс в Нидерландах. С. 166.

¹¹ РГАДА. Ф. 41 (Сношения России с Венецией). Оп. 1, 1703 г. Д. 1. Л. 1–13.

¹² К этим условиям прежде всего относятся гидрометеорологические особенности плавания (районы нахождения кораблей, состояние моря, температуры атмосферного воздуха и забортной воды, интенсивность осадков, инсоляция и т. д.), а также факторы обитаемости кораблей. Обитаемость характеризуется совокупностью параметров и норм физических, химических, биологических и социально-бытовых факторов.

¹³ МИРФ. СПб., 1865. Ч. II. С. 265; *Крейс К.И.* Экстракт из журнала... // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1850. Ч. 8. С. 374–375; *Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. С. 114–115, 122, 124.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 177 (Приказ воинского морского флота). Оп. 1. Д. 34. Л. 80 об.

¹⁵ *Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. С. 101.

¹⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1703 г. Д. 19. Л. 5–6, 17.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 51. Л. 457.

¹⁸ *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 558.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1723 г. Д. 31. Л. 126; РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–2 об.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 15. Л. 7–8.

²¹ Холодные закуски, потребляемые знатью в эпоху Петра Великого, отличались завидным разнообразием. Наиболее часто употребляемые из них: лососина с чесноком, молоки с хреном, икряники, ксени, щучьи головы под чесноком, щуки соленые, сиги соленые, скаб (бок) белужий, куры соленые, ветчина в студне (с желе), ветчина с квасом и чесноком, тетерева жареные, обложенные солеными сливами, рябчики жареные под лимонами, плечо баранины жареное и обсыпанное рубленым желе («окрошено студенью»), буженина, курица жареная, разрубленная на куски и украшенная сливами, огурцы соленые, капуста квашеная. Много готовили нежных рубленых изделий из рыбы и птицы («тельное»). В качестве приправ к закускам подавали квас, хрен, чеснок толченый с квасом и яйцом и др. (*Ковалев Н.И.* Рассказы о русской кухне. М., 1984. С. 23; *Пыляев М.И.* Старое житье. Очерки и

рассказы о бывших в прошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. Смоленск, 2006. С. 3–8).

²² РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 60–60 об., 132.

²³ Книга Устав морской. СПб., 1763. С. 104–106.

²⁴ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 4. Л. 200. В кампанию Балтийского флота 1719 г. месячная (28 дней) матросская порция включала 8 фунтов ржаной муки, 45 фунтов ржаных сухарей, 10 фунтов крупы овсяной, 10 фунтов гороха, 8 фунтов соленой говядины и свинины, 4 фунта сушеной рыбы, 5 фунтов коровьего масла, 16 чарок хлебного вина, 30 кружек пива, 10 чарок уксуса, 1 1/2 фунта соли. 1 чарка = 123 мл; 1 кружка = 10 чаркам; 1 ведро = 100 чаркам.

²⁵ *Соколов А.П.* Русский флот при кончине Петра Великого, 1725 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1848. Ч. 6. С. 324–325.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 320 об.

²⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. III. № 1563.

²⁸ *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. ст., посвященных памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 283.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 277 (Документы Петра I). Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁰ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Д. 30. Л. 395, 411 об. Мыза – отдельный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка. Пустошь – незаселенная земля.

³¹ *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. СПб., 1889. Т. I. Приложения. С. 44, 46. Эти имения после смерти адмирала в 1727 г. были сохранены за его женой Катариной Крюйс. Бобыль – крестьянин, не владевший землей, работавший батраком, сторожем, пастухом и пр.

³² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 30. Л. 393, 407.

³³ *Сахаров А.Н., Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России. С начала XVII до конца XIX века. М., 1998. С. 60.

³⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 22. Л. 167.

³⁵ Там же. Д. 30. Л. 247, 276 об.; ОМС. СПб., 1885. Ч. I. С. 113–114.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 114. Л. 141.

³⁷ ОМС. Ч. I. С. 337. Погост (волость) – сельский приход, несколько деревень под общим управлением одного прихода. Кирка (кирха) – в данном случае лютеранский сельский церковный приход, община.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 7. Л. 23–23 об.; Д. 8. Л. 73, 75.

³⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 14–14 об.

⁴⁰ Там же. Л. 52.

⁴¹ ОМС. Ч. I. С. 345–346.

⁴² РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 95. Л. 186–187. Подсчеты наши.

⁴³ Белужина и осетрина в новой столице России при Петре Великом продавались штуками и спинками, что называлось «длинною рыбою», тешами, косяками и списанками; для мелочной продажи они рассекались на звенья (*Бочагов А.Д.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне (Исторические очерки). Выпуск I. Торговля предметами потребления. СПб., 1891. С. 156).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 119 об.; Д. 4. Л. 14, 83 об.; Д. 5. Л. 59; Д. 8. Л. 85; Отд. II. Д. 6. Л. 122.

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Ч. II. Л. 599–599 об.

⁴⁶ Там же. Д. 168. Л. 137–137 об.

- ⁴⁷ Там же. Л. 138.
- ⁴⁸ Там же. Л. 139.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 75. Л. 94.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 16. Л. 903–904 об., 907–908 об.
- ⁵¹ 1 ласт содержал 117–118 пудов ржи; 55 пудов сухарей; 120 пудов сала свиного, масла коровьего, затаренного в бочки; 45 пудов сухой трески; 120 ведер вина; 145 пудов испанской, 150 пудов русской, 172 пуда французской поваренной соли (РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 168; *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны. Таллин, 1966. С. 287.) Ревель (русская Колывань) – официальное название г. Таллина в 1219–1917 гг.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 156. Л. 280–280 об.
- ⁵³ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 3. Л. 100. В первой четверти XVIII века в адмиралтейских магазинах и на кораблях использовались бочки различной емкости и предназначения: 8-, 10-, 12-, 15-, 18-, 20-, 25-, 32-, 35-, 38-, 40-, 50-ведерные. Только 22 августа 1728 г. последовало определение Адмиралтейств-коллегии о поставке солонины в стандартных бочках со следующим весом продукта: на линейные корабли 15 пудов, на фрегаты и шнявы 10 пудов, на галеры 8 пудов. Масло коровье на все военные суда в бочках весом 8–10 пудов, а пиво, уксус – в 18–20-ведерных. (РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 87. Л. 1022–1023; Ф. 220. Оп. 1. Д. 26. Л. 48–49 об.; Д. 157. Л. 60 об., 62; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 197–197 об., 211–211 об., 481).
- ⁵⁴ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 3.
- ⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 72–75, 107–108.
- ⁵⁶ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 33.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 171. Л. 38–39.
- ⁵⁸ Мука крупитчатая считалась пшеничной мукой высшего сорта. Она вырабатывалась «из самой доброй пшеницы» на ручных жерновах и таких же ситах в «мушных полатах» царей и знатных людей, а также на «крупчатых мельницах», имевшихся во всех крупных городах и монастырях (РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 607. Л. 393; Книги во весь год в стол ествы подавать // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* М., 1850. Кн. VI. Отд. II. С. 13; Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. М.; Л., 1940. Ч. I. С. 136, 186; М.; Л., 1945. Ч. II. С. 88–89; Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI в. СПб., 1872. Отд. I. С. 731).
- ⁵⁹ Ситная (сеянка) – мука, просеянная через сита. После помола и повторного просеивания муки выход из 10 пудов ржи составлял 7 пудов (*Людоговский А.П. и др.* Настольная книга для русских сельских хозяев. СПб., 1875. Ч. II. С. 552, 556; Домострой по списку Императорского общества истории и древностей российских. М., 1882. С. 152).
- ⁶⁰ *Гейнрих В.* Морская болезнь. Одесса, 1844. С. 43.
- ⁶¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29. Л. 100, 101; Д. 224. Л. 72; *Невахович Н.А.* Краткая историческая справка о приготовлении в экспедицию на о. Мадагаскар в 1723 году // *Медицинские прибавления к Морскому сборнику.* 1894. Вып. 3. С. 196–198.
- ⁶² *Похлебкин В.В.* Национальные кухни наших народов. М., 1991. С. 9.
- ⁶³ *Корнилович А.О.* Нравы русских при Петре Великом. СПб., 1901. С. 74–75; *Соколов А.П.* Русский флот при кончине Петра Великого, 1725 года. С. 280.

⁶⁴ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 147.

⁶⁵ Из записок датского посланника Юста Юля // Русский архив. 1892. Кн. 8. С. 504; Кн. 9. С. 24, 29. Более подробно о «винопитии» лиц, входивших в окружение Петра I, изложено: *Титлестад Т.* Царский адмирал. Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. С. 81–83.

⁶⁶ *Брикнер А.* Хр. Фр. Вебер: (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 213. С. 52, 58.

⁶⁷ *Тимирязев В.А.* Русский двор в XVIII столетии // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1901. Январь–апрель. С. 7–8, 79; *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 93.

⁶⁸ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. М., 1857. Ч. I. С. 121.

⁶⁹ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 93.

⁷⁰ *Пыляев М.И.* Начало общественной и частной жизни в столице // Труд. 1890. Июль–сентябрь. Кн. VII. С. 282–283.

⁷¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 134–134 об.

⁷² РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 109 об.; Д. 7. Л. 47; Д. 8. Л. 40 об., 46, 85; Д. 9. Л. 31, 31 об., 40 об.; Д. 10. Л. 35, 150; Д. 11. Л. 77 об., 130 об., 236; Д. 13. Л. 103 об.; Д. 14. Л. 66 об.; Отд. II. Д. 23. Л. 13, 15; Д. 24. Л. 453–453 об.; Д. 52. Л. 4, 5 об., 35 об.–36, 45 об.; Д. 55. Л. 811.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 874 (Архив С.Н. Шубинского). Оп. 2. Д. 207. Л. 10.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 329 (Письма адмирала К. Крюйса). Оп. 1. Д. 69. Л. 193–194 об.

⁷⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 27 об.

⁷⁶ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1897. Т. V. Кн. II. № 945, № 946.

⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 17. Л. 250–250 об., 279; Д. 248. Л. 101 об.–102; Ф. 234. Оп. 1. Д. 6. Л. 68, 92 об.–93 об.; Д. 23. Л. 93.

⁷⁸ *Кротов П.А.* Прорыв шведской морской блокады С.-Петербурга в период Северной войны (1700–1721) // Петербургские чтения – 98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1999. С. 645–647.

⁷⁹ *Кротов П.А.* Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга: Труды Второй международн. конф., состоявшейся 27–30 ноября 2000 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 2001. С. 427–428.

⁸⁰ Походный журнал 1713 г. 2-е изд. СПб., 1913. С. 32–34; *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого» [...]. М., 1792. Т. 10. С. 95; МИРФ. СПб., 1865. Ч. I. С. 381, 422; ОР РНБ. Ф. 480 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 14. Л. 2; *Кротов П.А.* Петербургский порт при Петре I. С. 423–433.

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 144. Л. 113.

⁸² ОР РНБ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19. Подсчеты наши.

⁸³ *Лотман Ю.М., Погосян Е.А.* Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996. С. 17.

⁸⁴ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подготовка текста рукописи и приложений. вступ. ст. П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 93, 94, 122–125.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 61 об.

⁸⁶ Там же. Д. 4. Л. 192.

⁸⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 121. Л. 133.

⁸⁸ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 73.

⁸⁹ *Майков В.В.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1905. С. 15.

⁹⁰ *Князьков С.А.* С.-Петербург и с.-петербургское общество при Петре Великом. Пг., 1914. С. 31–32; Рассказы и анекдоты про Петра Великого // Русский архив. 1883. Кн. 4. С. 211.

⁹¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 217.

⁹² *Медведев М.Н.* Страна кулинария. Л., 1977. С. 74.

⁹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 28. Л. 156, 170 об., 173 об., 176–178.

⁹⁴ Сырьем для производства псковских и белоозерских снетков являлся вандыш – озерная рыба, которую ловили в водоемах Северо-Запада России. Ее либо вялили «в лугах», либо солили, потом сушили как в отдельных особо устроенных, так и в избных печах на соломе либо «в гладких печах и без соломы» (Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. СПб., 1903. Т. VIII. С. 562; *Яковлев В.В.* Зимние рыбные промыслы на Белом озере в XVII столетии. СПб., 1901. С. 57).

⁹⁵ В «армянская икру» добавляли специальные пряности, и она приобретала целебные свойства, плодотворно действуя на мужскую потенцию. Название свое получила потому, что вывозилась с понизовых учюгов Волги армянскими купцами. Рецепт приготовления утерян (*Марков А.С.* Петр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 161).

⁹⁶ Хлебное русское вино (водка), настоянное на истолченной корице и на мелко изрезанной померанцевой (апельсиновой) корке и перегнанное в кубе «надлежащим образом» (*Н.О.* Российской хозяйственной винокур, пивовар, медовар, водочной мастер, квасник, уксусник и погребщик / Собрано из разных иностранных и российских сочинений и записок. СПб., 1792. С. 11, 14).

⁹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 28. Л. 173 об., 176.

Н.П. Копанева

Роль и значение светлейшего князя А.Д. Меншикова в русской истории настолько же значительны, насколько противоречивы суждения исследователей о его личности. В данной ситуации не перестает иметь большое значение накопление документально подтвержденных фактов его жизни и деятельности, а также суждений о нем современников. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится не так много документов, связанных с именем А.Д. Меншикова, но они отражают важные вехи в его биографии. Из наиболее известных – это неоднократно публиковавшееся письмо И. Ньютона об избрании А.Д. Меншикова членом Королевского общества¹. Есть несколько писем за подписью Меншикова, одно из которых публикуется здесь в качестве иллюстрации и которое свидетельствует о роли Александра Даниловича в делах школы пастора Э. Глюка в Москве после смерти пастора в 1705 г.

Предметом данной статьи являются документы (копии) из фондов ПФА РАН, в которых зафиксированы поступки, слова, передвижения, отношения с окружающими А.Д. Меншикова с 1712 по 1718 гг. порой подробнее, чем в его «Повседневных записках...»². Речь идет о донесениях голландского представителя (резидента) в России барона Якоба де Би Голландским Генеральным Штатам³. Документы извлечены нами из копий отчетов, донесений и писем нидерландских дипломатических представителей Голландским Генеральным Штатам. История этих документов заслуживает особой статьи, поэтому ниже дана лишь краткая информация о них. Опись бумагам и копии с документов, хранящихся в Государственном архиве в Гааге и охватывающих пери-

од с царствования Михаила Федоровича до 1785 г., были сняты тайным советником Тургеневым в 1842 г. по высочайшему повелению Николая I. Президенту Академии наук графу Д.Н. Блудову было поручено доставленные из Гааги опись и копии документов рассмотреть и сделать заключение об их научной ценности. Д.Н. Блудов охарактеризовал бумаги как «драгоценные материалы для нашей истории» и в 1861 г. передал их в Академию наук для разбора и публикации в записках Академии⁴. В 1865 г. Историко-филологическое отделение Академии отказалось от публикации материалов, передав их в Библиотеку Академии наук. В 1931 г. в ходе реорганизации архивного дела в СССР документы были переданы из Рукописного отделения БАН в Ленинградское отделение Института истории АН СССР⁵, часть же из них попала в Архив Академии, ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ограничившись этой краткой справкой, перейдем собственно к документам и их автору.

Сведения о биографии Якоба де Би довольно скудны. Известно, что родился он в 1681 г. в г. Нанте (Франция)⁶. Впервые его имя в голландской дипломатии появилось в связи с отправленным в мае 1711 г. посольством Генеральных Штатов в Польшу и Ливонию для урегулирования отношений между Польшей и Россией с одной стороны и Швецией с другой. Секретарем посольства был барон Я. де Би. В июне 1711 г. он уже направлялся постоянным представителем голландского правительства в Россию, где пробыл до 1718 г. После возвращения в Голландию в 1719 г. Я. де Би был послан с дипломатической миссией в Стокгольм.

Голландским представителем в Россию Я. де Би был назначен после смерти Г. ван дер Гульста (Хульста), который пробыл в России в качестве официального представителя Генеральных Штатов с 1699 по 1710 гг. Я. де Би имел верительные грамоты, был официально принят с ними царем, однако был не очень доволен своим положением. В одном из донесений он писал, что статус резидента, а не посла не позволяет ему должным образом выполнять свои обязанности. При этом Я. де Би ссылался на то, что если Генеральные Штаты имеют в России лишь официального представителя, то Россия в Голландию отправила посла, которым в том же 1711 г. был назначен князь Борис Иванович Куракин.

Находясь в России с 1711 по 1718 гг., Я. де Би регулярно, практически раз в неделю, отправлял отчеты Генеральным Штатам о своих наблюдениях и предпринимаемых действиях. Донесения Я. де Би

подробны и информативны и, хотя не охватывают всего спектра российской истории 1711–1718 гг., являются важным дополнительным источником по изучению ряда политических, военных, торговых аспектов жизни России того времени. Задача же данной статьи – показать, каким в этих донесениях предстает личность Александра Даниловича Меншикова.

Я. де Би имел широкий круг знакомств в Петербурге и был довольно близок ко двору и к А.Д. Меншикову. Возможно, это объяснялось не столько личными достоинствами голландского резидента, сколько добрыми отношениями русского царя с Голландией. Правда, в донесении от 2 февраля 1712 г. Я. де Би писал, что ему трудно добывать сведения и выполнять поручения, так как ситуация при дворе царя Петра отличается от других королевских дворов: доступ к царю невозможен, к А.Д. Меншикову тоже не пускают, за исключением специальных разрешений; единственный выход – обратиться к канцлеру Г.И. Головкину, который выслушает, сделает несколько замечаний и ничего не сможет сделать, пока «продолжается власть князя Меншикова»⁷. Однако, судя по отчетам самого Я. де Би, такие жалобы на трудности работы были явным преувеличением: голландский представитель сам писал о частых присутствиях его на трапезах и пирах то с царем, где он сидел по левую руку от Его Величества, то с А.Д. Меншиковым. К тому же и Меншиков заезжал «на Адмиралтейскую сторону к галанскому резиденту де Би», о чем есть сведения в его «Повседневных записках...»⁸

Голландский представитель в России Я. де Би выполнял функции и дипломата, и наблюдателя, а проще говоря, шпиона. Он собирал всевозможные доступные ему лично, а также от «надежных информаторов» сведения о передвижениях войск, царя, его ближайших соратников. Насколько надежны были информаторы голландского резидента, свидетельствует тот факт, что в своем донесении от 16 февраля 1712 г. он буквально дословно приводит слова Петра А.Д. Меншикову перед отправлением его в Померанию о злоупотреблениях последнего⁹.

Я. де Би быстро понял, сколь значительно влияние светлейшего князя на решение важнейших государственных и политических вопросов и, претендуя на доверительные с ним отношения, старался свои задачи разрешать через А.Д. Меншикова. Кроме того, Я. де Би должен был защищать в России голландских купцов, чьи интересы часто перекрещивались с предпринимательской энергией князя.

Несмотря на то что в России жили и вели торговлю многие и многие голландские купцы, торгового договора между двумя странами не было. Я. де Би должен был ускорить заключение такого договора. Голландские негоцианты хотели иметь свободу торговли и поселения на территории Российского государства, предлагая то же самое русским купцам. Однако ни Петр I, ни его ближайшие сподвижники, в их числе и Меншиков, не стремились к заключению договора. Во-первых, не так много русских купцов хотели бы отправиться торговать в Голландию; во-вторых, свобода торговли для голландцев в России значила вытеснение с рынка отечественных купцов; в-третьих, российское правительство не хотело терять дохода от высоких экспортных налоговых пошлин, которыми облагались иноземные торговцы. Трудности в этом направлении для Я. де Би усиливало и то, что интересы голландцев сталкивались с интересами английских и французских купцов, а также то, что все более широкий размах приобретала предпринимательская деятельность самого всесильного князя. В донесении, полученном Генеральными Штатами в феврале 1712 г., Я. де Би сообщал, что Меншиков стремится завладеть монополией на торговлю лесом и через посредников закупает весь лес, как строевой, так и мачтовый. После этого, уточнял резидент, он сможет привезти всю эту древесину в Ригу для вывоза, а так как князь Меншиков пошлин не платит, то он в скором времени приберет к своим рукам всю торговлю на рижских рынках. Я. де Би опасался, что это приведет иностранных негоциантов к полному разорению¹⁰. Весной 1714 г. Я. де Би получил задание от Генеральных Штатов проверить известия о том, что А.Д. Меншиков имеет привилегии на торговлю табаком. В ответе, полученном голландским правительством 19 мая 1714 г., он сообщал, что такие сведения лишены всякого основания. При этом резидент подчеркивал, что сам царь явно выступает против всякой монополии¹¹.

Особую озабоченность у голландских купцов вызывали повышения экспортных пошлин. Со всеми своими просьбами о защите торговцев Я. де Би шел к А.Д. Меншикову.

В августе 1716 г.¹² А.Д. Меншиков объявил голландским и английским негоциантам, что они должны уплатить пошлины по архангельским таможенным ценам за два года. Я. де Би вместе с ганноверским резидентом Ф.Х. Вебером был у князя на аудиенции и ходатайствовал об облегчении этих пошлин, тем более что и Генеральные Штаты просили об этом царя. Однако Меншиков ответил, что он сам дейст-

вует по высочайшему повелению и поэтому отменить свое объявление не может. Подобные ситуации возникали многократно. В июне 1717 г. Я. де Би сообщал, что с голландских купцов опять требуют пошлины за 1714, 1715, 1716 гг., а начальник таможни в случае неуплаты грозит голландцам тюрьмой; что он просил у князя А.Д. Меншикова защиты и тот приказал взять пошлину только за 1714 г., что, подчеркнул резидент, спасло негоциантов от разорения¹³.

Интересным примером отношений А.Д. Меншикова с голландским резидентом является ситуация, связанная с торговлей иноземных купцов в Ревельском порту. Пример показывает, как, идя на уступки иностранным купцам, светлейший князь строго соблюдал политические выгоды России, в данном случае – поддержание благоприятного мнения о стране на Западе. В августе 1716 г. Я. де Би представил А.Д. Меншикову записку, в которой изложил ходатайство Голландских Генеральных Штатов перед царем, чтобы голландским купцам было разрешено и в этом году выгружать соль и другие товары в Ревеле и Риге, он выразил надежду, что князь А.Д. Меншиков на это согласится, тем более что рижский губернатор князь Голицын объявил находящимся там негоциантам, что, по получении сего приказания от его светлости, он немедленно его исполнит. На это А.Д. Меншиков объявил Я. де Би, что так как он не может давать приказания князю Голицыну, то он напишет ему письмо, в котором будет советовать благосклонно относиться к пользам голландских негоциантов¹⁴. В сентябре 1716 г. во время очередной аудиенции голландский резидент спросил у А.Д. Меншикова, отправил ли тот письмо в Ревель, на что получил отрицательный ответ, но с заверением, что это будет исполнено немедленно. После данного обещания князь сказал, что он извещен из Голландии, что Я. де Би доносил Генеральным Штатам, что чума и голод свирепствуют в русской армии, размещенной в Финляндии, и укорял его в преувеличении. Я. де Би возражал и говорил, что это клевета его врагов, что он действительно писал о недостатке припасов в армии, но не более. В своем отчете об этом разговоре Я. де Би жаловался «на совершенную невозможность извещать свое правительство о чем-либо, могущем казаться невыгодным для России»¹⁵. Я. де Би действительно писал о голоде и болезнях в армии, и А.Д. Меншиков знал об этом наверняка, потому что почта дипломата, как покажут и последующие события, просматривалась. Не оправдания иностранного резидента нужны были князю. Своим упреком он показал Я. де Би, что выгодные для голландских

купцов решения зависят от его положительных в отношении России донесений. Это была, конечно, и завуалированная угроза: российская секретная дипломатия тоже имеет «надежные источники» и содержание отчетов голландского резидента Генеральным Штатам известны российскому правительству. После такого внушения в октябре А.Д. Меншиков объявил Я. де Би, что он приказал допустить выгрузку соли голландским негодьям в Ревеле¹⁶. В ноябре 1716 г. на обеде у князя Я. де Би узнал от Гуса, голландского посланника при датском дворе, что такое разрешение получено и от самого царя.

Но были в тех донесениях Я. де Би о бедственном положении армии в Финляндии и сведения об А.Д. Меншикове, которые, разумеется, тоже не понравились князю. В июле 1716 г.¹⁷ Я. де Би писал, что граф Ф.М. Апраксин из Финляндии «известил Сенат, что, без быстрого получения им жизненных припасов, ему будет невозможно исполнить повеление атаковать шведов», что по этому поводу было чрезвычайное собрание Сената, на котором А.Д. Меншиков резко запальчиво упрекал Сенат в его нерадении. Сенат отклонял от себя ответственность за несвоевременную доставку припасов и оправдывался совершенным истощением казны. Сенаторы также отмечали, что так как Сенат представляет собой особу и власть царскую, то и подобает князю Меншикову быть сдержаннее в своих речах; в противном случае он может быть арестован. Обе стороны отправили свои жалобы царю¹⁸.

Надо отметить, что доверительные отношения, к которым стремился Я. де Би и которые поддерживал князь А.Д. Меншиков, использовались последним также для сообщения важных для России сведений через голландского резидента его правительству. В донесениях Я. де Би не раз ссылаются на А.Д. Меншикова, на его секретаря и даже на его супругу Д.М. Меншикову как источник своей информации. Вот несколько примеров. А.Д. Меншиков сообщил Я. де Би, что российские войска не только не получили приказа выступить из Померании, но что царь сам отправляется туда (9 февраля 1712 г.)¹⁹. Секретарь А.Д. Меншикова сообщил, что датская артиллерия готова к бою и царь поэтому отправился для обозрения Штральзунда и острова Рюген²⁰. Княгиня Меншикова, находившаяся в Гамбурге, получила от своего мужа известие, что граф М. Стенбок перешел с армией реку Эйгер, но что послан отряд в 10 000 человек, чтобы отрезать его отступление²¹. 16 июля 1716 г. князь А.Д. Меншиков сообщил Я. де Би, что высадка в Сконе не может быть предпринята ни осенью,

ни зимой, ибо шведы при приближении союзных войск решились опустошить эту страну и сжечь все дома²². Во время праздника у князя Меншикова хозяин заявил, что никакими переговорами нельзя будет достигнуть мира, и «присовокупил, что 60 000 армии, поднятой на Швецию, будет служить лучшим доводом к миру. При этом он прибавил, что к будущей весне 300 военных кораблей и до 200 галер и скампавей будут готовы для перевоза армии в Швецию»²³.

Я. де Би подробно сообщал о всех передвижениях и назначениях А.Д. Меншикова. В феврале 1715 г. он сообщал: князь А.Д. Меншиков будет назначен главнокомандующим армиею в предстоящую кампанию²⁴; в феврале 1716 г.: князь Меншиков, получивший звание контр-адмирала, будущим летом будет командовать эскадрою, стоящею при Кроншлоте²⁵; в мае он подтверждает эту информацию: в Кроншлоте происходят деятельные приготовления к выступлению стоящих там кораблей в море, эскадрою будет командовать А.Д. Меншиков в звании контр-адмирала²⁶.

Конечно, не обошел стороной голландский резидент и тесные отношения Меншикова с царем и его семьей, что подчеркивало его высокий статус в государстве. Сообщая в июне 1716 г.²⁷ о болезни царских детей и о том, что царевна Наталия, сестра царя, ухаживавшая за детьми во время их болезни, опасно заболела, Я. де Би писал, что «вследствие вышесказанного князь Меншиков был вызван из своих поместий». В октябре того же года он извещал Генеральные штаты, что курьер привез «кн. Меншикову полномочие на управление царством во время отсутствия Его Величества»²⁸. В июне 1717 г. Я. де Би писал, что день рождения царя в его отсутствие (Петр I был в заграничном путешествии) «отпразднован у князя Меншикова пышным пиршеством»²⁹, а в сентябре того же года сообщал, что «князь Меншиков заказал Растрелли конную статую царя, которая будет отлита из чугуна»³⁰. После прибытия царя в Петербург и его встречи Я. де Би констатировал: «Князь Меншиков находится на высшей ступени власти и милости царской»³¹.

Не обходил вниманием Я. де Би и личную жизнь А.Д. Меншикова, его семью, состояние его здоровья. В феврале 1716 г. он доносил, что получил предназначенный Генеральными Штатами подарок для сына князя Меншикова (Александра) и передал его по назначению, при чем был удостоен самыми любезными и дружественными уверениями со стороны княгини³².

Надо отметить, что и другие иностранные правители не обходили любезностями А.Д. Меншикова. В декабре 1717 г. Я. де Би писал,

что король прусский прислал сыну светлейшего князя орден Черного Орла. Болезни А.Д. Меншикова также описывались в донесениях голландского дипломата. В мае 1714 г. он сообщал, что здоровье князя так ослабло, что доктора объявили его положение безысходным, признав в нем самую злую чахотку, тем более опасную, добавлял Я. де Би, что он не перестает предаваться страсти к крепким напиткам³³.

Естественно, что голландский резидент не прошел мимо дел о злоупотреблениях А.Д. Меншикова³⁴. Еще в феврале 1712 г. Я. де Би сообщал Генеральным Штатам, что вся торговля древесиной, важная для Голландии, перешла в руки агентов А.Д. Меншикова. Голландские капитаны подвергались всяческому ущемлению. Я. де Би утверждал, что все сведения о злоупотреблениях не доходили до Петра I, а когда он говорил царю об этом, то тот отказывался верить³⁵. Но некоторое время спустя, в 1713 г., он писал, что получил информацию из надежного источника, что Его Величество грозил А.Д. Меншикову всяческими неприятностями, если тот не изменит своего поведения. Обвинения были выдвинуты перед походом русских войск, которыми командовал светлейший князь, в Померанию. Я. де Би писал, что его информатор сообщал, что в гневе Петр I ссылался на недостойные действия А.Д. Меншикова в Польше.

Новое расследование злоупотреблений, начавшееся в конце 1714 г., последовало за вспышкой гнева Петра I на торжестве у А.Д. Меншикова. С.М. Соловьев об этом эпизоде писал: «Приехавши к Меншикову по старине на семейный праздник, царь укорял его в самых строгих выражениях за его поведение и за поведение его креатур, говорил, что все они обогатились в короткое время грабежей, а казенные доходы истощились»³⁶. Я. де Би, указывая точную дату произошедшего события, а именно день тезоименитства Александра Даниловича, приходящийся на 23 ноября, подробно доносил в своем отчете, что «царь стал укорять его [Меншикова] в различных неблагоприятных действиях и в поддержке им его фаворитов, посредством которой они в короткое время составили себе огромные состояния, между тем как казна истощилась»³⁷. Я. де Би писал, что царь объявил, что сам разберет все это дело, и приказал арестовать всех чиновников городского управления, адмиралтейства и управления Ингерманландией, добавляя, что арестовали секретаря Волконского, Кикина, сенатора Тучкова, бывшего архангельского вице-губернатора Курбатова, Соловьева, нарвского губернатора, и многих других, некоторые из которых подвергались пыткам. «Следствие принимает огромные раз-

меры. Нет сомнения, что это тяжело отзовется на князе Меншикове», – заключал голландский резидент. Однако в последующих сообщениях он писал, что, несмотря на предпринятое «великое расследование», оно повлияет на кошельки больше, чем на жизни: «Я был заверен надежным источником, что Е.В. получило более 6 млн. рублей со всего этого», а царица получила в дар много драгоценностей³⁸. В октябре 1716 г. на пиру по случаю победы над шведским генералом А.Л. Левенгауптом князь А.Д. Меншиков сказал между прочим Я. де Би, что генерал князь В.В. Долгорукий, который в минувшем году производил следствие над его, Меншикова, действиями, впал в немилость и не смеет показаться при дворе, так как царь убедился, что следствие было пристрастно и князем В.В. Долгоруким руководило только желание низвергнуть А.Д. Меншикова. В январе 1717 г. Я. де Би в своем донесении возвращается к этим событиям, сообщая, что здание канцелярии А.Д. Меншикова истреблено пожаром и сгорели все архивы, в том числе и документы, относящиеся к последнему уголовному следствию³⁹.

В 1718 г. внимание Я. де Би было приковано к следствию по делу царевича Алексея. Его донесения, содержание которых, как мы уже знаем, становились известны царю и Меншикову, были сочтены недружественными в отношении Петра. В июне 1718 г. Я. де Би отправил Генеральным Штатам подробную реляцию «об унижениях, оскорблениях и притеснениях, которым был подвергнут канцлером и русскими властителями, вследствие лживых на него наветов и представленных канцлером в дипломатическую службу канцелярии фальшивых писем, будто бы им писанных». Я. де Би описывает грубый допрос, сделанный ему П.П. Шафировым по поводу донесений Штатам об уголовном следствии по заговору царевича Алексея, об общем мнении об этом. Он писал об угрозах, об обыске, произведенном у него дома, в ходе которого его бумаги были изъяты, что ему запрещено выходить из дома и видаться с кем бы то ни было. Я. де Би просил Генеральные Штаты отозвать его из Петербурга как можно быстрее. Со своей стороны и русский посол князь Б.И. Куракин рапортовал Генеральным Штатам о нежелательности присутствия Я. де Би и просил о его отзыве.

Весь август Я. де Би настойчиво писал о желании уехать. В октябре голландский резидент был вызван к вице-президенту Коллегии иностранных дел П.П. Шафирову, который сообщил ему о немилости царя и, вследствие этого, об отказе в аудиенции. Требование

голландского дипломата о возврате ему бумаг тоже не было удовлетворено, их он должен был получить уже в Гааге через русского посла. В донесении Я. де Би сообщал, что князь Меншиков велел передать ему свое желание видеть его перед отъездом. По всей видимости, это был просчитанный дипломатический шаг. Вряд ли бы А.Д. Меншиков из чисто дружеских чувств принимал Я. де Би в то время, когда тот высылался из России. Безусловно, это был знак Генеральным Штатам, что конфликт возник в отношении лично Я. де Би и не должен отразиться на взаимоотношениях стран. Поэтому Я. де Би был радушно принят у князя и, более того, А.Д. Меншиков поделился с ним своими планами, сказав, что года через два пошлет сына своего в Голландию для воспитания⁴⁰. В «Повседневных записках...» эта встреча не зафиксирована. На этом известные нам контакты А.Д. Меншикова и Я. де Би обрываются.

¹ ПФА РАН. Р. IV. Оп.1. Д. 952. Л. 1. Опул.: *Вавилов С.И.* Собр. соч. М., 1956. Т. 3. С. 454–456; Автографы ученых в Архиве Академии наук СССР. Л., 1978. С. 10, 83–84. Из последних исследований см.: *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2005. С. 96–102.

² Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 / Публ. *С.Р. Долговой и Т.А. Лантевой.* М., 2004.

³ ПФА РАН. Р. II. Оп.1. Д. 326. – Копии документов за 1715–1718 гг. на голл. языке. Там же. Д. 342. – Выписки из донесений голландских резидентов в Москве и Петербурге с 2 мая 1682 г. до 30 января 1725 г. (пер. с голл. яз.). Как в ПФА РАН, так и в Архиве СПбИИ РАН представлены выписки из документов. Оригиналы документов хранятся и ныне в Гааге.

⁴ ПФА РАН. Р. II. Оп.1. Д. 282. Л. 2.

⁵ Архив СПбИИ РАН. К. 40 (Коллекция донесений нидерландских дипломатических представителей в России XVII–XVIII вв.)

⁶ См. о нем: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894. Т. 1; *Eekman T.* Seven Years with Peter the Great: the Dutchman Jacob de Bie's Observations // *Peter the Great and the West. New perspectives / Ed. by L. Hughes.* London, 2001. P. 206–224.

⁷ *Eekman T.* Op. cit. P. 207.

⁸ См., например: Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727. С. 161.

⁹ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 500. Донесение Я. де Би см.: *Eekman T.* Op. cit. P. 208–209.

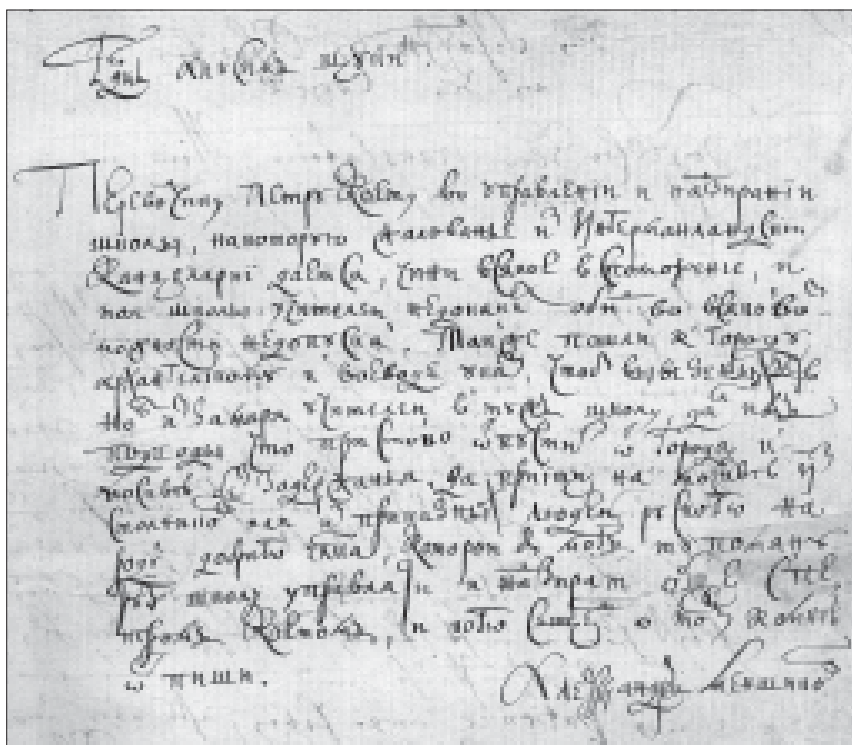
¹⁰ ПФА РАН. Р. II. Оп.1. Д. 342. Л. 74.

¹¹ Там же. Л. 100.

¹² Там же. Л. 13–13 об.

¹³ Там же. Л. 22.

- ¹⁴ Там же. Л. 11–11 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 12.
- ¹⁶ Там же. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 78.
- ²⁰ Там же. Л. 84 об.
- ²¹ Там же. Л. 88 об.
- ²² Там же. Л. 15 об.
- ²³ Там же. Л. 24.
- ²⁴ Там же. Л. 110 об.
- ²⁵ Там же. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Л. 8 об.
- ²⁸ Там же. Л. 15.
- ²⁹ Там же. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Л. 26.
- ³¹ Там же. Л. 27 об.
- ³² Там же. Л. 4–4 об.
- ³³ Там же. Л. 98–98 об.
- ³⁴ Там же. Л. 107.
- ³⁵ *Еектап Т.* Ор. cit. P. 208.
- ³⁶ Цит. по: *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. С. 132.
- ³⁷ ПФА РАН. Р. II. Оп.1. Д. 342. Л. 107 об.
- ³⁸ *Еектап Т.* Ор. cit. P. 218.
- ³⁹ ПФА РАН. Р. II. Оп.1. Д. 342. Л. 18.
- ⁴⁰ Там же. Л. 48.

Письмо А.Д. Меншикова А.Я. Шукину. [1705]
ПФА РАН. Ф.1. Оп. 3. Д. 1. Л. 4

В письме Меншикова говорится о гимназии пастора И.Э. Глюка, которая по именному указу Петра I в 1705 г. была передана в ведение и на содержание Ижорской канцелярии. Анисим Яковлевич Шукин (?–1720), которому адресовано письмо, был начальником Ингерманландской канцелярии. Петр Коет (Койет) служил переводчиком Посольского приказа. Куратором гимназии и ее казначеем он стал после смерти И.Э. Глюка, случившейся в мае 1705 г. В том же 1705 г. вторым куратором гимназии, которым должен был стать, как явствует из письма А.Д. Меншикова, русский из стольников или приказных людей, был назначен стольник Посольского приказа П.Я. Веселовский. Можно предположить, что учителя «из-за моря», которых нужно было доставить в Москву, – это прибывшие в декабре 1705 г. в Москву через Архангельск П.Д. Бретшнейдер, И. Битнер, М. Руттих (см. о них: Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 322–324).

Как это ни удивительно, до настоящего времени одна из самых знаменитых в мировой истории битв, Полтавская 1709 г., остается в немалой степени мифологизированной. Со времени генеральной баталии под Полтавой прошло почти три столетия, но литературная природа происхождения ряда мифов, выдающихся в современных трудах за реальность, до настоящего времени не раскрыта. Как стремится показать автор статьи, немалая часть мифов была искусно сотворена в середине XVIII в. колоритным представителем российской культуры Века Просвещения петербуржцем дворянином Петром Никифоровичем Крекшиным – писателем, историком, изобретателем, предпринимателем, алхимиком и астрологом. Историк русской литературы М.Б. Плюханова в одном из своих исследований отметила: «...стереотипы, порожденные представлениями людей переходной эпохи об исключительной личности, через посредство крекшинских сочинений попадают в несравненно более авторитетные исторические работы о Петре (произведения Ломоносова, Вольтера, Голикова)...»¹

П.Н. Крекшин видел свою главную цель как писателя и историка в том, чтобы еще более возвеличить с помощью пера и бумаги в намеченной им 45-томной истории своего венценосного кумира – императора Петра Великого. Для этого он был готов использовать как исторический прием поиска и введения в научный оборот надежных источников о деятельности первого российского императора, так и в не меньшей степени метод литературно-художественного воссоздания былой исторической реальности. П.Н. Крекшин был человеком своего времени и стремился воспеть в прозе деяния Петра Великого,

используя такой распространенный тогда в Европе жанр литературы классицизма, как эпопея. Именно в рамках этого литературного жанра П.Н. Крекшин получал большие возможности для решения поставленной им масштабной цели. Писатель и историк был далеко не одинок в применении такого историко-литературного метода. Оправданность и необходимость «благородного вымысла» в жанре эпопеи обосновывал еще в XVII столетии французский теоретик жанров литературы классицизма Никола Буало-Депрео (1636–1711). Он писал о назначении и художественных основах этого жанра так:

*Еще возвышенной, прекрасней Эпопея,
Она торжественно и медленно течет,
На мифе зиждется и вымыслом живет*².

Итак, обратимся теперь к разбору устойчиво существующих доныне в отечественной научной литературе мифов о Полтавской битве, имеющих своим истоком историко-литературные сочинения П.Н. Крекшина.

Один из мастерски созданных П.Н. Крекшиным мифов, по мысли автора статьи, следующий: российский монарх лично возглавил в кульминационный момент битвы контратаку силами батальона пехотного полка, стоявшего во второй линии. Первый батальон Новгородского полка, находившийся в боевом строю первой линии русских войск на Полтавском поле, якобы был опрокинут штыковым ударом сразу двух шведских батальонов, сплотившихся так тесно, что они будто бы представляли собой один батальон. В этот критический момент прорыва первой линии русских войск царь, согласно многим историческим исследованиям, повел в бой, чтобы закрыть образовавшийся разрыв, второй батальон Новгородского полка (реже батальон Преображенского полка) из второй линии. Этот яркий эпизод битвы на самом деле, как представляется, не имевший места, до настоящего времени не разобран критически.

В печатные труды эта «подробность» версии Полтавской битвы по П.Н. Крекшину вошла после того, как ее изложил в своем известном многотомном сочинении историк XVIII столетия И.И. Голиков³, многократно ссылавшийся на имевшийся в его распоряжении рукописный «дневник Крекшина». Этому мифу, родившемуся под пером П.Н. Крекшина, без каких-либо оговорок и тени сомнения последовало множество историков из числа тех, кто подробно писал о битве под Полтавой⁴. Даже в специально посвященном изучению Полтав-

ской битвы современном диссертационном исследовании В.А. Молтусова (2002) есть такие фразы: «Стремительный порыв опрокинул первый батальон Новгородского полка»⁵; «Смяв один батальон новгородцев, шведы прорвали фронт первой линии и остановились»⁶, «...царь... лично поведший в контратаку 2-й батальон новгородцев»⁷. В исторических трудах последних лет этот колоритный эпизод баталии продолжает воспроизводиться как объективная реальность прошлого⁸.

Между тем изложенный эпизод прорыва первой русской линии и контратаки второго батальона Новгородского полка, стоявшего во второй линии, во главе с Петром I отсутствует в основополагающих источниках: современной событию официальной печатной «Обстоятельной реляции» о битве, рукописный текст которой был готов уже 9 июля 1709 г., и создававшейся под бдительным оком Петра I и правившей им самим «Гистории Свейской войны». Напротив, в «Обстоятельной реляции» о действиях монарха сказано лишь в самых общих чертах: «...Его Величество в том случае свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею прострелена»⁹. В «Гистории» же четко сказано: «...из нашей пехоты толко одна передняя линия с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла»¹⁰. Следовательно, ни о каком прорыве шведскими войсками русской первой линии, так же как и участии второго батальона Новгородского полка из второй линии войск в ликвидации этого прорыва, в этом важнейших источниках нет и намека. То, что столь яркая подробность баталии – штыковая контратака пехотного батальона во главе с самим российским монархом – осталась не отраженной в наиболее важных официальных первоисточниках, заставляет усомниться, действительно ли такой факт имел место.

Новгородский солдатский полк, состоявший из двух батальонов, насчитывал на момент завершения битвы 1170 чел.¹¹ По данным полкового архива Новгородского полка, его потери в битве под Полтавой действительно были значительны. В сражении пали командир полка бригадир И.С. Феленгейм, один подпоручик и 69 нижних чинов, кроме того, «от ран померло» 53 нижних чина. Таким образом, всего в полку было 124 погибших¹². Первый батальон Новгородского полка находился в середине первой линии боевого построения россиян на поле битвы, в самой гуще баталии, – это одно из главных объяснений больших потерь. Однако это еще не говорит о том, что

первый батальон полка был раздавлен шведским натиском и вышиблен со своего места.

Первоисточник изложенного литературного вымысла о прорыве шведами первой линии русских войск на месте батальона Новгородского полка и возглавленной лично Петром I успешной контратаке, как уже указывалось, очевиден. Впервые это «псевдоизвестие», самым подробным образом и красочно изложенное, появляется только в рукописном сочинении П.Н. Крекшина, относящемся к 1753 г.¹³ Содержание этого произведения самым основательным образом отразилось в напечатанном в 1795 г. очередном томе сочинения И.И. Голикова, посвященном Полтавской битве и измене гетмана И.С. Мазепы. Через посредство печатного труда И.И. Голикова рассматриваемый, не происходивший в реальности «героический эпизод» широко распространился по отечественной исторической литературе. Само же сочинение П.Н. Крекшина (один из его ранних вариантов, имеющий обильную авторскую карандашную правку) было напечатано только в 1909 г.¹⁴ В источниковедческом исследовании этого памятника, проделанном А.К. Баиовым, по сути, только поставлены вопросы, но нет ответов: кто его автор, когда он был написан, какова его источниковая первооснова?¹⁵ Общий вывод А.К. Баиова сводится к тому, что он «как исторический документ имеет громадное значение и не доверять ему нет никаких оснований»¹⁶. Б.Б. Кафенгауз оценил это сочинение с описанием военных событий вблизи Полтавы в 1709 г. как очень интересное, но призвал к осмотрительности при использовании его известий¹⁷. По словам Б.Б. Кафенгауза, «до специального критического изучения этим любопытным источником следует пользоваться с большой осторожностью»¹⁸. Г.А. Богуславский посвятил особое исследование загадочной рукописи. Он пришел к заключению, что «в целом содержание дневника не должно вызывать сомнений в его подлинности и выдающемся значении как исторического источника»¹⁹; полагал, что это описание служило «официальным источником для русского командования»²⁰.

Каковы же были реальные действия Петра I во время битвы?

Сохранились материальные свидетельства мужества российского монарха в битве. В Зимнем дворце Санкт-Петербурга поныне хранится пробитая шведской пулей шляпа монарха и нагрудный щиток с глубокой вмятиной от второй неприятельской пули²¹.

«Гистория Свейской войны», официальный и надежный источник, повествует относительно поведения Петра I в Полтавской битве лишь

в общих словах, не упоминая рассматриваемого яркого эпизода битвы. Там сказано: «...государь в том нужном случае (то есть битве. – П.К.) за людей и Отечество, не щадя своей особы, поступал, как доброму приводцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена и в седельном орчаке фузейная пуля найдена»²². Вторит этому свидетельству и командир левого крыла русской пехоты генерал Л.Н. де Алларт, который описал действия российского самодержца примерно в таких же словах: «Его Царское Величество при такой славной баталии везде, где страх, находился. Своею высокою особою ездил и армию с прочими генералами... в которых местах беспорядочно было, в порядок приводил и своим высоким присутствием всякого к веселости, бодрости и храбрости возбуждал... У Его Величества тож шляпа была прострелена. Також найдена была, как признавали, пистолетная пуля в орчаге седельном»²³. О мужественном поведении царя на поле битвы, но без эпизода лично возглавленной им контратаки батальона второй линии написал по свежим сведениям из армии 6 (17) июля 1709 г. из Москвы британский дипломат Ч. Уитворт: «Его Величество принимал горячее участие в деле во все продолжение боя: шляпа его прострелена, он сменил четыре лошади»²⁴. То же самое доносил из Москвы 9 (20) июля 1709 г. и голландский резидент Г. ван дер Хэльст (Гульст): «Сам царь находился постоянно в местах самой жаркой схватки и мушкетною пулею ему пробита была шляпа»²⁵.

Сомневаться, таким образом, в мужестве Петра I во время битвы нельзя, но и эпизода контратаки батальона пехоты во главе с русским монархом в реальности все же просто не было. Можно ли предполагать, что столь примечательный факт, как контратака второго батальона новгородцев с монархом во главе, был «упущен» в процитированных источниках? Думается, что этого допустить просто невозможно. Вывод, следовательно, из вышесказанного очевиден: красивый «факт» (Петр I ведет в бой батальон из второй линии) – плод литературного вымысла по-своему незаурядного писателя и историка П.Н. Крекшина.

Теперь о другом удачном с литературно-художественной точки зрения вымысле П.Н. Крекшина, объяснявшем, почему шведский король якобы нанес удар особой силы по первому батальону Новгородского полка. Вот, к примеру, как писал об этой «истории» баталии академик Е.В. Тарле: «...первый шведский натиск был необычайно силен и направлен больше всего (это запомнили все участники боя) в одну точку – на первый батальон Новгородского полка. В русской

армии в этот момент еще не все знали, чем объяснялись энергия и целеустремленность шведов в данном случае. Изменник, унтер-офицер Семеновского полка, находился в рядах близ Карла и указал королю на полк, одетый в мундиры серого сукна, который он считал полком новобранцев, т. е. слабым полком. Изменник ошибся: он не знал, что Петр предвидел последствия его действий и, как сказано, велел 26 июня переодеть в серые мундиры один из своих полков – Новгородский»²⁶. Ученый сослался на один из списков труда П.Н. Крекшина о деяниях Петра I, хранящийся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки²⁷. При этом историк полагал, что использует сведения, помещенные «в дневнике событий, ведшемся в штабе Петра»²⁸, – так он назвал сочинение П.Н. Крекшина. В использованном Е.В. Тарле списке сочинения П.Н. Крекшина действительно сказано, что предатель, беглый урядник Семеновского полка, рассматривая на полтавском поле в подзорную трубу строившиеся для битвы русские полки, назвал Новгородский пехотный полк, имевший якобы мундиры из серого сукна, новонабранным. Карл XII, согласно П.Н. Крекшину, получив это сообщение, отреагировал так: «Король самым лучшим пехотным двум баталионам повелел сомкнуться так плотно, чтоб могли уравниваться с одним баталионом в сером мундире, и приказал левое крыло от главной линии отрезать»²⁹.

В «научный оборот» этот занимательный художественный эпизод, придуманный П.Н. Крекшиным, также ввел в напечатанном в 1795 г. труде знавший его лично и с доверием относившийся к его произведениям историк И.И. Голиков³⁰. «В плен» изложенного выше попали и некоторые другие исследователи XX столетия³¹.

Использование же сведений из сочинения П.Н. Крекшина о 1709 г., сложного историко-литературного памятника, требует отнюдь не безоговорочного доверия, простого воспроизведения в виде цитат и ссылок, но большой предварительной источниковедческой и литературоведческой работы. Закономерны сомнения, высказанные по поводу этого эпизода В.А. Артамоновым. Историк писал так: «Сомнительна широко известная история о предательстве перебежавшего к противнику русского унтер-офицера, после которого Новгородский полк обменял свои мундиры на серые рекрутские кафтаны, чтобы шведский удар не пришелся на необстрелянных солдат. Ни в одном актовом источнике этот факт не получил подтверждения (курсив наш – П.К.)»³². Сомневался в правдивости сюжета об обмене формой между солдатами двух российских полков и Н.И. Павленко³³.

Можно увидеть некий возможный «первотолчок» для создания этого вымысла, получивший под пером П.Н. Крекшина художественно-литературное развитие, в сочинении «летописца» походов Карла XII Г. Адлерфельта. Названный историограф шведского короля, сраженный ядром в битве под Полтавой, пометил в своих подневных записях за 22 июня³⁴ 1709 г.: «Прибывший ночью от неприятеля дезертир сообщил нам, что царь собрал все свои силы на нашем берегу реки...»³⁵ П.Н. Крекшин мог знать сочинение Г. Адлерфельта (опубликованное в 1740 г.) и «развить» известие о прибывшем от россиян беглеце в художественном ключе. Литературный «мотив переодевания» знаком историкам литературы³⁶, и литератор П.Н. Крекшин вполне мог им воспользоваться. Согласно П.Н. Крекшину, впрочем, перебежчик-изменник из Семеновского полка прибыл в ставку Карла XII «в первых часах ночи» 26 июня 1709 г.³⁷, но для художественного переосмысления события нарушение реальной временной последовательности не существенно.

Некоторыми историками воспроизводится «факт» мнимой договоренности, по согласию обоих монархов, шведского генерал-фельдмаршала К.Г. Реншильда с генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметевым о том, чтобы дать баталию 29 июня 1709 г.³⁸ В историко-литературном сочинении П.Н. Крекшина (1753) об этом событии повествуется в следующих словах: «Фелдмаршал Шереметев по указу Царского Величества с фелдмаршалом Рейншилдом 29 июня, то есть на день верховных апостол Петра и Павла, согласно назначили быть генеральной баталии и утвердили за поролем военным, чтоб до оногo срока никаких поисков незапными набегами не быть»³⁹. Когда же Карл XII, рассказывал П.Н. Крекшин, в ночь на 27 июня 1709 г. получил сведения о скором подходе на помощь к царским войскам 40-тысячного калмыцкого войска, то приказал К.Г. Реншильду немедленно построить армию для выступления. В ответ на последовавшее от генерал-фельдмаршала напоминание о договоренности дать баталию 29 июня 1709 г., по словам П.Н. Крекшина, король «затряс головою и дал знать, чтоб о том не говорил»⁴⁰. Когда Петр I, узнав о выступлении шведских войск, согласно П.Н. Крекшину, с пафосом говорил в своем шатре Б.П. Шереметеву и другим пехотным генералам «о вероломстве и несодержании пароля короля шведскаго, что назначен был день генеральной баталии от обеих сторон... потом изволил сказать: „На зачинающаго Бог“...»⁴¹

Этот эпизод отсутствует в надежных официальных российских источниках – «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве 1709 г.,

«Гистории Свейской войны», переписке Петра I того времени, а также и во всех введенных в научное обращение многочисленных источниках шведского происхождения. Уже И.И. Голиков, слушавший лично рассказы П.Н. Крекшина и пользовавшийся многими его трудами, отметил, что если бы соглашение монархов о назначении дня баталии на 29 июня, день царских именин, действительно существовало, то об этом важнейшем обстоятельстве было бы сказано в реляции о битве и других современных событиям источниках⁴². Первый раз сообщение о договоренности относительно дня предстоявшей 29 июня битвы появилось именно в рукописном сочинении П.Н. Крекшина, законченном в 1753 г. Е.В. Тарле, сославшись на цитированную выше рукопись из собрания манускриптов М.П. Погодина, не обратил внимания, что в качестве источника сведений П.Н. Крекшин указал на полях печатный текст «Книги Марсовой»⁴³ (1713). Имеющаяся в «Книге Марсовой» реляция о Полтавской битве тем не менее такого «факта» не содержит⁴⁴. Вывод из прослеженного несоответствия вполне очевиден и естествен. Ясно, что писатель XVIII столетия пытался придать видимость достоверности сообщенному «факту», но недоучел, что сослался не на неизвестный источник, но на опубликованную и вполне доступную для перепроверки реляцию о битве. Введя в свое сочинение рассмотренный вымышленный художественно-литературный эпизод, П.Н. Крекшин еще более подчеркнул благородство своего венценосного героя, неукоснительно исполнившего договор. Шведский же король Карл XII в отличие от его противника на поле брани слово чести якобы коварно и недостойно преступил.

Сюжет о достигнутой Петром I и Карлом XII договоренности о том, что битва должна состояться 29 июня 1709 г., тем не менее не является исключительно плодом литературно-художественного воображения П.Н. Крекшина. Следует иметь в виду, что он широко использовал в своих сочинениях устное предание. По наблюдению М.Б. Плюхановой, «„вымыслы“ Крекшина по природе своей принадлежат прежде всего области слухов, преданий, традиционных предрасудков»⁴⁵. Нельзя не согласиться в данном случае с выводом исследовательницы, что «„вымыслы“ Крекшина находятся в родстве с фольклором Петровской эпохи»⁴⁶. Высокая степень доверия к рассказам, передававшимся из уст в уста, этому особому рода источнику, — одна из неотъемлемых черт его историко-литературного метода⁴⁷. По мнению С.О. Шмидта, во времена недостаточного распростране-

ния грамотности «устная речь оставалась главным источником собственно исторической информации»⁴⁸.

Дело в том, что уже накануне грядущей генеральной баталии множество людей, от простых солдат до генералитета, причем не только русских, но и шведов, могло задумываться и обсуждать следующее. Все более тесное сближение российской армии со шведским станом во временном отношении очень ладно соотносилось с приближением дня царских именин – Петрова дня (29 июня, ст. ст.). О предстоявших царских именинах знали едва ли не все и могли, рассуждая, стараться постичь и предугадать замыслы высшего командования и кто-то приходил к выводу, что битва назначена именно на этот день. Почему бы нет? Войска за несколько дней до царских именин находились на расстоянии 4–5 верст друг от друга, полководцы наблюдали за движениями противника в подзорные трубы, а заступившие в дозор отряды слышали переключку часовых на неприятельской стороне. Даже лейтенант шведской армии Ф.Х. фон Вейе (ум. в 1713) написал в своем дневнике следующее: «Для битвы Петр назначил 29 июня, день своих именин, когда, по его расчетам, к его армии должны были подойти калмыки, которых прислал по царской просьбе хан Аюка»⁴⁹. Отголоски той молвы, можно думать, зафиксировал в виде беллетризированной записи устного предания инженер-генерал-майор А.И. Ригельман (1720–1789) в сочинении 1786 г.: «...король распустил приглашение, что он намерен день тезоименитства царя российского торжествовать наиславнейшим образом у него в шатре, то есть июня 29 числа, и оной день назначает всей оной их войне быть решительным. Сие государю известно учинено, которой, разумев намерение и жадность его тщеславия, сказал: „Я в желании брата моего согласен и буду спокойно ждать дня того, которой конечно докажет, кому по справедливости торжествовать о победе подлежать будет“»⁵⁰. А.И. Ригельману был известен и вариант «рассказа» о том, что «король шведский Карл XII вдруг вознамерился вместо 29-го июня в 27-е число дать баталию с войском российским...»⁵¹. Историк прямо указал на источник сведений: «Известие сие из малороссийского летописного повествования»⁵², то есть связь данного известия с устными преданиями, народной молвой налицо.

От вымышленной П.Н. Крекшиным «истории», восходящей к устному преданию, в процессе развития историографии отпочковалось и растиражировалось утверждение, что сам царь «назначил» для будущей битвы день своего тезоименитства, «предполагал атаковать

шведов», «назначил атаку на 29 июня» 1709 г., «русское командование рассчитывало дать сражение 29 июня» и т. д.⁵³

Нельзя не отметить, что во множестве трудов цитируются некоторые яркие по форме изложения высказывания Петра I, сделанные якобы во время битвы, имеющие своим первоисточником сочинение П.Н. Крекшина⁵⁴. Охотно приводил эти высказывания со ссылками непосредственно на труды П.Н. Крекшина Е.В. Тарле. Например, на слова Б.П. Шереметева об опасности вывода в резерв шести полков кавалерии с правого крыла русского боевого построения, ибо «надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным», монарх, как писал Е.В. Тарле, изрек: «Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божией и мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного числа...»⁵⁵ Маститый историк, среди прочего, не учитывал явной литературности выдававшихся им за реальность цитат. Б.Б. Кафенгауз высказался очень сдержанно о возможности соответствия реалиям прошлого «речей» Петра I, с которыми он якобы обращался к войскам 26 июня, накануне дня битвы: «Трудно сказать, в какой мере передача этих речей... соответствует действительности»⁵⁶. Современный историк литературы Е.К. Никанорова в качестве собственных сочинениям П.Н. Крекшина особенностей выделила именно «панегирический тон изложения и как следствие недостоверность сообщаемых фактов»⁵⁷. На взгляд автора статьи, полтавские «речи» царя и его сподвижников в передаче П.Н. Крекшина – плод его литературно-художественного воссоздания канувшей в лету исторической действительности. Литератор и историк считал, что «речи» произносились тогда именно такие, но это не значит, что они были действительно таковы. Он, надо полагать, воссоздал художественными средствами лишь некую частичку унесенной рекой истории реальности прошлого.

Произведения П.Н. Крекшина не одиноки по жанровой природе в европейском литературном процессе того времени. Историк литературы Д.М. Шарыпкин, изучавший, казалось, строго историко-повествовательные сочинения – дневники шведов, плененных под Полтавой, заключил, что они в той или иной мере отразили почти все литературные жанры эпохи барокко⁵⁸. Крайне примечательно, что мемуаристы нередко использовали (как и П.Н. Крекшин) героико-эпические приемы изложения. Даже удручающая картина бегства страдавшего от раны Карла XII с поля проигранной баталии под их пером приобретала величественные черты. Изображая на страницах своих дневников

саму сдачу остатков шведской армии в плен на Днепре 30 июня 1709 г., они подавали это как своего рода подвиг, героико-эпическое действо: шведы сдавали оружие, в подаче мемуаристов, едва не с чувством превосходства над настигшими их после полтавского разгрома русскими кавалеристами, имевшими якобы жалкий, изнуренный вид (в отличие от шведов-то!), но при этом троекратно (или даже шестикратно!) превосходившими потомков викингов численно. На самом деле 16-тысячный шведский корпус сложил оружие на берегу Днепра к ногам 9-тысячного отряда русских. Шведам якобы трижды поступало предложение сдаться, но в действительности это эпический прием утроения⁵⁹: предложение с русской стороны сдаться было единственным и принято без длительных переговоров⁶⁰.

Существовало при жизни П.Н. Крекшина и историографическое направление реалистического описания прошлого. Так излагались события в создававшемся под наблюдением Петра I официальном труде о войне со Швецией 1700–1721 гг. – «Истории Свейской войны». Или, такой современник П.Н. Крекшина, как Вольтер, выступал резко против нереалистичного подхода к воссозданию исторического прошлого. Выдающийся французский мыслитель Века Просвещения в предисловии к «Истории России при Петре Великом» высказался следующим образом: «Возвышенные речи – другой род лжи, ораторский, из тех, что историки позволяли себе прежде. Принуждают говорить своих героев то, что они лишь могли бы сказать. Эта вольность в особенности может проделываться с личностью отдаленных времен, но ныне эти вымыслы не должны быть более терпимы. Это требуется прежде всего, ибо если вкладывать в уста какого-либо государя торжественную речь, которой тот не произносил, то нельзя называться историком, но лишь напыщенным ритором»⁶¹.

Тем не менее, как ни смело это прозвучит, между П.Н. Крекшиным и Вольтером, сочинителями Века Просвещения, немало общего. По словам историка А.Л. Шапиро, для последнего также главным было «изобразить Петра Великого творцом всего лучшего, что было в стране», «образцом монарха-реформатора»⁶². Показательно, что у обоих мастеров пера Петр I отчасти «потерял черты реально существовавшего правителя и человека»⁶³. У них он скорее – оживший идеал «государя-созидателя» века «просвещенного абсолютизма»⁶⁴. Как и П.Н. Крекшин, Вольтер рассматривал Петра Великого «как единственного творца Новой России»⁶⁵. Оба историка, литератора, следовательно, в конечном счете были детьми своего века.

Как показано выше, историческая наука наших дней неразрывно связана с исторической традицией XVIII столетия. Она может включать и застарелые мифы, по-прежнему без должной критики выходящие из-под клавиш компьютерного набора современных историков. Процесс освобождения от некоторых историографических мифов, рожденных в Век Просвещения, как видно, продолжается и ныне.

¹ *Плюханова М.Б.* Изображение исторического лица в литературе переходной эпохи: (Национальные корни литературной биографии XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. С. 9.

² Цит. по: *Гребенюк В.П.* Петр I в творчестве М.В. Ломоносова, его современников, предшественников и последователей // *Ломоносов и русская литература*. М., 1987. С. 71.

³ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славные Полтавские победы и предшествовавшие измены Мазепы. М., 1795. Т. 15. С. 360–361.

⁴ *Карцов П.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1852. СПб., 1852. С. 94–95; *Азанчевский 1-й М.* История Преображенского полка. М., 1859. С. 104; *Леер Г.А.* Петр Великий как полководец (характеристика) // *Военный сборник*. 1865. № 4. Отд. неофиц. С. 219; *Погоский А.Ф.* Нарва и Полтава. СПб., 1872. С. 64; *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 95; *Гудим-Левкович П.К.* Северная война // *Обзор войн России от Петра Великого до наших дней*. СПб., 1885. Ч. 1. С. 71; *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 309; *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 140; *Михневич Н.П.* История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895. С. 329; *Игнатович Д.* История 85 пехотного Его Императорского Королевского Величества императора германского, короля прусского Вильгельма II полка. СПб., 1900. С. 51; *Попов В.И.* История 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I-го полка. 1703–1903. Калуга, 1903. С. 15; *Геништа В.И., Борисевич А.Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. 1704–1904. СПб., 1904. Ч. 1. С. 13; *Баиов А.К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. II. С. 185; *Российский М.А., Сухомлин С.А.* Военная история: Курс военных и юнкерских училищ. М., 1902. Ч. 1. С. 89; *Российский М.А.* Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904. С. 52; *Григорович А.И.* История 37-го драгунского военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1907. Т. 1. С. 29; *Андреанов П.М.* 1. Петр и Полтава. СПб., 1909. С. 52; 2. Полтавская битва. Одесса, 1909. С. 21; *Павловский И.Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. 2-е изд. Полтава, 1909. С. 48–49; *Юнаков Н.Л.* Полтава (27 июня 1709 г.) // *Русская старина*. 1909. № 7. С. 17–18; *Ляско-ронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России // *Военно-исторический вестник*. 1910. № 3–4. С. 93; *Marsengo M.* La battaglia di Poltava. Roma, 1910. P. 87–88; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). М., 1939. С. 49–51; *Плотицын В.* Разгром шведских захватчиков // *Исторический журнал*. 1939. № 7.

С. 119; *Панов В.А.* Петр I как полководец. М., 1940. С. 75; *Базилевич К.В.* Петр I – основоположник русского военного искусства // *Большевик*. 1945. № 11–12. С. 42; *Козаченко А.И.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 года. М., 1945. С. 38; *Тельпуховский Б.С.* 1. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 128; 2. Полтавская битва. М., 1947. С. 42–43; 3. Полтавская битва // *Военный вестник*. 1949. № 13. С. 30; *Порфирьев Е.И.* 1. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота/ М., 1952. С. 205, 206; 2. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 79; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. С. 399; *Бескровный Л.Г.* 1. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // *Полтава. К 250-летию Полтавского сражения*. М., 1959. С. 55; 2. Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения) // *Вопросы истории*. 1959. № 12. С. 55; *Никифоров Л.А.* Полтавская битва и ее историческое значение // *Преподавание истории в школе*. 1973. № 1. С. 19; *История Северной войны 1700–1721 гг.* / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1987. С. 85; *Злаин А.И.* Полтавская битва. М., 1988. С. 100–101; *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия» // *Павленко Н.И., Артамонов В.А.* 27 июня 1709. М., 1989. С. 233–234; *Корх А.С.* Петр I. Северная война 1700–1721. М., 1990. С. 50.

⁵ *Молтусов В.А.* Полтавская битва. Новые факты и интерпретация: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2002. С. 179.

⁶ Там же. С. 180.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ *Беспалов А.В.* 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. М., 2000. С. 159; 2. Сподвижники Карла XII. М., 2003. С. 47, 103, 104; 3. «Преславная виктория». 295-летию Полтавского сражения посвящается // *Рейтар*. 2004. № 6. С. 86; № 7. С. 30–31.

⁹ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909 / Сост. В.Е. Борисовым, А.А. Балтийским, А.А. Носковым. СПб., 1909. С. 9.

¹⁰ *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. М., 2004. Вып. 1. С. 304.

¹¹ РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1, 1710 г. Д. 16. Л. 64 об.

¹² [*Поликарпов Н.П.*] О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года // *Военный сборник*. 1909. № 6. С. 228.

¹³ РГАВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 265. Л. 1. – Список сочинения П.Н. Крекшина «Журнал великославных дел великаго государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийскаго, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительнаго воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50».

¹⁴ *Дневник военных действий Полтавской битвы* // *Труды Императорского Русского военно-исторического общества*. СПб., 1909. Т. III. С. 246–315. Авторская принадлежность рукописи П.Н. Крекшину, как и имеющиеся на ее листах его же руки записи и правка простым карандашом, издавшим рукопись военным историком Н.Л. Юнаковым не отмечены.

¹⁵ *Баиов А.К.* Предисловие // *ТРВИО*. СПб., 1909. Т. III. С. IV–VI.

¹⁶ Там же. С. V.

¹⁷ *Кафенгауз Б.Б.* Полтавская битва // *Историк-марксист*. 1939. № 4. С. 52–53.

- ¹⁸ Там же. С. 53.
- ¹⁹ *Богуславский Г.А.* О «дневнике полтавского коменданта Келина» // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 80.
- ²⁰ Там же. С. 83.
- ²¹ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа: Каталог. Л.; М., 1966. С. 218, 239; Peter den store och Karl XII i krig och fred: Katalog sammanställd av P. Sandin. S. 1., 1998. S. 116.
- ²² Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 304.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 314. Л. 79 об.–80.
- ²⁴ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 196.
- ²⁵ *А.Л.* Донесение голландца фан дер Хэльста о Полтавской битве // Правительственный вестник. 1909, августа 19. № 177. С. 2.
- ²⁶ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 399.
- ²⁷ Ср. с опубликованным вариантом сочинения П.Н. Крекшина: Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 273–274.
- ²⁸ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 387.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 588 (Древлехранилище М.П. Погодина). Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.–39. – Список сочинения П.Н. Крекшина «Журнал великославных дел великого государя императора первого Петра Великого, самодержца Всероссийского. Том 28, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшинным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующаго града Санкт-Петербурга 50».
- ³⁰ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... Т. 15. С. 330.
- ³¹ Например: *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 38; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 117, 120; *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны. С. 55; *Порфирьев Е.И.* Полтавское сражение 27 июня 1709 г. С. 62; *Никифоров Л.А.* Полтавская битва и ее историческое значение. С. 18; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 77–78, 82, 98.
- ³² *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия». С. 229.
- ³³ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 308.
- ³⁴ Если перевести дату на старый стиль со шведского календаря, употреблявшегося с 1700 по 1712 гг.
- ³⁵ *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII, Roi de Suède. Amsterdam, 1740. Т. 3. Р. 462.
- ³⁶ См.: *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 513. С. 27.
- ³⁷ Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 273.
- ³⁸ *Российский М.А.* Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. С. 47; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 31, 37; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 113, 114; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 388; *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны. С. 52, 53; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 81, 82.
- ³⁹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.–39.
- ⁴⁰ Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 274.

⁴¹ Там же. С. 278.

⁴² Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... Т. 15. С. 331.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.

⁴⁴ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 7–14.

⁴⁵ Плюханова М.Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина. С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 27.

⁴⁷ Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 76–78.

⁴⁸ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 102.

⁴⁹ Кордт В.И. Боп під Лісним і під Полтавою за щоденником шведського лейтенанта Ф. Вейе // Всеукраїнська Академія наук. Записки історично-філологічного відділу. Кієв, 1931. Кн. 26. С. 221.

⁵⁰ [Ригельман А.И.] Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как-то: черкаские, или малороссийские, и запорожские, а от них уже донские, а от них яички, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские и проч. казаки, как равно и слободские полки. М., 1847. Ч. 3. Стб. 79–80.

⁵¹ Ригельман А.И. Анекдоты о Петре Великом (Из собранных господином Ригельманом, автором «Малороссийской истории» и проч., жившим в царствование Екатерины II) // Москвитянин. 1842. № 1. Стб. 85–86.

⁵² Там же. С. 86.

⁵³ Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... Т. 15, С. 330; Азанчевский 1-й М. История Преображенского полка. С. 102; Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. С. 93; Леер Г.А. Петр Великий как полководец (характеристика). С. 215; Погоский А.Ф. Нарва и Полтава. С. 60; Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. С. 136; Мержеиовский Э. История 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893). Варшава, 1894. С. 34; Каменский Е.С. История 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. М., 1899. Т. 1. С. 79; Игнатович Д. История 85 пехотного Его Императорского Королевского Величества императора германского, короля прусского Вильгельма II полка. С. 47; Андрианов П.М. 1. Петр и Полтава. С. 40; 2. Полтавская битва. С. 17; Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. II. С. 176; Ляскоронский В.Г. Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России. С. 85; Marsengo M. La battaglia di Poltava. P. 72–73; Тельпуховский Б.С. 1. О стратегии и тактике Петра I // Военная мысль. 1944. № 8–9. С. 82; 2. Полтавская битва. С. 32; Порфирьев Е.И. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. С. 196; Бескровный Л.Г. Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения). С. 54; Порфирьев Е.И. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. С. 60; Никифоров Л.А. Полтавская битва и ее историческое значение. С. 18; Злаин А.И. Полтавская битва. С. 71, 77, 82; Павленко Н.И. И пробил час // Родина. 1997. № 10. С. 71.

⁵⁴ См.: Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... Т. 15. С. 332–337, 348–350, 358; Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. II. С. 329–330, 352; Азанчевский 1-й М. История Преображенского полка. С. 102; Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. С. 93–94, 96;

Российский М.А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. С. 51; *Андреанов П.М.* Петр и Полтава. С. 40, 44, 50, 52, 54; *Павловский И.Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. С. 39–41, 46; *Ляскоронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России. С. 85–86, 92; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 27–28, 39, 46, 48, 49, 53, 55; *Панов В.А.* Петр I как полководец. С. 74, 76; *Козаченко А.И.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 года. С. 33–34, 42; *Тельпуховский Б.С.* 1. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 116, 120, 127; 2. Полтавская битва. С. 44; *Епифанов П.П.* Полтавская битва 1709. – 8. VII. – 1959. М., 1959. С. 29; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 397–399, 402, 404, 405; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 69–70, 76–77, 104; *Павленко Н.И.* Петр Великий. С. 309, 314; *Беспалов А.В.* Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 157.

⁵⁵ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 398–399.

⁵⁶ *Кафенгауз Б.Б.* Полтавская битва. С. 53.

⁵⁷ *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 119.

⁵⁸ *Шарыткин Д.М.* Русские дневники шведов – полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. Л., 1975. С. 81–85.

⁵⁹ Там же. С. 70–72.

⁶⁰ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 305.

⁶¹ *Voltaire.* Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Préface historique et critique // *Voltaire.* Oeuvres complètes. P., 1878. Vol. 16. P. 388–389.

⁶² *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982. С. 175.

⁶³ *Пеитич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 202.

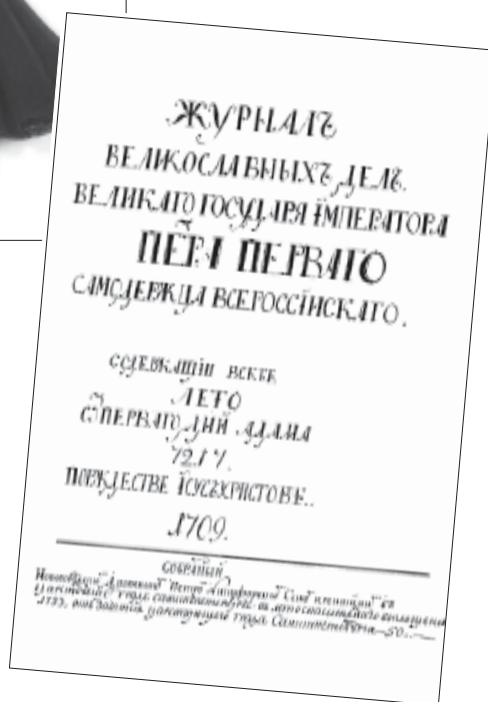
⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. С. 176.

Мундир Преображенского полка, бывший на Петре I во время Полтавской битвы 27 июня 1709 г. Начало XVIII в. (до середины 1709 г.). ГЭ

Титульный лист рукописного сочинения П.Н. Крекшина «Журнал великославных дел великого государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийского, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50». РГАВМФ

Собственноручная подпись П.Н. Крекшина:
«Петр Крекшин руку приложил». РГАВМФ

Имя светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова встречается почти постоянно как во многих современных ему документах делопроизводства, так и в печатных изданиях того времени. Самыми многочисленными были содержащие его имя издания, относившиеся к тем событиям Северной войны, непосредственным участником которых он являлся. В качестве примера можно привести публикацию «Юрнала, или Поденной росписи, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотенбурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году» (напечатанную «на Москве лета Господня 1702 декабря 27»)*. Этот «Юрнал» служит прообразом будущих петровских «Ведомостей». Он был напечатан вскоре после указа Петра Великого от 16 декабря 1702 г. об издании в Москве «Ведомостей» – первой русской печатной газеты, вышедшей в Москве, а с 1713 г. и в Петербурге¹. Донесение А.Д. Меншикова от 26 сентября явилось не только первым печатным изданием, в котором было упомянуто его имя, но также свидетельством о непосредственном участии светлейшего в боях, веденных в Ингерманландии. Именно за его победы в этих краях он и получил позднее титул «светлейшего князя Ижерския земли».

В 1704 г. имя Меншикова появляется в «Ведомостях» в связи с описанием ставших традиционными для Москвы первых лет XVIII в. триумфальных ворот, которые были поставлены перед домом «его превосходительства господина Александра Даниловича Меншикова,

* *Статья выполнена по материалам: Первая русская газета «Ведомости» 1703–1727 гг.: Электронная коллекция на 4-х CD-ROM / РГБ, РНБ. М., б. з.*

Римского государства графа, Его Царского Величества губернатора над провинциями Ингриею и Эстляндиею, кавалера и капитана компании бомбардирской от первейшей гвардии Его Царского Величества и полковника над полком первым Ингермоландским». Ворота по аналогии с торжественными петровскими воротами были поставлены в честь победоносной Нарвской битвы². Эта публикация интересна также тем, что в ней он именуется графом Римского государства, а не князем.

Просматривая номер за номером петровскую газету «Ведомости», можно убедиться, что многие ее страницы освещают военную деятельность этого «птенца гнезда Петрова». В 1705 г. в «Ведомостях» была напечатана «Реляция, или доношение, о полученной виктории над шведами при Варшавском мосте от партии войск российских и саксонских, под командою его сиятельства князя Меншикова будучих». Бой произошел 7 октября в варшавском предместье Прага. В реляциях от 28 октября от Плоцкого замка и 14 декабря из Гродно сообщается о боях в Польше, также закончившихся победами россиян. С этого года в «Ведомостях», сначала в московских, а затем и в петербургских, начинают публиковаться многочисленные донесения Меншикова с полей сражений. И всегда они повествуют о победах русского войска под командованием светлейшего князя.

Важные последствия для хода боевых действий имела победа русско-польского войска над соединенным шведско-польским при Калише 18 октября 1706 г., отмеченная специальным изданием «Триумф польской музы», написанном на польском и русском языках Даниилом Гурчиным. Автор посвятил А.Д. Меншикову специальные польские, прославлявшие его заслуги вирши, набранные в книге латиницей и кириллицей. Д. Гурчин называл светлейшего князя одним из блестящих воинов своего времени.

Начиная со второй половины августа 1706 г., когда Меншиков находился уже на Украине, известия о передвижениях войск под его командованием становятся более регулярными. Многие его донесения, печатавшиеся в «Ведомостях»³, приходят именно оттуда. В газете сообщается о том, что светлейший в июле месяце одержал победу над шведами при местечке Полонный (выпуск от 20 августа 1706 г.), где захватили 40 пушек и вынудили Карла XII удалиться, оставив 28 зарытых в землю пушек. В номере от 23 августа эти сведения повторились, но с дополнениями об отправке полковника Шульца с отрядом в Люблин⁴.

«Ведомости» под № 17 от 12 сентября извещали: «Сиятельнойший князь господин Меншиков с козаками и русскою конницею в 20 тысяч в Полонне стоял и разослал листы, дабы к нему запас везли. Мазепа всею своею силою и московское войско за Днепром стоят, и, куда подвинутся, на том месте великий страх и ужас, понеже шляхту под Лубаном, также из иных мест, в заключение засаживают...»⁵ В № 18 от 27 сентября говорится: 22 августа «московский князь господин Меншиков уже давно с сильною частию кавалерии из Киева рушился и уже пред двенадцать днями за 10 миль на сей стороне Львова был». В октябрьских – ноябрьских номерах 1706 г. продолжали печататься донесения Меншикова, уведомлявшие главным образом о его передвижениях по территории Польши и Украины. Кроме того, в реляции, помещенной в № 17, читатели уведомляются, что в имении князя на Онеге были найдены залежи медной руды, что было крайне важным для ведения войны, поскольку меди на отливку пушек в стране явно не хватало.

Событие чрезвычайной для А.Д. Меншикова важности произошло 1 июня 1707 г. В этот день во время празднования дня рождения царя он за воинские заслуги в Северной войне получил диплом о присвоении ему титула «князя Ижерския земли». Этот диплом был напечатан перед самым вручением его светлейшему. В нем после слов «его же на степень знатнейшаго княжаго преимущества возвести соизволим» следуют другие, очень важные для самого светлейшего: «И тако разсуждая, что любезно нам верный Римскаго государства князь Александр Данилович Меншиков, произведенный из фамилии благородной литовской...». О присвоении А.Д. Меншикову титула князя Ижорского было сообщено в № 19 «Ведомостей» от 24 июня 1707 г. Там же оповещалось, что Петр I делал смотр кавалерии, состоявшей под началом А.Д. Меншикова, и признал ее «добрым войском».

«Ведомости», выходившие в начале 1707 г., сохранились гораздо лучше, чем за предыдущие годы. Первый их номер от 1 января, содержащий сведения за ноябрь – декабрь предыдущего года, извещал, что Меншиков остановился в Польше в городе Жолкве и к нему от польского короля перешел пан Смигельский. Правда, уже 22 декабря этот пан изменил русским и переметнулся на сторону Карла XII. За поимку беглеца была назначена награда: «Кто Смигельского живаго приведет, тому дано будет 50 тысяч ефимков, а кто кожу его принесет, тому 20 тысяч ефимков». В январе – марте 1707 г. А.Д. Меншиков находился в Жолкве и почти в каждом номере газеты, выходившем в

это время в Москве, говорилось о его пребывании в этом местечке и о боях со шведами.

Газета за 1708 г. также открывается известиями о многочисленных победах А.Д. Меншикова в Польше: при местечке Жмойды, у реки Вислы, при Ракове и т. д. В «Реляции из Черей» от 17 мая содержится донесение Меншикова царевичу Алексею Петровичу, датированное 6 мая, «о поражении шведского драгунского полка в 10 милях от Риги»⁶. В августе А.Д. Меншиков снова был в Польше, где при местечке Смолевичи разбил шведов и взял в плен шведского генерала Канфера.

Однако все самые важные и подробные донесения о боях со шведами и победах кавалерии под началом А.Д. Меншикова относятся к 1709 г., знаменательному для русской истории Полтавской победой, совершившей крутой перелом в ходе затяжной Северной войны. Известия об этой битве печатались в Петровское время не только в «Ведомостях», но и отдельными изданиями, и не только на русском языке. Подобная победа, по мнению Петра Великого, заслуживала того, чтобы о ней узнали во всех европейских государствах, правительства которых до тех пор все еще относились к русскому царю с некоторым предубеждением.

Полтавская победа с большой пышностью была отпразднована в России, причем триумф Петра I полностью разделил и его приближенный А.Д. Меншиков. В 1709 г. наряду с прочими изданиями печатались в большом количестве экземпляры книги и брошюры, посвященные битве под Полтавой и ее героям. «Обстоятельная реляция о главной баталии меж войски Его Царского Величества российскийскаго и Королевскаго Величества свейскаго, учинившаяся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день 1709-го лета», в которой не был обойден вниманием и А.Д. Меншиков, была переведена по распоряжению Петра на немецкий и голландский языки, причем по-немецки она печаталась неоднократно и в разных переводах. Реляция на русском языке была напечатана дважды: один раз при «Ведомостях», а второй – отдельным изданием. Тираж ее даже для России Петровского времени, когда важные документы печатались тиражами до 10 000 экз., был огромным, поскольку она рассылалась по всем епархиям, и не только в крупные города.

А.Д. Меншиков как один из главных героев Полтавского сражения сразу привлек внимание русских писателей того времени. Одними из первых на победу с прославлением героя откликнулись виршами

«Венец победы» монахи Львовского братского монастыря. Феофан Прокопович произнес в Киеве в церкви при братском Богоявленском монастыре «Слово похвальное...», приуроченное ко времени прибытия А.Д. Меншикова в Киев. Автор перечислял в нем все крупные победы светлейшего: при Калише, Батурине, Переволочне – и называл его «русским Гефестионом». Здесь же, как и во многих речах, современных князю, он сравнивался с Александром Невским, в честь которого он был назван.

В декабре 1709 г. А.Д. Меншиков воздвиг перед своим московским домом триумфальные ворота в честь Полтавской победы, на которых были изображены события Северной войны, включая и Полтавскую баталию. А.Д. Меншиков позаботился об издании описания этих врат. Это издание имеет много аналогий с книгой под названием «Политиколепная Апофеосис», описывающей победы Петра I и напечатанной также в 1709 г.

Газета «Ведомости» за 1709 г. наполнена множеством донесений с полей сражений, уведомлявших о победах светлейшего князя. В реляции, полученной от А.Д. Меншикова, содержащей описание первого боя русского войска под командованием полковника П.И. Яковлева при Переволочне с перешедшими на сторону Карла XII казаками, говорится: «...милостию Божиею Его Царскаго Величества счастием переволоченский замок взяли и их (казаков. – *Е.С.*) на месте больше тысячи человек порубили, кроме тех, которые по куреням побиты и сожжены. А достальные, бежав, топились в реках Днепре и Ворскле. В том замке взято три пушки, знамя, четыре значка казачьих и двенадцать человек воров первых, понеже живых их брали мало» («Ведомости» № 3 от 29 апреля, напечатанные 18 мая).

В «Ведомостях» от 18 мая того же года (№ 4) было напечатано донесение А.Д. Меншикова об атаке, которую предприняли шведы под Полтавой, и о первой победе над ними: «Неприятель оную крепость уже несколько раз жестоким приступом отаковал и, хотя с великим уроном, отбит и чрез вылазки многих людей потерял, однако ж до сего времени помянутой город в крепкой блокаде держится, для чего разсудил, дабы сильную какую подвести над неприятелем диверсию». Эти известия перешли позже, но в отредактированном виде, в «Книгу Марсову» и в «Гисторию Свейской войны». В этом же номере сообщалось о вылазке кавалерии против Будищ, где в то время находился Мазепа: «И когда чрез мост наши перебравися, ординована некоторая часть кавалерии под командою господина генерала

Шамбурха и полковника Кропотова в то ж время идти под Будищи и отаковать незапным нападением гаутвквартир неприятельскую, где и изменник Мазепа обретался. По которому предложению против седьмого дня сего месяца до света с Божиею помощию наперед зачали наши войска чрез мост в лице неприятеля переходить. И хотя безмерно великие болота и глубокие воды наша конница многажды и вплавь принуждена, однако ж изрядным порядком, несмотря на все трудности и жестокой пушечной огнь, без медления прямо на неприятельский ретражамент (в котором четыре шквадрона конницы и триста человек пехоты обреталось) войска наши пошли. И Божиею помощию одною шпагою неприятеля из крепкаго ретражамента выбили и бежать врознь принудили...» В отличие от других донесений князя А.Д. Меншикова, опубликованных ранее, «Ведомости», датированные 18 мая 1709 г., содержат исключительно подробное описание событий, предварявших знаменитую Полтавскую битву. Можно сказать, что после публикации донесений о Полтавской баталии реляции, печатавшиеся в газете, становятся более подробными и обстоятельными. Донесение от 31 мая 1709 г. (№ 8) содержит сведения, во-первых, о победе в сражении при Ледукове с бобруйским старостой Я.К. Сапегой. Здесь же приведен реестр, сообщающий о числе убитых и раненых с обеих сторон. Начиная с этого номера подобные реестры становятся необходимым дополнением к реляциям с полей сражений. Во-вторых, описывается победоносный бой в Литве под местечком Подлушки.

В № 12 опубликовано письмо Петра I к царевичу Алексею Петровичу из-под Полтавы от 8 июля 1709 г., в котором царь, в частности, сообщал следующее: «Как его светлость князь Меншиков 28 иуния за неприятелем вслед пошел, то хотя оной всякое прилежание в том чинил, однако ж неприятеля, которой, оставя большую часть своего багажу, наскоро к Днепру бежал, не мог прежде 30 иуния нагнати, котораго числа оный его, недалеко от Переволочни в зело крепком месте под горою при Днепре стоящаго, обрел и от взятаго в полон полкового квартирмистра и нескольких волох уведомился, что король шведской до того за три часа с несколько стами конных чрез Днепр переправился с великою трудностию и генералов-маеоров Шпара и Лагеркрона с собою взял, генерала же Левенгоупта с оставшимся от побитой армии войском по сей стороне Днепра оставил, понеже за скудостию судов переправить не могли». Меншиков предложил противнику сдаться в плен. Предложение было принято.

После Полтавской битвы в «Ведомостях» был опубликован полный перечень (по полкам) захваченных в плен шведских генералов и офицеров от генерал-фельдмаршала К.Г. Реншильда до прапорщиков. Перечень озаглавлен: «Список шведским генералом и штап- и обер-афицером, которые изъяты на генеральной баталии под Полтавою и при Переволочной у Днепра в полон от войска шведскаго»⁷. В отличие от остальных петровских «Ведомостей», объем этого номера весьма значителен: он напечатан на 16 страницах. В номере перечислен 671 человек: полковники, майоры, прочий командный состав. Видимо, все-таки этот экземпляр дефектный, поскольку обрывается перечнем лейтенантов Оболянского полка, тогда как при перечислении взятых в плен шведов из других полков список заканчивается перечнем корнетов.

Следующее напечатанное в «Ведомостях» донесение А.Д. Меншикова относится уже к 10 мая 1713 г., ко времени его пребывания в Голштинии и победы над шведами, когда он во главе кавалерии осаждал М. Стенбока, засевшего в Теннингене. В реляции говорится: «Неприятель начал из Тонинга выступать 9 дня мая, а именно в 10 часу граф Штеинбок выехал. И за ним первая бретада под командою генерала-маеора Паткуля маршировала с полным ружьем до Гериасфорта, и, при оном месте остановясь, клали ружье пред фронтом российской пехоты первой дивизии. И таким образом вышепомянутаго числа будет маршировать другая бретада. Равным же образом и достальные шведские войска в последующие дни пойдут, а в будущую субботу, то есть в 16 день сего мая, сие неприятельское из Тюнинга выступление окончается. А сколько штап-, и обор-, и ундер-офицеров, и рядовых драгун, и салдат, и победоносных знаков получено, то объявлено ниже сего». Далее следует подробный перечень по полкам взятых в плен шведов. Пленных оказалось 1898 человек, затем перечисляется все имущество, слуги и лошади. Эта реляция, напечатанная уже в Петербурге гражданским шрифтом, содержит наиболее подробную информацию о победе при Тоннингене, как ни одна из предыдущих. Армия М. Стенбока была разгромлена полностью⁸.

Еще более подробно описывается капитуляция Теннингена в напечатанной в Москве 17 июня 1713 г. «Реляции о разорении шведской армии», посвященной тем же событиям, но изложенным с такими подробностями, какие до сих пор не сообщались в «Ведомостях». К номеру газеты приложен обстоятельный реестр «Коликое число при королевских швецких войсках обреталося здоровых и больных,

также литавр, штандартов, знамен и ружья по 9 число мая нынешняго 1713 году в Тонинге, иные по капитуляции в полон взято». Если реестры А.Д. Меншикова не содержат никаких имен, то список, приложенный к московскому номеру газеты, открывается именем командующего шведским войском: «Фелтмаршал его превосходительство граф Штеинбох», а далее идет уже анонимный перечень взятых в плен шведов.

В «Ведомостях» от 7 сентября 1713 г. помещена выборка из писем А.Д. Меншикова Петру I о событиях, происходивших в Померании. Здесь говорится о боях при Штерншанце на подходе к Штеттину (ныне Щецин), о победе русского оружия. Публикация перечней взятых в плен, убитых и раненых с обеих сторон в «Ведомостях» становится уже традиционной и приводится почти в каждом номере, содержащем донесения с полей сражений.

В августовском номере 1714 г. «Ведомости» уведомляли, что 22 мая А.Д. Меншиков отдал распоряжение выборгскому коменданту полковнику И. Шувалову о походе в Саволак к замку, именуемому Нейшлот, и 29 мая крепость пала. Снова в «Ведомостях» появилось сообщение об этой осаде с приложенным реестром взятых в плен шведов, в числе которых оказался и комендант Нейшлота Башка. В перечень была включена артиллерия и военные припасы.

В 1716–1720 гг. в «Ведомостях» донесения от А.Д. Меншикова уже не публиковались, хотя печатались письма, посылаемые ему. Например, 7 августа 1716 г. письмо от П.П. Шафирова, уведомлявшего о крейсировании в Балтийском море объединенного флота под командою Петра I, состоявшего из русских, голландских, датских и английских судов.

25 мая 1719 г. светлейший получил опубликованное затем в газете от 19 августа распоряжение Петра I о починке корабля «Лесное», поврежденного у острова Котлин: «...оной корабль хотя по разсуждению других весьма был свобождения безнадежен, а прилежанием его светлости (то есть А.Д. Меншикова. – Е.С.) и господ капитанов Склеява и Лейна трудом оной свобожден и в новую гавань введен».

«Ведомости» от 21 июня 1720 г. сообщали об аудиенции, данной Петром I польскому послу, мазовецкому воеводе С. Хоментовскому на Котлине, и поездке в Ораниенбаум в усадьбу А.Д. Меншикова: «Июня 13 Его Царское Величество показывал послу новостроящийся канал внутрь острова Котлина, или Ритесара, где будет учинен для починки кораблей док, також изволил показывать шведскому

генералу-адъютанту все воинские корабли и галеры, тамо стоящая. И того ж дня о полудни государыня царица со всею своею царскою высочайшею фамилиею и вышеписанною свитою изволили пойтить от Кроншлота на яхтах и буерах во Араниенбом, которой дом и огород изрядной надлежит его светлости господину князю Меншикову, где изволили гулять и веселиться 13 и 14 июня».

«Ведомости» от 6 июля 1720 г. содержат сведения о рекрутском наборе в петровскую армию: «Також писал в Военную коллегияу генерал-фелтмаршал князь Меншиков, что по ево смотру явилось ныне недорослей, в службу годных, больше тысячи человек, которые приверстаны в кавалерию. А всех недорослей, о которых в Военной коллегии подлинное есть ведение, более двусот тысяч человек, кроме тех, которые еще не переписаны. Драгунские в команде его светлости (то есть А.Д. Меншикова. – *Е.С.*) полки разделил он по указу на три корпуса, а именно: первой будет при Смоленску, где и сам его светлость вскоре быть имеет, другой на Украине при Стародубе, третьей при Риге». Это последняя газета «Ведомости» времени Петра Великого, в которой упомянуто имя А.Д. Меншикова.

«Ведомости» Петровского времени, печатавшиеся по горячим следам, особо ценны тем, что в них непосредственно отразилось восприятие событий, главным образом центрального – Северной войны. Военные донесения печатались с незначительной правкой главного редактора политических событий – самого Петра I Великого. Но поскольку в то время еще не было необходимости изменять репортажи и отчеты в связи с более поздними политическими событиями в России, как например следственное дело царевича Алексея Петровича и суд над его приверженцами, то и отношение к подобным людям, часто героям Северной войны, было таким, какое они заслужили. Иными словами, в «Ведомостях», безусловно, была правка, но эта правка не могла быть соотнесена с событиями более позднего времени, когда те же донесения перепечатывались в других изданиях.

В заключение необходимо сказать, что по сохранившимся документам, как печатным, так и рукописным, можно проследить «эволюцию» фактов, изложенных в «Ведомостях». Это прежде всего такое парадное издание, как разные варианты «Книги Марсовой»⁹, которая печаталась для прославления русского войска и самого Петра Великого. Многие из донесений, печатавшихся в газете, были включены в монументальный исторический труд Петровской эпохи – «Историю Свейской войны», который, к сожалению, был напечатан

только в 70-х гг. XVIII в. в редакции М.М. Щербатова, то есть в то время, когда изменились и политическая ситуация в России, и отношение к событиям тогда не очень далекого прошлого, и даже язык, на котором писали и говорили русские люди начала XVIII в.¹⁰

¹ Подробнее об истории печатания этого «Юрнала» см.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2: Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. С. 66, № 57. «Юрнал» с изменениями был перепечатан в «Книге Марсовой» (СПб., 1713) и в первой части «Журнала, или Поденной записки... Петра Великого...», изданного М.М. Щербатовым в 1770 г.

² *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. М.; Л., 1958. С. 110–112.

³ В 1706 г. «Ведомости», печатавшиеся в Москве, не всегда имели нумерацию выпусков.

⁴ В газете сообщается: «Там (в Люблине. – *Е.С.*) было 300 шведов и 600 волохов, русские взяли из них живыми 20 шведов и 30 волохов, около 100 из них разбежались, остальные убиты».

⁵ Ведомость без названия. Первая строка: «Из обозу московской партии, обретающейся в местечке Крылове, сентября во 12 день...»

⁶ *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 157.

⁷ Единственный известный экземпляр этого списка хранится в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук. В опубликованном на CD-ROM комплекте «Ведомостей» место нахождения этого номера указано неверно: Российская государственная библиотека.

⁸ История Северной войны: 1700–1721. М., 1987. С. 121–122.

⁹ Книга Марсова, или воинских дел от войск Царского Величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски Его Королевского Величества швейцарского. 1-е изд. СПб., 1713; 2-е изд. СПб., 1766.

¹⁰ Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадтского мира. Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою Его Императорского Величества. СПб., 1770, Ч. 1.; 1772, Ч. 2.

А.Д. Меншиков и И.С. Мазепа по праву считаются одними из наиболее ярких фигур Петровской эпохи. Оба они пользовались неизменным расположением царя, оба отличились в военных походах. На этом, правда, сходство и заканчивается. И.С. Мазепа – урожденный шляхтич, человек эпохи барокко, получивший прекрасное правильное образование, свободно владевший многими языками (помимо украинского, русского и польского, – латынью, немецким, итальянским, французским и немного татарским), увлекавшийся античными авторами, владелец огромной библиотеки, сам обладавший хорошим литературным стилем и писавший поэмы. С другой стороны отличавшийся звериной хваткой и чутьем, феноменальными способностями и обрывками систематических знаний А.Д. Меншиков, чье темное происхождение не вызывало сомнений у современников, а о способности которого читать и писать до сих пор спорят ученые¹.

Когда установились первые контакты между И.С. Мазепой и А.Д. Меншиковым – точно не известно, но уже с 1701 г. между ними завязывается регулярная переписка². Внимательно следя за событиями в Москве, будучи жизненно в них заинтересованным, И.С. Мазепа был хорошо осведомлен о влиянии на царя тех или иных особ. С конца 1704 г. его переписка с Александром Даниловичем приобретает характер регулярных донесений, которые Мазепа отправляет А.Д. Меншикову наряду с Ф.А. Головиным. Теперь речь шла уже о десятках писем в месяц. Обращение было стандартным: «Государь мой и любезнейший брат Александр Данилович»³. Гетман неплохо знал слабые стороны фаворита и не брезговал дорогими подарками «светлейшему». Он даже купил у него дом в Москве за 3000 дукатов⁴.

Но за этими внешними любезностями скрывалась неприязнь, вскоре переросшая в соперничество. Впервые познакомившись с Гетманщиной в годы Северной войны, Александр Данилович в своей неустанной погоне за наживой обратил на нее свои взгляды⁵.

Из сохранившихся источников только знаменитое письмо Филиппа Орлика Стефану Яворскому передает личный характер взаимоотношений И.С. Мазепы и А.Д. Меншикова. Ф. Орлик, генеральный писарь, знаменитый поэт и любимец гетмана, был, безусловно, не пассивным свидетелем, но активным участником разворачивавшейся драмы, и не доверять его показаниям нет основания.

Примерно с 1705 г. А.Д. Меншиков начинает активно предлагать Петру I уничтожить казацкую старшину, а следовательно, и всю административную структуру Гетманщины. Реформы эти приобретали особый смысл, учитывая, что Мазепе уже было под семьдесят. Гетман, измученный тяжелыми походами, постоянно болел и перестал казаться вечной фигурой. Неожиданная смерть в 1701 г. его племянника, Ивана Обидовского⁶, считавшегося главным кандидатом в преемники по булаве, сделала Гетманщину еще более доступной для притязаний. А.Д. Меншиков явно готовился принять самое активное участие в дележе наследства. Не случайно в самом начале своего карьерного роста он сосватал свою сестру за племянника И.С. Мазепы А. Войнаровского. Но теперь положение А.Д. Меншикова изменилось, и он надменно отказал гетману, заявив, что «Царское Величество сам хочет на сестре его... жениться»⁷. И.С. Мазепа, надо отметить, счел это личным оскорблением. Да и равнодушно слушать разговоры про «Черниговское княжество», на которое якобы замахивался А.Д. Меншиков, он не мог, хотя речь и шла о будущем, «постмазепинском» периоде.

Первый раз конфликт, зревший внутри, вырвался наружу в 1706 г., когда летом Петр I выразил желание лично приехать в Киев. Поводом была возросшая военная угроза со стороны шведов и неудачи в Северной войне, но так как это был первый царский визит на Украину, то Мазепа рассматривал его как большую честь для себя. Как чаще всего бывает в жизни, большие надежды обернулись большим разочарованием.

Предвестием грядущих трагедий стало известие, что по дороге в Киев 31 июля 1706 г. в небольшой деревушке в 130 милях от Киева от горячки скончался ближний боярин, граф, генерал, адмирал, глава Посольского приказа Ф.А. Головин. Как говорили современники, он «один почти вел все важнейшие дела»⁸. Это была очень тяжелая

потеря лично для И.С. Мазепы. Долгие годы они совместно разрабатывали и осуществляли далеко идущие внешнеполитические комбинации. Ф.А. Головин полностью доверял гетману, пересылал ему секретные сведения русской разведки, поручал переговоры с Молдавией, Валахией, контроль за событиями в Турции и контакты с греческими иерархами⁹. Теперь всему этому наступил конец. А вот амбиции А.Д. Меншикова теперь никем не сдерживались. Смерть Ф.А. Головина еще больше укрепила его позиции. «Полудержавный властелин» был близок к zenиту своей власти, славы и влияния, которое он оказывал на Петра I. При всех своих, безусловно, выдающихся способностях и заслугах, А.Д. Меншиков был ненасытен по отношению к деньгам и титулам.

Еще до приезда царя А.Д. Меншиков примчался в Киев и провел инспекцию укреплений города. Он тут же написал Петру I, что и защищать город нет смысла: «там только одна соборная церковь да монастырь»¹⁰. На Петра I, заранее настроенного А.Д. Меншиковым, древняя столица не произвела особого впечатления, и он согласился с мнением, что крепость очень плохо расположена. Было решено построить новую на месте Печерского монастыря¹¹. Сам же Киев, в случае наступления шведов, решено было не защищать. Для И.С. Мазепы такое решение было настоящей трагедией.

А.Д. Меншиков не стеснялся, стремясь показать себя распорядителем в стране вообще, и в Украине в частности. Находясь в Киеве, Петр I приказал А.Д. Меншикову идти с конницей на Волынь против шведов, а И.С. Мазепе выступить следом и находиться в подчинении у князя. Гетман был крайне оскорблен этим приказанием, заявлял, что это бесчестье – после стольких лет верной службы получить такую награду. И.С. Мазепа считал, что весь поход этот, учитывая отход шведов в Саксонию, не имел никакого смысла и придуман был А.Д. Меншиковым исключительно с целью собственного возвышения, «чтобы показать всему свету, что имеет гетмана под своей командой». Иван Степанович с возмущением говорил Ф. Орлику, что не был бы оскорблен, если бы его отдали «под команду Шереметева или кого-либо другого великоименитого и од предков своих заслуженного человека». Но вся его гордость шляхтича восставала от одной мысли подчиняться новоявленному фавориту, в заслуженности предков которого он явно сомневался¹².

Самая знаменитая сцена, описанная Ф. Орликом, произошла во время приема, который дал в Киеве И.С. Мазепа в честь приезда царя.

На этом обеде А.Д. Меншиков, «будучи маленько шумен и силен», взял гетмана под руку, сел с ним на лавку и громким шепотом, так, что стоявшие рядом старшины могли слышать, сказал ему на ухо: «Гетман Иван Степанович, пора ныне приниматься за этих врагов». И.С. Мазепа, рукой остановив тактично удалявшихся старшин, нарочно громко ответил на ухо А.Д. Меншикову: «Не пора». Тот упорствовал: «Не может быть лучшего времени, как теперь, когда здесь сам Царское Величество с главной своей армией». И.С. Мазепа возражал: «Опасно будет, не закончив одной войны с неприятелем, начинать другую, внутреннюю». А Меншиков свое: «Их ли, врагов, опасаться и щадить? Какая от них польза Царскому Величеству? Ты сам верен Царскому Величеству. Но тебе надо доказательство этой верности показать и память о себе в вечные времена оставить, чтобы и впредь будущие государи знали и имя твое благословляли, что один был такой верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому принес»¹³.

Разговор этот прервал Петр I, который собрался уходить. И.С. Мазепа проводил царя и вернулся к старшине. Ф. Орлик писал, что «поразили эти слова страхом слышавших их». Именно с этого момента возникает и формируется оппозиция старшины из числа тех, кто выступал категорически против плана А.Д. Меншикова о ликвидации Гетманщины.

А.Д. Меншиков не ограничивался пьяными разговорами. В 1707 г., в нарушение Каламакских статей, был издан указ о переподчинении Киева и других украинских городов из Посольского приказа в Разряд¹⁴. Тогда же начала осуществляться реформа казацких полков¹⁵, подрывавшая систему административного управления Гетманщины. Еще через год именно эти реформы будут объявлены И.С. Мазепой и его сторонниками (все той же группой старшины) причиной их перехода на сторону шведов.

Обо всех этих реформах, равно как и о решении применить к Украине тактику «выжженной земли» в случае приближения шведов (в том числе и в отношении Киева), И.С. Мазепа узнал на роковом для него военном совете в Жолкве весной 1707 г. Там же произошел и очередной конфликт с А.Д. Меншиковым. И.С. Мазепа случайно увидел у войскового товарища Думитрашка, которого он собирался послать в Киев, письмо к компанейскому полковнику Танскому, написанное А.Д. Меншиковым. Гетман очень удивился, велел отдать письмо и прочитал его. Это оказался приказ собрать запасы провианта и

казны на шесть месяцев и немедленно выступить со своим полком в распоряжение А.Д. Меншикова. Как описывает Ф. Орлик, Мазепа, прочитав письмо, сорвался от гнева с места и разъяренно закричал: «Разве может быть большее поругание, посмеяние и унижение моей особе, чем это! Каждый день князь Александр Данилович со мной видится, каждый час со мной совещается и, не сказав мне ни единого слова, без моего ведома и согласия посылает приказы людям моего регимента! И кто же выдаст Танскому без моего указа месячные деньги и провиант и как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу? А если б пошел, то я б его велел, как пса, расстрелять. Боже мой, ты видишь мою обиду и унижение!»¹⁶

В течение крайне тяжелых с военной точки зрения 1707–1708 гг. А.Д. Меншиков продолжал получать от И.С. Мазепы подарки. Только в связи с делом Кочубея он принял 1000 дукатов и шесть больших серебряных бутылей¹⁷. В это же время резко меняется и тон посланий гетмана к всесильному А.Д. Меншикову. Если до этого переписка носила формально дружеский характер («брат и слуга»), то теперь И.С. Мазепа считал возможным использовать неприкрытую лесть («Светлейший и высокопочтеннейший Римского и Российского государств Ижерский князь, господин, любезный мой брат и особенный благодетель»), зная, насколько новоявленный князь был не равнодушен к громким титулам и заискиванию. Скорее всего, за этой лестью скрывалось уже с трудом переносимое раздражение.

В отличие от самого А.Д. Меншикова И.С. Мазепу не порадовал полученный им 1 сентября 1707 г. от германского императора по рекомендации Петра I титул светлейшего князя Священной Римской империи¹⁸. Как раз в это время гетману пришло письмо от А. Дольской, которая описывала в нем следующую сцену, имевшую место во Львове. Княгиня была там крестной вместе с генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметевым и, сидя за праздничным столом между Шереметевым и генерал-лейтенантом К.Э. Ренне, упомянула похвальным словом И.С. Мазепу. На это К.Э. Ренне тоже отозвался с похвалой о гетмане и добавил: «Смилуйся Бог, над этим добрым и разумным Иваном! Он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет, его отставив, сам в Украине быть гетманом». На это якобы А. Дольская, удивившись, обратилась к Б.П. Шереметеву. Но тот подтвердил сказанное К.Э. Ренне. Тогда А. Дольская спросила, почему же никто из «добрых приятелей» не предупредит

И.С. Мазепу о таких замыслах А.Д. Меншикова. Б.П. Шереметев объяснил, что это невозможно, «мы и сами много терпим, но молчать принуждены».

Прочитав письмо А. Дольской, Иван Степанович сказал Ф. Орлику: «Знаю я сам очень хорошо, что они думают о вас (то есть о старшине. – *Т.Т.-Я.*) и о мне. Хотят меня удовлетворить княжеством Римского государства, а гетманство взять, старшину всю убрать, города под свое управление отобрать и поставить в них воевод или губернаторов. А если будем сопротивляться, то перегнать за Волгу и своими людьми Украину осадить»¹⁹. Возможно, что гетманом А.Д. Меншиков становиться не собирался, но урезать автономию Украины явно был не прочь.

Волей судьбы именно А.Д. Меншикову довелось сыграть главную роль и в последних событиях гетманства И.С. Мазепы. Когда гетман уже ожидал гонца от Карла XII для определения сроков соединения, прискакал А. Войнаровский с сообщением, что на следующий день в Борзну, где стоял А.Д. Мазепа, приедет лично А.Д. Меншиков и что, по слухам, их всех намереваются арестовать. Ф. Орлик сомневался, что это сообщение было правдой. Возможно, А. Войнаровский, находясь в стоворе со старшиной, нарочно привез такое известие, чтобы побудить И.С. Мазепу к решительному действию. В любом случае, услышав, что утром А.Д. Меншиков будет в Борзне, гетман сорвался с места «как вихорь» и вечером был уже в Батуристине. Затем переправился через Сейм, прибыл в Короп, а утром 24 октября 1708 г. перешел Десну и ночью прибыл в расположение шведского короля. В этот же день А.Д. Меншиков подошел к Батуристину. Его встретил там российский полк И. Анненкова. Сердюки же «и прочие тутошные жители» засели в замке, разрушив мост²⁰. В ночь на 27 октября 1708 г. Александр Данилович отправил царю срочную депешу о происшедшем и получил знаменитый ответ: «Письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением»²¹.

Хотя ни А.Д. Меншиков, ни Петр I явно не ориентировались в настроениях старшины и самого И.С. Мазепы (в частности, не предвидели и не понимали причины их перехода к шведам), но они сумели предпринять ряд сильных и эффективных шагов. Главная заслуга в этом принадлежала Александру Даниловичу. Во главе корпуса российских войск он напал на гетманскую столицу Батуристин. Мазепа оставил в своей любимой резиденции гарнизон в 8000 человек, почти

100 пушек, большой запас пороха, продовольствия и фуража. Имелись там, разумеется, и многочисленные ценности. Александру Даниловичу удалось найти изменника, сотника И. Носа, который за хорошую награду показал подземный ход²².

Утром 2 ноября 1708 г. российские войска ворвались в Батурин. После двухчасового штурма остатки гарнизона были перебиты вместе с большой частью гражданского населения²³. Всего в батуринской трагедии погибло около 15 000 украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке²⁴. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни²⁵. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и, согласно царскому указу²⁶, сожжены. А.Д. Меншиков успел вывезти часть артиллерии, гетманский архив, видимо, часть библиотеки И.С. Мазепы, равно как и другие ценности, хранившиеся в столице и загородной резиденции Гончарихе²⁷. Вывезли даже мощи святой Варвары, подаренные И.С. Мазепой батуринскому монастырю по просьбе митрополита Дмитрия Ростовского (Туптало).

11 ноября 1708 г. И.С. Мазепа вместе со шведами подошел к своей разоренной столице. Картина, представшая перед ними, была ужасна: «задымленные мельницы, развалины зданий, человеческие трупы, которые были наполовину сожжены и залиты кровью»²⁸. Даже через двадцать лет после этой трагедии Батурин оставался «весь пуст».

Между тем был отдан указ о конфискации всего имущества И.С. Мазепы. А.Д. Меншиков лично подключился к поиску легендарного богатства опального гетмана. Киевский воевода Д.М. Голицын, руководивший поисками, делал каждый шаг под строгим контролем Александра Даниловича. Были конфискованы деньги И.С. Мазепы, обнаруженные в Киево-Печерской лавре²⁹. Д.М. Голицын направился под Белую Церковь, где стоял полковник Бурляй с полком сердюков и хранилось большое количество имущества гетмана. Используя, как он выражался, «науку» А.Д. Меншикова, Д.М. Голицын обещал Бурляю 100 рублей, по 40 – сотникам и по 2 рубля всем казакам. После этого Белая Церковь без боя пустила отряд Д.М. Голицына³⁰.

21 ноября 1708 г. Д.М. Голицын писал А.Д. Меншикову, что мазепинские «пожитки велел в Киев привести и, сколько оных пожитков будет, о том впредь вашей светлости донесу»³¹. Но прошла неделя, а сделано это не было, и А.Д. Меншиков нервничал, послал Д.М. Голицыну указ: «...ежели что есть нарочитое... а именно: серебряной

посуды и мяжкой рухледи и протчих вещей, и оные отобрать особо и... прислать роспись»³². Остальные вещи А.Д. Меншиков распорядился продавать. Куда должны были пойти деньги – не ясно. Д.М. Голицын, оправдываясь за проволочку и зная о слабостях самого светлейшего, в письме замечал: «...мог бы я из оных пожитков себе что взять, и никто б не ведал, токмо, помня свою христианскую совесть и вашей светлости обещанную к себе милость, и не токмо того учинить – и мыслию не касался»³³.

Все захваченное имущество Мазепы хранилось в возах под охраной. Но, когда наконец была составлена опись, часть вещей в нее уже не попала, в частности исторические реликвии Войска Запорожского – булава, бунчук и войсковая печать Богдана Хмельницкого, полученные от короля Яна Казимира в 1649 г.³⁴, о которых Д.М. Голицын писал А.Д. Меншикову. Попали ли они к светлейшему князю или нет – не известно. Достоверно можно говорить, что Александру Даниловичу из имущества И.С. Мазепы досталась серебряная посуда («шкагула, оклеена кожею, в ней 2 дюжины ложек, и ножей, и вилок, пара ножей больших серебряные да ложка большая столовая»), соболя («2 одеяла пластинчатых соболий, у одного верх отласной, вышит серебром турецкой работы, у другога верх золотной; 4 кафтана золотных, у трех пластинчатые соболя, один с огонками, у четвертого мех соболей... 1 суконной, мехи пластинчатые соболя; 2 меха пластинчатые соболя, мех горностаевой; 3 сорока и восем пар соболей, лисица черная»), турецкие ковры («ковер столовой золотной; ковер турецкой столовой бархатной золотной, подложен тафтою полосатую»), серебряные турецкие чапراки, шпага греческой работы («шпага, ефес золотой со искры яхонтовыми и изумрудными»), деньги (в том числе 17 бочонков талеров-ефимков и 11 бочонков серебряных рублей) и многое другое³⁵. Но и это все Д.М. Голицын отослал А.Д. Меншикову только в конце декабря, после очередного строгого указа князя «соболя мехи и протчие всякие дорогие вещи и серебряную посуду оценить и... прислати»³⁶. Тогда же Д.М. Голицыну стало известно, что «40 скрынок» (то есть сундуков) мазепинского имущества было отослано гетманом в Царьград, «иные сказывают, многие пожитки ево лежат во Гданську»³⁷.

А.Д. Меншиков сыграл основную роль в срыве тайных сношений И.С. Мазепы с Петром I поздней осенью 1708 г. (речь шла о выдаче Карла XII)³⁸. Возвращение И.С. Мазепы в большую российскую политику было ни к чему новому окружению царя, и прежде всего

*Портрет И.С. Мазепы
кисти неизвестного живописца
Начало XVIII в.
Национальный музей, Стокгольм*

*Портрет А.Д. Меншикова
Живописец Г.С. Мушкетерский.
1709. ГЭ*

светлейшему князю. Вероятно, он искренне полагал, что Петр I больше не нуждался в услугах украинского гетмана, равно как в Гетманщине и казачестве³⁹. Но, помимо политических, безусловно, присутствовали и материальные соображения. За взятие Батурина и Полтавскую победу имения И.С. Мазепы, как российские (в Рыльском уезде), так и украинские, перешли в собственность Александра Даниловича, что сделало его вторым после Петра I помещиком Российского государства⁴⁰.

21 августа 1709 г. И.С. Мазепа умер в Бендерах, окруженный горсткой своих сторонников – старшин и казаков. Легенда о сказочном богатстве гетмана имела под собой все основания. Несмотря на то, что, уходя к шведам, он смог взять с собой лишь малую толику своего состояния, да и ту частично утратил и израсходовал за последние месяцы жизни, сумма, переданная им на сохранение Карлу XII, была очень внушительной: 160 000 червонцев. Это достояние стало затем предметом торга между его наследниками⁴¹.

Сокровища Мазепы не принесли никому счастья. Его преемник по булаве Ф. Орлик умер на чужбине среди иноверцев. Племянник гетмана А. Войнаровский в 1716 г. был перехвачен агентами Петра I в Гамбурге и умер в Сибири⁴². Еще более ошеломительным, а оттого

и болезненным было падение самого Александра Даниловича Меншикова, окончившего свои дни в столь далеком Березове. Вероятно, там ему не раз вспоминался «любезный брат» и заклятый соперник – сказочно богатый гетман Иван Мазепа.

¹ См.: *Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

³ Там же. Д. 5. Л. 1.

⁴ *Возняк М.* Бендерська комісія по смерті Мазепи // Иван Мазепа. Варшава, 1939. Т. 1. С. 131.

⁵ Несмотря на бытовавшее долгое время убеждение о «росте эксплуатации крестьян» во времена гетманства Мазепы, факты рисуют весьма привлекательную экономическую картину. После десятилетий Руины – политической и экономической, в Гетманщине в 80-е гг. XVII в. (еще в конце гетманства И.С. Самойловича) наступает период стабильности и экономического подъема. Прекращение гражданских войн и сокращение вмешательства российского правительства во внутренние дела Украины (что во многом было связано с ослаблением центральной власти в годы стрельеческих бунтов) привело к созданию хорошо организованной системы управления, создававшей основу для экономического подъема. Природные ресурсы Украины, благоприятный климат в сочетании с либеральными экономическими условиями (крепостное право там было неведомо и даже панщина зависимых крестьян была ограничена И.С. Мазепой до двух дней в неделю) привели к настоящему расцвету Гетманщины к концу XVII в.

⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Карт. 1. Д. 1. Л. 53.

⁷ Письмо Ф. Орлика Стефану Яворскому // *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. Киев, 1994. С. 163.

⁸ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 297, 299. – Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе.

⁹ См.: Переписка Ф.А. Головина с И. Мазепой // Гетман Иван Мазепа: Документы из собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2006. Вып. 1 (в печати).

¹⁰ *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1993. Т. 15. С. 142.

¹¹ Журнал, или Поденная записка... императора Петра Великого.... СПб., 1770. Ч. 1. С. 137.

¹² Между прочим, тот факт, что И.С. Мазепа, человек из старого украинского правобережного шляхетного рода, не считал А.Д. Меншикова потомком польских Меншиков (почти соседей Мазеп), говорит против версии о шляхетном происхождении Александра Даниловича. Следует учитывать то особое отношение к предкам, которое имелось у выходцев из Речи Посполитой. При этом плен, разорение и прочие несчастья, случившиеся с Менжиками, ни в коем случае не вредили им в глазах шляхты.

¹³ Письмо Ф. Орлика... С. 163–164.

¹⁴ ПБППВ. СПб., 1907. Т. V. С. 581–582.

¹⁵ Там же. СПб., 1912. Т. VI. С. 44, 287–289 и др.

¹⁶ Письмо Ф. Орлика... С. 166.

- ¹⁷ *Возняк М.* Бендерська комісія по смерті Мазепи. С. 131.
- ¹⁸ *Mackiw T.* Mazepa's title: Prince of the Holy Roman Empire // *Nationalites Papers*. 1979. V. VII. N 1. P. 95–100.
- ¹⁹ Письмо Ф. Орлика... С. 162.
- ²⁰ ПБІПВ. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 864–865.
- ²¹ Там же. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. С. 237.
- ²² *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Кипв; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 318; *Костомаров Н.И.* Актуальная история России. «Руина». М., 1995. С. 656–657.
- ²³ Осведомленный современник, участник войны со шведами на Украине в 1709 г. Я.Е. Лизогуб, генеральный бунчужный в 1709–1729 гг., так характеризовал роль А.Д. Меншикова в своей «Летописи» (1742). После взятия крепости светлейший князь приказал трубить сигнал «престать от кровопролития». Однако часть солдат, напившись допьяна найденными в городе горячительными напитками, по-прежнему «кололи... и рубали» людей. Я.Е. Лизогуб надежно засвидетельствовал, что погибли далеко не все жители Батурина. По его словам, население города, напротив, нашло защиту у А.Д. Меншикова: «...много еще явилось у князя Меншикова, который дать велел им писание, чтоб никто их не занимал», то есть не обращали в холопов (Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 47). – *Примеч. отв. ред.*
- ²⁴ Подробнее об этом см.: *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Киев, 2004. С. 301–317.
- ²⁵ *Коваленко В.П.* Батурин – гетьманська столиця // *Mazepa and his time*. Alessandria, 2004. P. 219–223.
- ²⁶ «...а Батурин в знак изменникам [понеже боронились] другим на приклад зжечь весь» (ПБІПВ. Т. VIII. Вып. 1. С. 274).
- ²⁷ *Коваленко В.* Батурин – гетьманська столиця. Р. 210–228.
- ²⁸ *Крман Д.* Подорожній шоденник. Київ, 1999. С. 43.
- ²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2830. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Д. 2711. Л. 1–1 об.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Д. 2791. Л. 1–1 об.
- ³³ Там же. Л. 1 об.–2.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Д. 2930. Л. 1–2 об.
- ³⁶ Там же. Д. 2919. Л. 1–1 об.
- ³⁷ Там же. Л. 1 об.
- ³⁸ *Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа в поисках политического решения летом–осенью 1708 года // *Белоруссия и Украина. История и культура*. М., 2006 (в печати).
- ³⁹ Страшный провал Прутского похода 1711 г. показал, что это мнение было ошибочным. Без знаний и опыта украинского казачества воевать на юге оказалось бесперспективным.
- ⁴⁰ *Плохинский М.М.* Гетман Мазепа в роли великорусского помещика. Харьков, 1892.
- ⁴¹ Эта история очень плохо известна. Суть, однако, была в серьезной ссоре между А. Войнаровским, который, как племянник, считал себя главным наследником, и Ф. Орликом, который был избран гетманом после смерти И.С. Мазепы.
- ⁴² Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Киев, 1916. Т. II, ч. III. С. 1–17.

Ю.Н. Беспятых

В 2005 г. газета «Жизнь Югры» (пос. Березово Ханты-Мансийского автономного округа–Югра) опубликовала отклик Н.И. Павленко на статьи, посвященные вопросу о грамотности А.Д. Меншикова¹. Ответ рецензенту любезно напечатала та же газета².

С выходом моей книги, в которой развивалась эта тема, а также была предпринята попытка установить происхождение светлейшего князя³, последовало продолжение полемики – рецензия в журнале «Наука и жизнь»⁴. Разберу этот текст, обращаясь и к предыдущему, поскольку номера сибирской районной газеты едва ли доступны всем специалистам*.

В своей книге я постарался дать развернутые историографические обзоры по упомянутым темам, с тем чтобы выяснить состояние их изученности, а также обзоры известных мне на сегодня источников, после чего пришел к некоторым выводам.

Относительно умения А.Д. Меншикова читать и писать Н.И. Павленко начинает так: «О его неграмотности доносили иностранные дипломаты и писал токарь царя Андрей Константинович Нартов. С современниками соглашались и все крупнейшие историки страны. Среди них на первое место следует поставить величайшего специалиста в том числе и по Петровскому времени Сергея Михайловича

* Для удобства читателей цитаты из рецензий и других трудов Н.И. Павленко даю в полужирных кавычках.

Соловьева – при написании „Истории России с древнейших времен“ он использовал фантастический объем архивных документов. И вот сегодня среди представителей нового поколения историков появились такие, которые не допускают мысли, что князь, правая рука царя, был необразованным и даже неграмотным. К сожалению, фактов, подтверждающих патриотическое рвение открывателей грамотности Меншикова, нет. Есть только без труда опровергаемые косвенные свидетельства и столь же легко отклоняемые логические доводы...» Чуть ниже обо мне: «И в статьях, и в книге автор, вопреки существующему в истории мнению, пытается доказать: Александр Данилович Меншиков не только не был безграмотным, но принадлежал к числу довольно образованных людей своего времени...»⁵

Токарь царя А.К. Нартов, насколько известно, ничего из упомянутого не писал, многие из знаменитых «Рассказов о Петре Великом»⁶ вовсе не соответствуют словам, сказанным якобы Андреем Константиновичем во вступлении к ним: «Я собирал повествования о Петре Великом и речи сего [славнаго] монарха, слыша оныя либо устно от самого государя или от достоверных особ, в то время живших; и, находясь при Его Императорском Величестве более двадцати лет и нося милость его, бывал я самовидцем упражнений и бесед его; следовательно, о вероятии сих сказаний никто да не усумнится»⁷.

Однако «усумнились». Ибо, как установлено, «Рассказы» принадлежат перу младшего сына А.К. Нартова Андрею Андреевичу, их первая редакция составлена в 1785 – середине 1786 г. и в значительной своей части они являются переложениями из иностранных авторов XVIII в., а посему не могут претендовать на достоверность очевидца. Еще Л.Н. Майков во Введении к наиболее полному изданию этого сочинения писал: «Из 162 рассказов нашего памятника для 35 нам удалось определить печатные источники более или менее точно... служили пособием еще другие печатные книги к рассказам 96-му, 124-му и 142-му»; еще примерно четыре десятка основаны на бытовавших устных преданиях, молве, и лишь приблизительно 35 можно считать воспоминаниями самого царского денщика и токаря, а происхождение остальных неясно; вероятно, рассказы возникли не ранее 1770-х гг.»⁸

Не знаю, почему Н.И. Павленко, перепечатавший майковское издание, не обратил внимания на эти весьма ценные наблюдения⁹. Как увидим ниже, источниковедчески это далеко не безобидная, а вернее,

губительная оплошка, ибо она легла в основу одного из самых важных утверждений моего рецензента относительно происхождения и ранних занятий А.Д. Меншикова.

Наблюдения Л.Н. Майкова подтвердил и существенно развил П.А. Кротов. В обнаруженной и изданной им черновой рукописи А.А. Нартова 121 «рассказ»¹⁰. Убедителен основанный на корректном анализе вывод: «Проведенное исследование позволяет видеть в „Рассказах Нартова о Петре Великом“ в первую очередь именно литературный памятник, в котором лишь в небольшой степени отразились устные воспоминания А.К. Нартова...»¹¹

Таким образом, представления Н.И. Павленко об авторстве «Рассказов» устарели более чем на столетие.

Далее, почему же другие, помимо Н.И. Павленко, «не допускают мысли...»? Кто из них (из нас) написал, что не допускает?

Упоминание о том, что иностранные дипломаты доносили о неграмотности князя, не учитывает, однако, сообщения французского консула в Петербурге А. Лави (Ла Ви) от 3 апреля 1718 г.: А.Д. Меншиков «*читал публично* второй манифест царя, заключающий в себе подробности преступлений князей, княгинь, сановников и других лиц»¹², ссылка на Сб. РИО. 1881. Т. 34. С. 331; курсив авторов, цитата точна.

Перейдем к «без труда опровергаемым косвенным свидетельствам и столь же легко отклоняемым логическим доводам».

Стремясь возможно более широко раскрыть тему, я привел и косвенные, и прямые свидетельства о грамотности А.Д. Меншикова, начав, разумеется, с первых.

Между тем, опустив изданные в книге наблюдения о том, что канцеляристы (секретари) А.Д. Меншикова, по-видимому, различали, когда он заслушивал входящую корреспонденцию, а когда читал самостоятельно, Н.И. Павленко рассуждает: слово «прочел» и т. п. применительно к той эпохе еще не означает, что человек непременно читал сам. Приведенные моим оппонентом цитаты либо выхвачены наугад, либо препарированы таким образом, что может сложиться впечатление, будто бы я не в состоянии понять, что «слова и выражения – „читал“, „чел“, „письма прочет“, „изволь то прочитат“ и подобные им – употреблялись в то время не только в случае, когда корреспондент сам прочел послания, но и когда текст ему зачитал кто-то другой»¹³. Как в действительности я трактую соответствующие сведения, см. в моей книге¹⁴.

Далее Н.И. Павленко развивает эти свои наставления примерами из переписки Екатерины Алексеевны с Петром. «Общеизвестно, что Екатерина была абсолютно неграмотной, не умела начертать (в отличие от Меншикова) даже своего имени, а потому издаваемые указы подписывала ее именем дочь Елизавета». Из писем царицы «только четыре¹⁵... завершены подписью „Екатерина“. Означает сей факт одно: лишь в четырех случаях при отправлении письма рядом оказалась дочь Елизавета»¹⁶. Царь, продолжает свою мысль Н.И. Павленко, тем не менее постоянно просил Екатерину: «для чего не пишешь» и т. п. «Следуя логике Беспятых, Екатерину тоже надобно объявить грамотной»¹⁷.

Но если одна только Елизавета (родилась 18 декабря 1709 г.) подписывала письма матери, то как же быть с ее письмом А.Д. Меншикову от 14 ноября 1711 г., где вслед за писанным канцеляристом текстом идет приписка другой рукой: «Засем здравие ваше предую в сохранение божи и остаюс Екатерина. Из Демина ноебря в 14 день. При сем посылаю княгинену (то есть Д.М. Меншиковой. – Ю.Б.) грамотку, и ты изволь ее прочитат и назат прислат». Менее чем двухлетний ребенок написал и подписал за маму цитированную приписку (почерк-то здесь один и тот же)?

Итак, к письму от 14 ноября было приложено другое, сугубо конфиденциального содержания, коль скоро Екатерина просит не порвать его в клочки, не сжечь, а непременно прислать обратно. Маловероятно, чтобы Александр Данилович доверил прочтение грамотки кому-либо из своего окружения. В архивном деле цитированной грамотки нет; надо полагать, князь послушно отправил ее с обратной почтой¹⁸.

Н.И. Павленко комментирует это: «Верный своим приемам интерпретации источника в удобном себе направлении, автор публикует письмо Екатерины Меншикову... И сразу следует вывод: „Если так, то маловероятно, что Александр Данилович доверил прочтение грамотки кому-либо из своего окружения“. На каком основании можно так судить? Меншиков слыл человеком крутым на расправу и часа не держал бы болтуна-секретаря: все его люди были верными слугами, преданными хозяину»¹⁹.

Да, «часа» князь и «не держал бы болтуна-секретаря», но отлично осознавал, что доверять нельзя никому. Это как нельзя лучше и подтвердилось, когда с опалой А.Д. Меншикова его сразу благополучно «сдали» все приближенные, включая вернейшего А.И. Волкова.

О Екатерине: нет, не «общеизвестно, что она была абсолютно неграмотной», а все-таки профессиональнее надо бы так: не располагаем на сей счет документальными сведениями, и это отнюдь не синонимично. И что за «указы» имеются в виду? Терминологические несуразности вообще нередки в популярной во всех смыслах книге Н.И. Павленко о Меншикове и в рецензиях. Так, историк перепутал значения терминов «грамота» и «грамотка», назвав первым из них обсуждаемое письмо Екатерины²⁰. Но «грамота» – официальный документ, а «грамотка» – частное послание, каковым и является отправленное князю. Кстати, я никогда не писал, что князь был «безграмотным», ибо это слово давным-давно означает «малограмотный», но никак не «неграмотный». Ниже покажу другие труднообъяснимые терминологические и источниковедческие отнюдь не безобидные промахи в текстах Н.И. Павленко.

В первой рецензии Н.И. Павленко сформулировал глухую недомолвку: «...Ю.Н. Беспятых ссылается на свидетельство камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, записавшего в своем „Дневнике“: „...князь Меншиков читал о производстве по армии...“»²¹ Вышло, что опять-таки мог читать не сам, да и вообще непонятно, где и кому. Тем самым предложенный аргумент оказался безнадежно смазанным.

В моих же статье и затем в книге так: гольштинский придворный Ф.В. Берхголец 11 октября 1721 г., подробно освещая ход торжеств по случаю заключения Ништадтского мира, записал, в частности: «...князь Меншиков читал о производствах по армии, а великий адмирал по флоту. После них сенатский обер-секретарь прочел о награждениях и повышениях министрам, бывшим на мирном конгрессе, и многим другим заслуженным лицам»²².

Стало быть, А.Д. Меншиков как генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии (а за ним по своим ведомствам генерал-адмирал, президент Адмиралтейств-коллегии Ф.М. Апраксин и А.Я. Шуккин) огласили весьма пространные перечни военнослужащих и гражданских лиц, по случаю великой победы над шведами произведенных в очередные чины.

При всех своих выдающихся способностях князь не смог бы сделать этого по памяти, предварительно заучив список наизусть. Кроме того, если бы он читал не сам, немецкий наблюдатель, при его дотошности и скрупулезном отношении к подробностям, такое наверняка отметил бы. Добавлю еще: все трое выступили перед множеством людей, собравшихся торжествовать грандиозный триумф России.

Присовокупив сюда уже цитированное выше свидетельство А. Лави о зачитанном князем пространном манифесте царя (1718), не остается иного, как признать: сколь бы емкой ни была память нашего героя, возможности ее все же должны были быть ограничены. В обоих случаях он, конечно же, прилюдно читал сам.

Наконец, как можно иначе истолковать слова Петра в постскриптуме его письма к Александру Даниловичу от 29 сентября 1712 г.: «Господину Брюсу... сие ему прочти сам»²³. Упрекнуть в неграмотности образованнейшего в стране человека Я.В. Брюса и его брата обер-коменданта Петербургской крепости Р.В. Брюса никто не может. Если А.Д. Меншиков не умел читать, то почему царь не велел, допустим, так: дай, мол, господину Брюсу (неважно, который из них имелся в виду) самому, без свидетелей, прочесть «сие»?

Апелляция к авторитету «крупнейших историков страны», которые «с современниками соглашались», и особенно С.М. Соловьева, звучит глухо и вообще некорректна, а о том, что именно писал на сей счет великий историк и как Н.И. Павленко обошелся с его суждениями, поговорим в своем месте ниже.

К «представителям нового поколения историков» Н.И. Павленко относит, по-видимому, тех, кто работал по крайней мере начиная с середины XIX в. и до наших дней (см. обзор историографии в моей книге, ч. I, гл. 1). «Формулы» об авторах, «которые не допускают мысли, что князь, правая рука царя, был необразованным и даже неграмотным», «патриотическое рвение открывателей грамотности Меншикова» оставлю без внимания как откровенно эмоциональные и не имеющие совсем ничего общего с источниковедческим подходом к делу.

Какой смысл заложен в слова «вопреки существующему в истории мнению»? Что за «история»? Если речь, как догадываюсь, идет об исторической мысли, то мнений тут изначально вот уже триста лет два: грамотен – не грамотен. Раздробим: князь умел читать, но не писать, или же наоборот. А потом: мнение – оно и есть мнение, в аргументации может не нуждаться. Я вовсе не пытался что-либо доказать. И вообще в исторической науке, если, конечно, автор совесть, ничего не доказывают, но – устанавливают. Мне, в сущности, безразлично, умел ли князь читать и/или писать, какого он был происхождения, ведь его значимость в нашем отечественном прошлом от этого не изменится, но исследовательскому любопытству не прикажешь – интересно узнать, как же все-таки было на самом деле.

«В специальной главе Ю.Н. Беспятых пытается доказать, что Александр Данилович умел не только читать, но и писать. Доказательства настолько неубедительны, что их неловко и опровергать». Далее приведены не имеющие отношения к делу сведения о грамотности армейских офицеров за 1720–1730-е годы и материалы «В.Ф. Ратча и поверившего ему Ю.Н. Беспятых»²⁴.

Да никому я не поверил. Сведения об образованности солдат и офицеров Бомбардирской роты – ядре и изначальной элите петровских гвардейских войск – содержатся в обстоятельных трудах, основанных на архивах первых гвардейских полков, – трудах, в которых раскрыта специфика Бомбардирской роты (где же в сочинениях моего критика ссылки на эти важные документы?), обучение разным наукам, практические занятия бомбардиров и т. д. Н.И. Павленко ни словом об этом не упоминает, но зачем-то приводит подсчеты М.Д. Рабиновича, согласно которым в 1720–1722 гг. среди офицеров русской армии было «в зависимости от рода войск от 4,4 до 31,2%» неграмотных²⁵. Так ведь то в армии, а не в гвардии и тем более не в Бомбардирской роте.

«Самым веским доказательством умения Меншикова писать автор считает такие слова в послании Александра Даниловича: „по письмам собственных наших рук“, придавая им свое толкование и игнорируя факт, что выражение имеет такое же значение, как „чел“, „читат“, „ты пишешь“ и т. д.»²⁶.

У Н.И. Павленко рефреном звучит обо мне: «ни тени сомнения», «толкует в угоду своей навязчивой идее», «принимает на веру» и т. п.

Ни Боже мой. Вся моя книга исполнена сомнениями, в ней, как увидит внимательный читатель, нет ни единого утверждения, которое бы не было уверенно обосновано, а прочее, не поддающееся надежному толкованию, я всегда оставляю под вопросом.

«О приведенных Беспятых „подлинных документах“ я уже сказал. Но вот незадача: человек с такими обширными познаниями не оставил потомкам ни одного автографа (кроме подписи) и ни одного чертежа»²⁷.

Разве? Дабы убедиться в умении А.Д. Меншикова писать, достаточно взглянуть на факсимильно воспроизведенную Н.Г. Устряловым фразу: «*Александрко Меншиков челомъ бьетъ*»²⁸ (без «ъ» в конце фамилии; курсив мой).

Тут Н.И. Павленко меня особенно удивил: «Автограф „Александр по Меншиков челом бьет“ не характерен для скорописи начала

XVIII в., это скорее упражнение в рисовании букв. Тому свидетельство бессмысленное дополнение „по“ к слову „Александр“»²⁹.

Историк, по его собственным словам, «десять лет изучавший архивные источники», не оказался в состоянии прочесть аккуратным почерком написанное «Александрко Меншиков челомъ бьетъ», явно адресованное царю, поскольку с уменьшительным, хотя и необычным «Александрко» вместо общепринятого «Алексашка»? И при чем тут скоропись? Мы же не знаем, в каком возрасте и в каком состоянии А.Д. Меншиков начертил эти слова.

Что до чертежей, то 9 мая 1716 г. «его светлость, в 6-м часу пополуночи встав, убрався, изволил гулять, между некоторые учиня рисунки о строении своего дому Броунштейну»³⁰ (архитектору И.Ф. Браунштейну). Здесь словом «рисунки» названы чертежи; см.: «...чинится оно (строительство кораблей. – Ю.Б.) в Англии по рисункам, в которых все части и пропорции в тонкость назначиваются...», а также о скляевском «рисунке» гакаборта корабля «Ластка»³¹. Рисунок – это на языке той поры чертеж. Здесь опять приходится с сожалением констатировать исследовательскую легкость рецензента: одно дело «не оставил... ни одного чертежа» и совсем другое – они (пока) не известны. Впрочем, один уже, как видим, надежно зафиксирован.

Наконец, Н.И. Павленко не подозревает о существовании свидетельства об умении князя писать, обнаруженного еще Г.В. Есиповым (к слову, поистине добросовестным его биографом). Будущие жена и свояченица – Д.М. и В.М. Арсеньевы – сообщали в Воронеж: «Радость, наш государь милостивый, батюшка Александр Данилович!.. И не сподобились видеть тебя, света своего, только о сем порадовались, что увидели письмо *руки твоей*. Дашка да Варька челом бьем»³². Можно ли было назвать «письмом руки твоей» послание, лишь, допустим, подписанное корреспондентом? Было бы, вероятно, «за рукой твоей».

«Не убеждают в умении Меншикова писать и подчеркнутые жирным шрифтом слова Александра Даниловича „по письмам собственных наших рук, к милости вашей посланным“. Это такая форма, о которой подробнее сказано выше, когда речь шла о толковании слов „ты пишешь“, „читал“, „чел“ и др.»³³.

Нет, тут отнюдь не такая же «форма», и это хорошо понятно из моих статьи и книги.

Имеется в виду письмо к Петру I от 27 августа 1705 г., в котором Александр Данилович винится, что замешкался с исполнением цар-

ского поручения прислать затычки для орудийных стволов: «А что вчерашняго дня оные к милости вашей нашим забвением не посланы, и о том прошу пожалуй, государь, изволь нас в той вине милостиво простить, понеже я надеюсь, что уже ваша милость не безызвестен **(по письмам собственных наших рук, на одном листу к милости вашей посланным)**, в каком мы вчерашняго дня обреталися состоянии, однако ж не ради чего иного, но токмо для (в начале) здравия милости вашей, а потом обрадуясь общему свиданию с их милостми здесь обретающимися господами, так силны и шумны были»³⁴. (Выделено мной.) То есть у Петра помянутые «письма» не должны были оставить места сомнениям, в каком участники попойки «обреталися состоянии».

А «собственных рук» – это собственных рук. Иначе истолковать не получится.

Н.И. Павленко, «перелопативший», по его словам, многие архивные фонды в стремлении выяснить все возможное о жизни и деяниях князя³⁵, не заглянул в труд глубоко уважаемого им Н.Г. Устрялова. Посему позволю себе отвести и такой вывод: «Итак, доказать умение Меншикова писать можно только одним аргументом – обнаружить тексты, им написанные. Все остальное – от лукавого»³⁶.

Что ж, я рад, что сбылась мечта Н.И. Павленко – теперь он наконец знает бесспорные свидетельства в пользу умения А.Д. Меншикова читать, а также видел фразу, собственноручно начертанную его героем, и располагает надежным свидетельством: князь в чертежах на бумаге предлагал зодчему И.Ф. Браунштейну какие-то свои варианты архитектурных решений.

«Более серьезен, однако, вопрос другого рода. Откуда и как могли появиться в России конца XVII века люди, знавшие военное искусство, артиллерийское дело, архитектуру и прочее, если в стране тогда существовало единственное учебное заведение с богословским уклоном – Славяно-греко-латинская академия?»³⁷

Этот «более серьезный» вопрос изначально не существует, ибо «откуда и как» появились в ту пору в нашем Отечестве сотни самых разных специалистов, без запинки скажет на улице первый встречный. И разве только в учебных заведениях постигали тогда знания люди? Где обучился сам Петр I наукам и ремеслам? Неужели в упомянутой академии?

Рассуждения рецензента о моих выкладках по поводу происхождения А.Д. Меншикова тоже определенно призваны запутать дело.

Этой теме почти во всех изданиях книги Н.И. Павленко о светлейшем князе посвящена специальная глава под названием «Пирожник в роли „потомка“ ободритов». Поговорив об источниках и литературе на эту тему, Н.И. Павленко апеллирует к авторитету С.М. Соловьева. «Крупнейший историк прошлого столетия» высказался так: «Современники иностранцы, – писал маститый ученый, – единогласно говорят, что Меншиков был очень незнатного происхождения; по русским известиям, он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха».

У читателя создается впечатление, что С.М. Соловьев мыслил точно так же, как и новейший биограф князя, и был, «на наш взгляд», «ближе всех к истине о происхождении» Меншикова³⁸.

Н.И. Павленко всего-навсего не дочитал помещенные в примечании размышления С.М. Соловьева: «Что касается до известия о литовском или западнорусском происхождении Меншиковых, то оно очень вероятно, ибо переселенцев из Литвы и Западной России, принятых в разные службы, было много со времен царя Алексея»³⁹.

Мысли о происхождении своего героя Н.И. Павленко заключает выводом: «Остается одно – исходить из достоверного факта, что Александр Меншиков добывал хлеб насущный торговлею пирогами»⁴⁰.

Это взято из 138-го «рассказа Нартова» в издании Л.Н. Майкова⁴¹. Свидетельство звучало бы, может быть, и убедительно в пользу «пирожного» детства или юности А.Д. Меншикова, если бы не было известно, что сюжеты для своих «Рассказов» их сочинитель заимствовал преимущественно из зарубежных сочинений о Петре, авторы которых, разумеется, следовали привычным, устоявшимся (и намеренно широко распространенным) представлениям⁴².

В моей монографии подробно изложено: молва об этом восходит к немцу М. Нейгебауеру (1704), затем ее подхватили многочисленные западноевропейские авторы, а сами «Рассказы» составлены отнюдь не А.К. Нартовым, на чем, вопреки надежным исследованиям Л.Н. Майкова и П.А. Кротова, по-прежнему настаивает мой рецензент, но его сыном А.А. Нартовым спустя многие десятилетия (см. об этом выше, в начале моего текста). Тем самым единственный на сей счет аргумент Н.И. Павленко попросту уничтожается как источниковедчески беспомощный: ни о каком «достоверном факте» говорить не приходится.

Заслуживает ответа и следующее: «Ю.Н. Беспятых сосредоточил свое внимание на сочинениях пасквилянта М. Нейгебауэра, похоже,

первым в 1704 г. пустившего в обиход представление о Меншикове как о „пирожнике“»⁴³. Так оно и есть. Только профессор забыл уведомить читателей, что установил это не он, а я⁴⁴. Он и не мог узнать подобного, ибо, судя по его многочисленным изданным трудам, ни одним иностранным языком не владеет.

«...Все без исключения современники, русские и иностранцы, оставившие записки, считали Меншикова выходцем из простолюдин»⁴⁵.

Во-первых, нет фактов, подтверждающих, что кто-то из них специально занимался изысканиями по поводу родовых корней князя, а стало быть, опять-таки опирались на слухи, молву, толки. Во-вторых, напрасно Н.И. Павленко говорит обо «всех без исключения», поскольку не знает и малой доли таких авторов (писавших на добром десятке языков), а ведь многие из них либо утверждают как раз обратное, либо приводят обе версии происхождения, не отдавая предпочтения ни той, ни другой⁴⁶.

В более раннем издании из сказанного о торговле Александром пирогами сделан категорический вывод: «Но этого рода занятие дает основание отклонить всякие попытки Меншикова изобрести благородных предков – он происходил, по терминологии того времени, из „подлородных людей“»⁴⁷.

Нет, вовсе не дает такого основания. Еще Г.В. Есипов писал: «В то время пирожником мог быть и сын дворянина, и сын торгового человека, и посадского, и крестьянина: сословной знати в нынешнем значении не существовало, кроме семей боярских»⁴⁸. По К. Валишевскому, «сын мелкопоместного дворянчика из-под Смоленска мог продавать пирожки на улицах Москвы; ведь торговал же ими кавалер ордена св. Людовика в Версали...»⁴⁹.

Н.И. Павленко точно знает, кем был отец нашего героя: по этому поводу предложено очередное обращение к С.М. Соловьеву, написавшему: «По русским известиям, он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха»⁵⁰.

Однако классик оговорился, ибо знал лишь одно такое известие, на которое и сослался: «Рукопись Эрмитажа, № 90»; эту ссылку комментаторы последнего издания его сочинений сопроводили примечанием: «Не найдена»⁵¹. Да, под указанным номером в «Эрмитажном собрании» Отдела рукописей РНБ (ГПБ) совсем другой документ. Но, как показано в моей книге, П.А. Кротов под другим шифром все же обнаружил искомый и без какой-либо с моей стороны просьбы передал мне копию. Написанный рукой М.М. Щербатова на клочке

бумаги, он гласит: «Меншиков родился близ Владимира в Етегорицкой волости. Конюхов сын. Слышел от Ф.И. Новикова. Апреля 2 дня 1775 года. Москва»⁵². То есть спустя полвека некий Ф.И. Новиков поделился с историком давним слухом, и только.

Примечателен следующий аргумент Н.И. Павленко в пользу «подлородности» светлейшего князя: «Происхождение еще одного источника, освещавшего родословие Меншикова, было необычным. Ранним утром 2 июля 1727 года мастерской Городовой канцелярии Даниил Колосов... обнаружил в сенях бывшей Штатс-канторы, где жил, крашенинный мешочек. В нем было завернуто подметное письмо... Анонимный автор обвинял Меншикова в том, что он „дванадцатилетнего отрока (Петра II. – *Н.П.*) принудил обручиться с недостойною того брака дочерью своею, внукою маркитанскою“». Вывод: «Следовательно, дед Марии Александровны Меншиковой, отец Александра Даниловича, согласно анониму, был маркитантом – продавцом съестного для солдат»⁵³.

Оговорка «согласно анониму» мало что значит, ведь цитированный документ лег в контекст аргументации Н.И. Павленко в пользу худородия князя. Даже если забыть о развернувшейся в то время жесткой борьбе за влияние на подростка-императора Петра II, подобный «документ» ровным счетом ничего не скажет об истинном происхождении А.Д. Меншикова. Но факт упоминания о данной бумаге уверенно отражает общий исследовательский, и в частности источниковедческий, уровень моего рецензента.

Теперь о конюхах. Называя Александра Даниловича сыном конюха, Н.И. Павленко не знает установленного еще в середине XIX в. В.Ф. Ратчем: потешные конюхи «получили название „потешных“ или сперва даже „потешных конюхов“ как по причине их набора из придворных конюхов, так и потому, что для содержания неимущим их включали по воле царя в состав Конюшенного приказа»⁵⁴. То есть потешный конюх мог не иметь никакого отношения к лошадям и вообще к конюшенному делу, а служил в становившейся на ноги военной организации Петра, которая в 1687 г., уже многочисленная, разделилась на две части – Преображенскую и Семеновскую. В 1688 г. потешные конюхи – будущие гвардейцы – получили особые военные мундиры⁵⁵.

Здесь уместно процитировать оригинальное заявление Н.И. Павленко относительно моей профессиональной подготовки: «Автор допускает еще одну оплошность, он ставит знак равенства между

суждениями крупных специалистов, знатоков эпохи (Н.Г. Устрялов, П.П. Пекарский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.М. Богословский), и историков менее значительных (В.Ф. Ратч, Н.А. Полевой и др.)»⁵⁶.

Н-да. Что такое «знак равенства между суждениями»? И почему следовать надо только «крупным специалистам»? Ведь они, создавая труды общего характера, не имели возможности глубоко изучать каждую из более или менее частных проблем. Яснее ясного: именно «менее значительные» ученые на широком круге архивных материалов надежно исследуют начальную (в нашем случае) пору Петровской России, и в том числе на их труды справедливо опираются создатели широких исторических полотен.

Впрочем, с выдающимися исследователями тоже оказывается не так просто. Мы уже видели, что классического труда Н.Г. Устрялова мой рецензент внимательно не читал; видели, как он обошелся с текстом С.М. Соловьева (а упомянутая ошибка которого, конечно же, и объясняется грандиозностью задач, не позволившей вдаваться во все частности). П.П. Пекарский впервые процитирован рецензентом по моей же книге⁵⁷. В.О. Ключевский вовсе не занимался разбираемыми здесь вопросами (что, по-видимому, рецензенту не известно, иначе к чему бы называть здесь это имя), однако его суждения на сей счет мною все-таки учтены: В.О. Ключевский осторожно назвал князя «человеком темного происхождения» и заметил, что он, «как гласила молва» (явно не случайная оговорка!), некогда промышлял уличной торговлей пирогами⁵⁸. В другом своем труде историк называет А.Д. Меншикова «неродовитым»⁵⁹. И это все, каких бы то ни было собственных разысканий на данные темы В.О. Ключевский не проводил. Следовательно, Н.И. Павленко давненько не читал и этого автора.

Труд М.М. Богословского «Петр I: Материалы для биографии» широко использован в моей книжке. О В.Ф. Ратче уже сказано выше, а Н.А. Полевой учтен мною в обзоре историографии постольку, поскольку написал очерк о светлейшем князе, и суждения этого автора, вполне несамостоятельные, на мои взгляды не повлияли⁶⁰.

Снова и снова убеждаешься: Н.И. Павленко не интересовался ни литературой, ни источниками по изучаемой им теме. Почему годом рождения А.Д. Меншикова он постоянно называет 1672 (никак это не обосновывая), если давно уже общепринятой датой является 6 ноября 1673 г. (разумеется, с опорой на надежные источники)? Почему

полагает, будто в документах «самое раннее упоминание о Меншикове» относится к 29 августа 1694 г.⁶¹? Ведь еще В.Ф. Ратч (и, по видимому, почти одновременно независимо от него Н.Г. Устрялов) разыскал «Роспись (или: Список) бонбардиром 2-й статьи» из 34 человек, в которой Александр Меншиков значится под № 27⁶². Документ неоднократно опубликован, хорошо известен исследователям, но датируется ими с большим временным разном – от 1682 до 1693 г.⁶³ Почему мой рецензент обходит молчанием вопрос о возможном (близком) родстве светлейшего князя и знаменитого кораблестроителя Гаврилы Авдеевича Меншикова, которые в отрочестве и юности, как видно из очень многих документов конца XVII – начала XVIII в., были неразлучны и вместе участвовали в первых же «потехах» Петра? Названная чуть выше дата 29 августа 1694 г. – это коллективное письмо Ф.М. Апраксину от компании, в которой был и царь, с подписями (среди прочих): «Один брат Гашка, Алексашка Меншиковы»⁶⁴. М.К. Поссельт уверенно называет их двоюродными братьями⁶⁵; с этим фундаментальным двухтомным трудом (на немецком языке) мой рецензент тоже не знаком.

И почему он не учел опубликованный еще в 1991 г. уникальный документ, где впервые и единственный раз потешный конюх Данила Меншиков возникает как реальная фигура⁶⁶? Если Н.И. Павленко «перелопатил», как он выразился⁶⁷, много архивных фондов, то уж наверняка превосходно знает ф. 198 (А.Д. Меншикова) в РГАДА. Так почему же нигде ни разу не упомянуто целое дело: обширная переписка возможных родственников – А.Д. Меншикова и минского стражника Ю. Менжыка (Менжика) за 1718 г.⁶⁸, не говоря уже о приезде последнего годом ранее к князю в Петербург «послом»⁶⁹? Почему Н.И. Павленко, десятилетия посвятивший изучению жизни и деятельности А.Д. Меншикова, нигде не обмолвился об этих опубликованных и архивных сведениях? Что стоило привести их и убедить читателя в их недостоверности?

Творческая манера Н.И. Павленко прозрачна: он принимает любые сведения, укладываемые в его представления о происхождении, ранних занятиях и грамотности А.Д. Меншикова, и вместе с тем легко отклоняет противоречащие им. Анализ последних отсутствует, если не считать таковым «формулы»: «вызывают сомнения», «не вызывают доверия», документ «вызывает подозрения», сведения «не убеждают», «настолько мутны, что принимать их всерьез нет оснований», и т. п. Охарактеризованные таким образом источники в

последующем почти или вовсе даже и не упоминаются как не имеющие значения для исследования.

Официальных источников о происхождении Александра Даниловича, по Н.И. Павленко, «всего два»: императорский и российский дипломы на княжеское достоинство. Однако историк не сделал даже подступов к источниковедческому анализу ни того, ни другого документа (причем не знает о существовании нескольких изданий и неопубликованных рукописных переводов первого, а ведь их тексты порой звучат по-разному⁷⁰). Нет и разбора сочинения «Заслуги и подвиги... Александра Даниловича Меншикова...»⁷¹, оно даже ни разу не процитировано, лишь наотмашь названо «явно заказным»⁷², а стало быть, не заслуживающим доверия. Однако ведь и в заказном (если оно таковое) могут содержаться крупинцы истины, а это можно выяснить лишь посредством внешней и внутренней критики источника. Но из «Заслуг и подвигов...» рецензент привел только одно – выдержку из императорского диплома на княжеское достоинство с титулом светлости (в русском переводе 1848 г.)⁷³. Читатель же вправе ожидать профессионального анализа самогó трактата с последующим заключением о степени достоверности тех или иных содержащихся в нем сведений. (Даже злостные анонимщики непременно разбавляют заведомо ложные сведения правдивыми.)

Н.И. Павленко, не подозревая, по-видимому, о том, что задолго до него Д.Н. Бантыш-Каменский нашел чрезвычайно интересный документ – решение съезда (сеймика) литовской шляхты 7(18) декабря 1707 г. в Новгороде (Новогрудке), признавшего А.Д. Меншикова литовским шляхтичем и своим соотечественником, без ссылки на предшественника кратко излагает суть этой архивной бумаги. Однако и она представляется историку «подозрительной»: Н.И. Павленко предположил, что великий маршал Великого княжества Литовского М. Волович, директор съезда князь М. Радзивилл и еще 46 шляхтичей-делегатов поставили под этим документом свои подписи, соблазнившись «обильным угощением, устроенным Меншиковым, который» к тому же «не поскупился и на обещания предоставить льготы шляхте, чьи владения находились на театре военных действий»⁷⁴, то есть речь идет о примитивном подкупе либо шантаже магнатов. Только вдумайтесь: двое уже названных, затем епископ Смоленский Я.М. Згерский, воеводы и другие гордые высокопоставленные польско-литовские шляхтичи, поставили свои подписи под очевидной фальшивкой!⁷⁵

Словом, официальным документом Н.И. Павленко решение сеймика в любом случае не считает.

Рецензия заполнена фразами, призванными ввести в заблуждение неискушенного читателя. Помимо отвлеченных и необязательных для темы нашей полемики рассуждений, Н.И. Павленко не предложил никакой встречной аргументации по существу разбираемых вопросов. Он опустил все существенное в моих основанных на источниках доводах, после чего назвал их «абсолютно неубедительными»⁷⁶.

В рецензии Н.И. Павленко, как мы видели, все либо заведомо неверно, либо по меньшей мере уязвимо, а моя аргументация по тому или иному поводу трактована произвольно; рецензия изобилует рассуждениями, не имеющими отношения к нашей теме и тем самым лишь отвлекающими от нее внимание читателя. Собственно, суть монографии, в которой использовано свыше четырехсот названий архивных, опубликованных источников и литературы, «работающих» на раскрытие темы, так и осталась неясной. Рецензия определенно не рассчитана на читателей, знакомых с книгой. Мои наблюдения либо искажены до неузнаваемости, либо преподнесены в манере, которую в науке традиционно и справедливо называют намеренным оглушением выкладок оппонента.

Надеюсь, читатель раскроет, положив рядом, мою монографию и рецензию (а лучше обе рецензии) и, хотя бы выборочно, в любых местах, сравнит их содержание, дабы прийти к самостоятельным выводам.

Разумеется, этим наша полемика не может быть сочтена исчерпанной. Из-за ограниченности предоставленного мне объема многое из имеющего отношения к теме монографии не удастся обсудить. Кроме того, немисливо втиснуть в одну эту статью все накопившиеся у меня многочисленные вопросы к Н.И. Павленко по поводу самых разных сюжетов, фактов, трактовок, имеющих прямое отношение к личности и деятельности А.Д. Меншикова.

¹ Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. № 9 (9540). С. 5. (Беспятых Ю.Н., Рахман А.И. Грамотный А.Д. Меншиков // Меншиковские чтения–2003. СПб., 2004. С. 26–29; Беспятых Ю.Н. «...По письмам собственных наших рук...» // Югра. 2004. № 8. С. 81–86; № 9. С. 71–75).

² Беспятых Ю.Н. А.Д. Меншиков был грамотен! // Жизнь Югры. 2005. 18 марта. № 19 (9550). С. 5.

³ Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005.

⁴ Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2006. № 3. С. 69–75. Поскольку оба текста Н.И. Павленко вышли под одним и тем же названием, в дальнейшем буду ссылаться так: Павленко Н.И. // Жизнь Югры; Павленко Н.И. // Наука и жизнь.

⁵ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 69.

⁶ Самое полное издание: Рассказы Нартова о Петре Великом / [Изд.] Л.Н. Майков. СПб., 1891.

⁷ Там же. С. 1.

⁸ Майков Л.Н. [Введение] // Рассказы Нартова о Петре Великом. С. VI, VII, XI.

⁹ Россию поднял на дыбы... / Сост. Н.И. Павленко. М., 1987. Т. 2. С. 525–649.

¹⁰ Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подготовка текста рукописи и прилож., вступ. ст. П.А. Кротова. СПб., 2001.

¹¹ О «Рассказах» и их авторе подробно см.: Кротов П.А. 1. Авторство и достоверность «Рассказов Нартова о Петре Великом» // Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом... С. 7–39; 2. Сын царского токаря руку приложил: Откуда взялись «Рассказы Нартова о Петре Великом»? // Родина. 2002. № 7. С. 39–42; 3. «Рассказы Нартова о Петре Великом»: исторический источник или памятник литературы? // Меншиковские чтения–2003. С. 109–123.

¹² См.: Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. Часть первая: Александр Меншиков. СПб., 2005. С. 79. Книга подписана к печати 15.09.2005 и вышла в свет в конце ноября этого года; моя подписана к печати 15.07.2005 г. и вышла в августе.

¹³ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 70.

¹⁴ Беснятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков... С. 24.

¹⁵ Точнее, подписанных (кем бы то ни было) писем Екатерины Алексеевны к Петру I Н.И. Павленко опубликовал не четыре, а пять: от 21 августа 1718; 27 и 30 июля 1719; 26 января 1720 и 30 июня 1724 г. (Павленко Н.И. Екатерина I. Приложение: Переписка Петра I и Екатерины Алексеевны. № 141. С. 225; № 172. С. 240–241; № 174. С. 241–242; № 188. С. 249; № 222. С. 261–262).

¹⁶ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 71.

¹⁷ Там же. Последняя фраза видится, скажем так, сугубо эмоциональной.

¹⁸ Беснятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков... С. 26. Подлинное письмо полностью факсимильно воспроизведено на с. 25–26 со ссылкой на место хранения: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4756. Л. 1–1 об.

¹⁹ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 71.

²⁰ Павленко Н.И. // Жизнь Югры. С. 5.

²¹ Там же.

²² Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца / Пер. с нем. И.Ф. Аммона. М., 1902. Ч. 1. С. 136. Перепечатано (по рус. изд. 1858–1860 гг. в том же переводе): Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца // Неистовый реформатор / Сост. А. Либермана, В.П. Наумова; послесл., указ. имен, глоссарий В.П. Наумова. М., 2000. С. 227. – Это сообщение слишком важно, чтобы можно было слепо довериться переводу. В немецком оригинале (его орфографию сохраняю): «...wurden vom Fürst Mentschikof die Avancemens bey der Armee, und vom Großadmiral die von der Flotte angeköndiget, worauf denn auch noch durch der Obersecretair des Senats einige Gratificationen und Avancemens angeköndiget wurden,

nemlich für die Minister, welche den Frieden geschlossen, und für andere meritirte Personen mehr» (*Bergholz F.W.* Fridrich Wilhelm von Bergholz, Großfürstlichen Oberkammerherrns, Tagebuch, welches er in Rußland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunker geföhret hat: Erster Theil, von 1721 // *Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Vösching...* Halle, 1785. Theil XIX. S. 144). Допущенные в переводе неточности не имеют отношения к А.Д. Меншикову: вместо «министрам, бывшим на мирном конгрессе» следовало бы перевести: а именно министрам, заключившим мир; в оригинале отсутствует слово «многим» применительно к другим гражданским лицам.

²³ ПБИБВ. М., 1977. Т. 12. Вып. 1. № 5591. С. 165.

²⁴ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 72.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 70–71.

²⁷ Там же. С. 73.

²⁸ Подписи Александра Меншикова // *Устрялов Н.Г.* Карты, планы и снимки к четвертому тому «Истории царствования Петра Великого». СПб., 1863. 16: № 2. С. 16–17. Исследователь сопроводил опубликованные автографы (их шесть) лишь весьма глухими замечаниями относительно места хранения: «Хранится в Государственном архиве», «Хранится в Адмиралтейств-совете», «В Гос. архиве. Отд. II, кн. 2», и только одно, отправленное из Воронежа, датировано – 9 февраля 1703.

²⁹ Павленко Н.И. // Жизнь Югры. С. 5; см.: *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 35. Ранее в трудах Н.И. Павленко об этом автографе не упоминалось.

³⁰ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова: 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* М., 2000. [Вып.] X. С. 38. (Рукопись хранится в: РГАДА. Ф. 53. Д. 11.). Есть второе издание: *Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова: 1716–1720, 1726–1727 гг.* М., 2004.

³¹ *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 34. Ссылки на с. 45, примеч. 42; С. 42, примеч. 22.

³² *Есипов Г.В.* Князь Александр Данилович Меншиков // РА. 1875. Кн. 2. Вып. 7. С. 237. Полный текст письма верно процитирован в новейшей книге: *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. Часть первая: Александр Меншиков. С. 71. Курсив принадлежит им.

³³ Павленко Н.И. // Жизнь Югры. С. 5.

³⁴ ПБИБВ. СПб., 1893. Т. 3. Примеч. к № 902. С. 930. Цитировано: *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 36–37.

³⁵ Павленко Н.И. // 1. Жизнь Югры. С. 5; 2. Наука и жизнь. С. 73.

³⁶ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 73.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 33.

³⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1991. Кн. VII. Т. 14. С. 636.

⁴⁰ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 34.

⁴¹ Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 90.

⁴² См., напр.: *Кротов П.А.* Авторство и достоверность «Рассказов Нартова о Петре Великом». С. 12 и сл. См. также обстоятельную и созвучную соображениям

П.А. Кротова рецензию С.А. Мезина на указанную публикацию: История Петербурга. 2003. № 1 (11). С. 90–91.

⁴³ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 75.

⁴⁴ См.: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 114–115, 148–149.

⁴⁵ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 70.

⁴⁶ См.: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... Ч. I. Гл. 1: Сведения в западноевропейских текстах XVIII в. С. 47–63, а также гл. 2: «Источники и их трактовки». С. 110–112.

⁴⁷ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 18.

⁴⁸ *Есипов Г.В.* Князь Александр Данилович Меншиков // РА. 1875. Кн. 2. Вып. 7. С. 233. Цитировано: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 76.

⁴⁹ *Валишевский К.* Петр Великий: Воспитание. Личность: По новым источникам / Пер. с франц. А. Гретман. М., 1990 (репринт издания 1911 г.). С. 298–299. Цитировано: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 77.

⁵⁰ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 33.

⁵¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. Т. 14. С. 556; Примеч. 254 (комментаторов). С. 636.

⁵² ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). Д. 363 (Сборник XVIII в.). Л. 100–101 об. См. об этом: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 112–113, 147.

⁵³ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 26.

⁵⁴ *Ратч В.Ф.* Бомбардиры в потешных войсках Петра Великого // Военный сборник. 1860. Т. XI. Неоф. С. 13.

⁵⁵ Подробнее см.: Там же. С. 31.

⁵⁶ Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 74.

⁵⁷ Там же. С. 69–70. Ср.: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 9.

⁵⁸ *Ключевский В.О.* Петр Великий среди своих сотрудников // Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. VIII: Статьи. С. 384, 381.

⁵⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. IV // Там же. М., 1989. Т. IV. С. 373. См. также: с. 179.

⁶⁰ См.: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 67, 97.

⁶¹ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 35. А рождение царевича Алексея Петровича датирует октябрем 1691 г., хотя правильно: 18 февраля 1690 г. (Там же. С. 31).

⁶² *Рач (Ратч) В.Ф.* Петр Великий как артиллерист и капитан бомбардирской роты. Начальствовавшие артиллеристы при Петре // Артиллерийский журнал. 1857. № II. Отд. учен. и техн. С. 95.

⁶³ См. об этом: *Беснятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 29, 40, 139, 140.

⁶⁴ ПБПВ. СПб., 1887. Т. 1. № 32. С. 26. Гашка (и Ганка) – обычные для того времени уменьшительные от Гаврилы, Гавриила.

⁶⁵ *Posselt M.C.* Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. Frankfurt am Main, 1866. Bd 1. Beilagen: V. S. 547.

⁶⁶ *Дегтярев А.Я., Лавров А.С.* Баловень безродный? Архивы раскрывают тайну Александра Меншикова // Неделя. 1991. 29 июля–4 августа. № 31. С. 11; опубликовано также: *Дегтярев А.Я., Лавров А.С.* Баловень безродный? // Источниковедение

и краеведение в культуре России: К 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту: Сб. М., 2000. С. 138–140.

⁶⁷ Павленко Н.И. // Жизнь Югры. С. 5.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 757. 12 л. Это архивное дело обнаружил П.А. Кро- тов.

⁶⁹ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова... С. 159, 163.

⁷⁰ См. перечень известных мне в списке цитированных источников и литерату- ры: *Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 195–196.

⁷¹ Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Дани- ловича Меншикова, с основанным на подлинных документах описанием всего до- стопримечательного, что по Всемилоостивейшему повелению Его Императорского Величества Петра Великого и Всепресветлейшей Императрицы Екатерины было совершено под управлением и начальством его светлости при дворе и в армии, равно как и во всем Российском государстве // СО. 1848. Кн. I. [Отд.]. I. С. 1–32; Кн. II. [Отд.] I. С. 1–54; Кн. III. [Отд.] I. С. 1–26; Кн. IV. [Отд.] I. С. 1–28; Кн. V. [Отд.] I. С. 1–56; Кн. VI. [Отд.] I. С. 1–36. Оригинальное название: Dignitaten und Thaten Sr. Hoch-Fürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menschicow, worinen das jenige, was auf allergnddigsten hohen Befehl Sr. Kaiserl. Mt. Petri Magni und allerdurchlauchtichsten Kaiserinn Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und den Armeen, so wohl als auch sonst in Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet worden, aus bewahrten Documenten beschrieben.

⁷² Павленко Н.И. // Наука и жизнь. С. 74.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 27.

⁷⁵ См. полный перечень 48 делегатов съезда с указанием должностей: *Беспя- рых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков... С. 135–136.

⁷⁶ Павленко Н.И. // Жизнь Югры. С. 5.

Архив ВИМАИВ и ВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук
БАН – Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ДППС – Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого
Е. Ц. В. – Его Царское Величество
МИРФ – Материалы для истории русского флота
ОМС – Общий морской список
ОРРК БАН – Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной (Публичной) библиотеки (Санкт-Петербург)
ПБИПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РА – Русский архив
РАН – Российская Академия наук
РБС – Русский биографический словарь
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАВМФ ЦХСФ – Российский государственный архив Военно-морского флота, Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск Тюменской области)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
СО – Сын Отечества
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
Сб. РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества
ТРВИО – Труды Императорского Русского Военно-исторического общества

Андреева Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела ГЭ «Дворец Меншикова» (Санкт-Петербург)

Беснятых Юрий Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, член Союза писателей Санкт-Петербурга, директор НИЦ «Меншиковский институт»

Дуров Иван Герасимович – доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Копанева Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Кротов Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, академик Академии военно-исторических наук, заместитель директора НИЦ «Меншиковский институт»

Савельева Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

От ответственного редактора 5

I. Научные статьи

Андреева Е.А.

Петербург Петра I – «город на костях»: миф или правда?
(1703–1712) 7

Дуров И.Г.

Провиантское обеспечение адмиралов
флота Петра Великого 35

Копанева Н.П.

Голландский резидент Я. де Би о светлейшем
князе А.Д. Меншикове (по материалам
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) 55

Кротов П.А.

П.Н. Крекшин и сотворение мифов
о Полтавской битве 1709 г. 67

Савельева Е.А.

А.Д. Меншиков на страницах «Ведомостей»
Петровского времени 84

Таирова-Яковлева Т.Г.

А.Д. Меншиков и гетман И.С. Мазепа
(Из истории взаимоотношений) 94

II. Критика

Беснятых Ю.Н.

Как ваше слово отзовется? О рецензии Н.И. Павленко
(«Наука и жизнь». 2006. № 3. С. 69–75) на мою книгу
«Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность» 105

Список сокращений 125

Сведения об авторах 126

Меншиковские чтения – 2006
Сборник научных статей

Редактор В. Кротова
Художник А. Спиридонов
Технический редактор А. Слободин
Корректор В. Кротова

Главный редактор Н. Кирющенко

Подписано в печать 10.10.2006. Формат 60 × 90/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyt.
Объем 8 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 161

Издательство «Историческая иллюстрация».
190000, Санкт-Петербург, а/я 316
E-mail: ist-il@peterlink.ru
Тел./факс: 567 0737

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Первая типография»
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13